Краснодарский университет МВД России

Л. В. Карнаушенко

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Учебное пособие

Краснодар
2022

УДК 340.0(09)(021)
ББК 67.3я73
К245

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:
Н. С. Нижник, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России);
Ю. А. Иванченко, кандидат юридических наук (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя);
Н. Ю. Турищева, кандидат юридических наук, доцент (Кубанский государственный университет).

Карнаушенко Л. В.
К245 История государства и права Нового времени : учебное пособие / Л. В. Карнаушенко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2022. – 246 с.

ISBN 978-5-9266-1848-5

Рассматривается процесс формирования и развития государственно-правовых институтов Нового времени. Предлагается хронологическое изучение государственно-правовых институтов отдельных стран мира в течение их генезиса и эволюции с учетом исторической обстановки путем обнаружения и обоснования общеисторических закономерностей этих процессов.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340.0(09)(021)
ББК 67.3я73

ISBN 978-5-9266-1848-5

© Краснодарский университет
МВД России, 2022
© Карнаушенко Л. В., 2022

Введение

Эпоху Нового времени сложно переоценить в ее общеисторическом значении, по масштабам и глубине изменений, произошедших как в мировоззрении человека, так и в познании окружающего мира и его законов и закономерностей. Таким же образом следует оценивать период Нового времени и в государственно-правовом измерении: приблизительно с середины XVII столетия и вплоть до начала XX в. взгляды на государство и право, на ключевые их институты, на характер взаимоотношений государства и общества, государства и отдельной личности были коренным образом пересмотрены, трансформировались, во многом определили ту парадигму, в которой мы находимся сегодня и которая по-прежнему определяет векторы дальнейшего развития таких сложных и многогранных социальных явлений, как право и государство.

Новое время, или Новая история, как категория, используемая в современной историко-правовой науке, имеет давнее происхождение, поскольку появилась в Италии в эпоху Возрождения со взглядами гуманистов на сменяющиеся этапы эволюции культуры и цивилизации (древняя, средняя и новая история). Новым это время было названо в связи с расцветом культуры и светской науки в эпоху Ренессанса. При этом важно понимать, что Новое время следует рассматривать исключительно диалектически, как борьбу различных факторов, течений, интересов, периоды неравномерного возвышения одних государств и упадка других, как эпоху, в которую разные народы и этносы вступали неравномерно и не одновременно, но которая коренным образом видоизменила и преобразила геополитический, экономический, социально-политический и правовой ландшафт в мире.

Что касается конкретных временных рамок рассматриваемой эпохи, то в науке выделяются две точки зрения относительно ее начала: отправным моментом называют либо Английскую буржуазную революцию 1640 г., либо Реформацию (от лат. reformatio – преобразование, исправление) – общественно-политическое и религиозное движение в Западной и Центральной Европе XVI – начала XVII в., начавшееся с «95 тезисов» доктора

богословия Виттенбергского университета Мартина Лютера, которые он прикрепил на дверях виттенбергской Замковой церкви 31 октября 1517 г. и в которых он открыто выступил против продолжавшихся злоупотреблений католической церкви, против продажи индульгенций и др.

В качестве иных отправных точек называют такие события, как падение Константинополя в 1453 г., а также открытие Америки в 1492 г.

Новое время явилось весьма насыщенным на открытия, войны и революции периодом, достаточно упомянуть такие значимые для всей мировой истории события, как буржуазные революции в Англии, Франции, иных европейских государствах, Войну за независимость и Гражданскую войну в США, промышленный переворот (промышленную революцию), наполеоновские войны и т. д.

Окончание эпохи Нового времени традиционно связывают с началом XX в., а хронологическую границу можно связать с началом и завершением Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

В процессе изучения истории государства и права зарубежных стран в период Нового времени нас в первую очередь будут интересовать изменения, происходившие и происходящие в государственном устройстве, системе управления, политико-правовом режиме. Большинство из таких изменений были обусловлены предыдущим (в первую очередь средневековым) развитием, например закономерная смена абсолютизма на конституционную монархию в Европе через этап буржуазной революции.

Кроме того, заметным явлением стала концептуальная разработка и претворение в жизнь новых принципов осуществления власти, главным из которых можно считать демократизм, привлечение всех слоев народа к управлению государством. Ярким событием явилось также закрепление в нормах конституций государств Нового времени принципа разделения властей на три ветви и механизма сдержек и противовесов (здесь наиболее ярко выделяется Конституция США 1787 г.), которые являются обязательным и привычным атрибутом современного конституционно-правового строительства любой страны.

Наконец, в Новое время особое концептуальное развитие и закрепление получает идея правового государства, которая к

концу XIX столетия постепенно отражается в правовых нормах, в статьях буржуазных конституций и деклараций, которые устанавливали подконтрольность актов управления со стороны народа и его представителей, закрепляли механизм привлечения к ответственности государственных служащих за неправомерные действия и т. д.[1]

Не менее глобальные и глубинные изменения происходили в сфере правового регулирования, что можно наблюдать в процессе эволюции правовых систем государств Нового времени. Характерно, что эти процессы имели под собой весьма серьезную теоретико-концептуальную основу в форме политико-правовых трудов выдающихся мыслителей Нового времени, которые смотрели на право уже иным взглядом, существенно отличавшимся от принятого в предыдущий, Средневековый период.

Так, одним из направлений развития философии XVII в. является дифференциация сфер легальности и моральности, хотя присущее Средневековью различение закона и более высокой христианской нравственности отчасти сохраняется[2].

Ярким примером может служить учение Гуго Гроция (1583–1645), который предложил исключить Божественный закон из юридической сферы, осуществил светскую трактовку естественного закона, снизив уровень требований последнего, использовал признак общеобязательности для оценки юридических законов. Именно Г. Гроций привел весь массив естественного права к ряду постулатов, на которых должна строиться жизнь общества и которые сегодня составляют стандартный перечень конституционных прав, свобод и гарантий: защита собственности, воздаяние заслуженного наказания, возмещение ущерба. Этот так называемый минимум нравственности признается сегодня абсолютно необходимым для нормального функционирования любого современного общества.

Проблема правопонимания – ключевая в правоведении – приобретает новые формы, поскольку усилиями представителей

---

[1] Подробнее об этом: Петров К.В. Правовое государство как реальность Нового времени // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2. С. 125–129.

[2] Батиев Л.В. Право как необходимый минимум нравственности (моральное содержание закона в философии Нового времени) // Философия права. 2011. № 2 (45). С. 38–43.

западноевропейской философии Нового времени уже в период раннего Просвещения наблюдаются процессы десакрализации права, когда религиозные догмы и основанные на них правила поведения были выведены за пределы собственного правового, обеспеченного государством, регулирования. Поскольку позитивное право с этого момента должно было основываться на законах природы и нормах естественного закона, религиозная составляющая становится ненужной, не актуальной. Закон как основная форма существования права признается обязательным минимумом нравственности не только в трудах мыслителей и философов, но и в понимании законодателей (особенно вышедших из деятелей буржуазных революций).

Религиозные нормы Средневековья, бывшие ранее и моральным максимумом, и юридическим критерием правомерного поведения, теперь не обеспечиваются государством и перестают быть обязательными. Право, в отличие от моральных норм, обращенных к совести индивида, внутрь его души, начинает регулировать лишь внешние проявления человеческого поведения, не вмешиваясь в намерения и помыслы.

Философско-правовая мысль Нового времени, наиболее ярко выраженная в трудах европейских мыслителей-просветителей, выработала два принципиальных подхода к пониманию социального назначения и сущности права: консервативный и либеральный. Первый подход основывался на принципе «запрещено все, что не разрешено» и отражал попытки сохранить старые правовые и государственные традиции, средневековую структуру власти с ее сословным характером. Второй подход, по сути своей, базируется на противоположной идее: «разрешено все, что не запрещено законом», что было обусловлено необходимостью противостояния не только попыткам сохранить прежние устои, но и религиозному авторитету папской власти, консервативному настрою католической церкви и ее влиянию во властных структурах.

Для исследования государственности и права Нового времени эти подходы важны в том плане, что дают возможность оценить степень возможного вмешательства государства в ключевые сферы жизнедеятельности общества, определить границы осуществления субъективных прав личности, соотношение свободы

и законных интересов с безопасностью государства, общества, человека, а главное – проследить, как все это отражалось в нормах законодательства.

Фундаментальные изменения претерпело учение о субъекте права, которое испытывало давление и влияние общефилософских идеалистических представлений (*антропоцентризм*) о человеке как о центре Вселенной. И здесь также выделяются два направления. Первое, либеральное направление, оценивает субъекта с позиции возможности его предпринимать любые действия и шаги, прямо не запрещенные законом (поскольку объективно невозможно в стремительно меняющемся мире, социуме предусмотреть все возможные варианты и модели поведения, необходимо установить минимальные запреты и ограничения). Их оппоненты, приверженцы консервативной мысли, наоборот, считали, что субъект вправе делать лишь то, что прямо закрепляется законом, а все остальное есть нарушение государственных предписаний.

Лишь сегодня мы имеем возможность объективно оценить достоинства и недостатки обоих подходов, а также обоснованно утверждать, что в правовом регулировании необходим синтез обеих концепций, однако в Новое время наблюдалось агрессивная и непримиримая борьба обозначенных позиций[1].

Таким образом, актуальность рассматриваемых в настоящем учебном пособии вопросов не подлежит сомнению, значимость соответствующих проблем доказана как сохраняющейся нерешенностью некоторых из них, так и признанием их важности для поступательного развития государства на современном этапе.

История государства и права зарубежных стран Нового времени – сложная и одновременно интереснейшая область знания, внимательное изучение которой наряду с глубоким усвоением понятий, закономерностей и категорий общей теории права и государства позволит сформировать целостную картину генезиса и эволюции государственно-правовых институтов в рассматриваемый период.

[1] Подробнее об этом: Трубин Р.О. К вопросу о понятии «право» в Новое время // Вестн. КрасГАУ. 2014. № 7 (94). С. 222–226.

1. Государство и право Англии в Новое время

1.1. Предпосылки и этапы буржуазной революции в Англии

Буржуазная революция в Англии для истории государства и права зарубежных стран имеет не меньшее значение, чем Великая французская революция. По крайней мере, именно революционные события в Англии, сопровождавшиеся гражданскими войнами, противостоянием оппозиционно настроенных политических на религиозной почве послужили основанием многих наиболее выдающихся исторических трудов, написанных на английском языке. Причин тому множество, однако главной видится время, в которое произошла революция: это была первая в последующей череде коренных буржуазных преобразований государственности и права. Современные же подходы к освещению указанных событий имеют несколько иной от ставшего классическим понимания причин английской революции. В частности, справедливо указывается в западной науке, что английская революция была, прежде всего, массовым политическим движением, но объективного ее понимания можно достичь лишь с помощью связывания политической истории с экономическими, социальными и культурными подходами[1].

Английское государство к началу XVII в. – переходному периоду и английской, и европейской истории – имело форму нетипичной монархии (выражаясь современным языком): наряду с королевской властью функционировал парламент, который до определенного времени (середины столетия) был способен идти на соглашения с королем, тем самым оттягивая революционные события. При этом именно Англии было суждено стать первым крупным буржуазным государством. Именно здесь впервые сильно проявились, распространились и были законодательно закреплены основные идеи народной власти, гарантии права и свобод граждан и соответственно ограничена власть наследственного монарха.

[1] Подробнее об этом: Hughes A. A ‘lunatick revolter from loyalty’: The Death of Rowland Wilson and the English Revolution // History Workshop Journal. 2006. Spring. Issue. 61. P. 199.

Предпосылки такого поворота событий, начавшихся активно развиваться в начале XVII в., следует искать, очевидно, прежде всего в свободолюбивом духе самих англичан, которые еще в XIII в. добились принятия Великой хартии вольностей. Свою роль сыграло, безусловно, и ускоренное развитие промышленно-торговых отношений, породивших классы промышленников (частных собственников) и свободных рабочих-наемников, ставших движущей силой общественного развития. Эти классы, помимо противоречий, имели и общий интерес, заключавшийся в том, чтобы отодвинуть на задний план порядки, основанные на родовых отношениях, соответственно, положение человека в обществе должно определяться не его происхождением, а заслугами самого человека, его трудом, талантом, способностями и другими личностными качествами.

Вместе с тем особенность (и парадокс) английского буржуазного государства состоит в том, что наиболее ранние в Европе буржуазные отношения, получившие в дальнейшем весьма высокое развитие, так и не смогли вытеснить аристократически-монархические атрибуты, в результате чего Англия до сих пор остается конституционной монархией, где номинальной главой государства является король (королева), хотя его реальная власть уже давно сведена к чисто протокольным аспектам.

К началу XVII в. в Англии сформировались три общественных течения, которые составляли оппозицию королю и в наибольшей степени отражали потребности английского общества в переменах.

1. *Пресвитериане*, объединившие крупных собственников. Они стремились к ограничению власти короля и одновременному сохранению своих привилегий, т. е. к управлению государством на основе олигархии. Название происходит от церковно-религиозного направления, под которым они выступали (в частности, требовали очищения церкви от пережитков католицизма и утверждения во главе церковно-административных органов пресвитеров из наиболее состоятельных граждан).

2. *Индепенденты* (от англ. *independence* – независимость) представляли интересы в основном среднего и мелкого дворянства, средней буржуазии. Требовали провозглашения политических прав и свобод всех граждан и, соответственно, ограничения

королевских властных полномочий. Движение было весьма разнородным по составу, и возглавлял его знаменитый Оливер Кромвель (в 1643–1650 гг. он станет генерал-лейтенантом парламентской армии, в 1650–1653 гг. – лорд-генералом, а в 1653–1658 гг. – лорд-протектором Англии, Шотландии и Ирландии).

3. *Левеллеры* (англ. *levellers* – уравнители) выделились в ходе буржуазной революции из индепендентов (в 1647 г.) и выражали интересы ремесленников и крестьян. Выступали за провозглашение республики, проведение реформы сложной и громоздкой системы общего права, неприкосновенность частной собственности. В этом движении было и радикальное крыло – диггеры, требовавшие уничтожения частной собственности на землю и равенства всех в потреблении.

Особенностью английской оппозиции по праву считается ее религиозный характер: противники короля фактически олицетворяли собой сторонников «церковного раскола» и получили известность как «пуритане» (от англ. *pure* – чистый). Основным лозунгом пуританизма была ликвидация католицизма в Англии и всяческих проявлений церковной иерархии.

Революционным событиям в Англии непосредственно предшествовал период беспарламентского королевского правления, продолжавшийся с 1629 по 1640 г. Поводом для роспуска парламента в 1629 г. стало требование короля ввести новые налоги (так называемые «корабельные деньги»), в ответ на которое парламентарии предложили подписать Петицию о праве (1648 г.), где закреплялись нормы об ограничении королевской власти (инициаторами были буржуазия и новое дворянство). В частности, Петиция предполагала невозможность введения новых налогов без одобрения парламента, запрещала подвергать аресту за неуплату незаконных налогов, ликвидировала особые полномочия ряда чрезвычайных государственных органов и некоторые другие требования. После подписания Петиции о праве Карл I так и не получил согласие парламента на введение новых налогов, после чего парламент был распущен.

Король Карл I Стюарт в это время всю власть фактически передал в руки архиепископа Кентерберийского У. Лода и лорда Т. Уэнтворда Страффорда, что также способствовало эскалации недовольства в английском обществе.

После непродолжительной работы вновь созванного Короткого парламента (13 апреля – 5 мая 1640 г.) начало революционных событий связывается с функционированием избранного 3 ноября 1640 г. состава парламента (его называют Долгим парламентом, поскольку его состав работал до 1653 г. – 13 лет), в котором наибольшее влияние имели *пресвитериане*. По настоянию парламента король вынужден был согласиться с рядом ограничений монархической власти, которые стали прелюдией последующих революционных событий. Так, согласно «Трехгодичному акту» от 16 февраля 1641 г. парламент должен был созываться по меньшей мере один раз в три года, а при несогласии короля парламент мог быть созван другими лицами или собираться самостоятельно. В том же году (11 мая) было принято решение парламента, скрепленное подписью короля, о том, что парламент, заседавший в настоящее время, не может быть распущен иначе, как только актом парламента. Равно это касалось отсрочки в работе парламента. Указывалось, что любое мероприятие или постановление, противоречащее данному постановлению, объявляется незаконным и недействительным.

Принятие ряда конституционных документов («Трехгодичный акт», «Великая ремонстрация» и др.) фактически ознаменовали «*конституционный этап*» английской буржуазной революции, длившийся с 1640 по 1642 г. «Великая ремонстрация» 1641 г., принятая парламентом, являлась программным документом укрепляющегося буржуазного движения. В ней подробно излагались злоупотребления органов королевской власти, приводящие к ущербу для Англии в области экономики (например, расхищение строевых лесов, опустошение казны), политики (превышение власти судами, необоснованные ограничения прав и свобод подданных), религии («колебание» умов англичан иезуитами-папистами). Королю предлагалось, в частности, «чтобы все противозаконные злоупотребления и требования были судимы и наказываемы», «чтобы его величество, согласно почтительной просьбе обеих палат, назначал тех советников, послов и прочих должностных лиц... которым парламент имеет основания доверять, в противном случае мы не можем предоставить его величеству... субсидий». По существу, это был ультиматум от значительной части английского общества, представленный избран-

ными членами парламента: либо король принимает предъявляемые ему требования, либо борьба парламента будет продолжена.

Следующая фаза революции связывается с началом *первой* (1642–1646 гг.) и *второй* (1648–1649 гг.) *гражданских войн*, в ходе которых происходило противоборство *роялистов* (королевская армия) и сторонников Долгого парламента (круглоголовых, от англ. *roundheads* – по форме короткой стрижки).

В дальнейшем были существенно ограничены полномочия Тайного совета (орган при короле, который ранее мог вмешиваться в гражданские дела частных лиц, что, по мнению парламента, приводило к произволу). Была также отменена система чрезвычайных судов (так называемая Звездная палата), поскольку, как сказано в решении парламента, «все вопросы... могут быть решены в судах Общего права страны и по обычному порядку судопроизводства».

Король в полной мере согласился лишь с реформами в части религиозных вопросов, а потому обострение конфликта оказалось неизбежным и оно привело к двоевластию и к кровопролитным битвам в 40-е гг. XVII в.

Гражданская война протекала противоречиво. Обе стороны имели свои армии и контролировали определенные части страны. В армии О. Кромвеля, который сменил на посту лидера графа Эссекса, офицерские должности замещались вне зависимости от социального происхождения.

Весьма характерной чертой военного противостояния в ходе гражданской войны было принятие Декларации об армии 1647 г. (от англ. *The Declaration of the army*), которая являлась попыткой выдвинуть политическую программу, сочетавшую идеи левеллеров и индепендентов), где были определены основные государственно-политические направления, за развитие которых выступала армия:

– армия борется за справедливые права и свободы народа;

– правом выбора должны пользоваться все свободнорожденные от 21 года и выше, за исключением тех, кто лишил себя свободы, примкнув к деликвентам;

– всякая власть по происхождению и по существу исходит из народа в целом, и его свободный выбор представителей является основой всякого справедливого правительства... Всякие

патенты, грамоты и привилегии, мешающие осуществлению народных прав, должны быть отменены;

– должны быть уничтожены все монополии;

– налоги должны справедливо распределяться между народом и богачами;

– должны быть отменены все изъятия из действия закона для кого бы то ни было;

– должен быть создан комитет ученых людей для пересмотра законов, которые должны быть изложены на английском языке, чтобы каждый англичанин мог их понимать[1].

К тому времени наибольшее влияние в парламенте было уже у *индепендентов*, поскольку пресвитериане открыто выступили на стороне короля (здесь сказалась консолидация господствующего класса, не желавшего лишаться привилегированного положения).

Последующее развитие революционных событий можно представить в виде определенных этапов.

4 января 1649 г. парламентская палата общин объявила себя верховной властью Английского государства, причем в решении указывалось, что данное постановление имеет силу закона, обязательно для народа, хотя король и пэры не дадут на то согласия.

29 января 1649 г. приговором высшей судебной палаты король Карл I Стюарт, при котором конфликт королевской власти и парламента достиг наивысшей степени, был приговорен к *смертной казни*. В приговоре указывалось, что король является «виновником, творцом и продолжателем противоестественной, жестокой и кровавой войны и тем самым он виновен в государственной измене, убийствах, грабежах, пожарах, насилиях, опустошениях, во вреде и несчастиях нации, совершенных, предпринятых и причиненных в названную войну». Приговор предписывалось исполнить «завтра, 30 января, на открытой улице перед Уайтхоллом, между 10 часами утра и 5 часами пополудни того же дня, где упомянутый Карл Стюарт, как тиран, изменник, убийца и враг добрых людей этой нации, должен быть предан смерти через отсечение головы от тела».

---

[1] Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Госюриздат, 1957. 588 с.

В марте 1649 г. парламент (палата общин) упразднил палату лордов и вообще королевское звание как таковое. Последнее обосновывалось тем, что «как доказано опытом, принадлежность королевского звания одному лицу – бесполезно, тягостно и опасно для свободы, общественной безопасности и публичного интереса народа и что... королевская власть в отношении народа была в большей части использована для притеснения, разорения и обращения в рабство подданных».

В мае 1649 г. по решению парламента Англия была *провозглашена республикой* – «свободным государством», которое должно управляться исключительно представителями народа. Фактически провозглашение республики можно считать наивысшим пиком буржуазной английской революции, поскольку к власти пришли политические силы, отстаивавшие интересы большой части населения на тот период.

Период с 1649 по 1653 г., таким образом, можно именовать в периодизации английской революции этапом «Индепендентской республики».

Очередной пик напряженности возник после конфискации земель сторонников короля, продажи земель, принадлежавших самому королю, значительная часть индепендентов стали крупными земельными собственниками, которые, пользуясь влиянием в парламенте, стремились закрепить выгодное для себя положение. У левеллеров же цели были, как указывалось, более радикальные, их влияние росло в армии, состоявшей в основном из крестьян и ремесленников.

В результате в стране в 1653 г. решением парламента была установлена форма правления, являющаяся, по сути, диктатурой, хотя и сформированная на законном основании, – *протекторат* (по общему признанию историков, наименее исследованный аспект истории Английской революции[1]). Высшая исполнительная власть была сосредоточена в руках *лорда-протектора*, который наделялся парламентом весьма широкими полномочиями. Он являлся главнокомандующим вооруженных сил, ведал всеми текущими делами государственного управления.

[1] Соколов А.Б. Английская революция в освещении новейшей зарубежной историографии: от гражданских войн к республике и протекторату // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 1. С. 154.

Законодательная власть при этом оставалась в руках парламента. Должность лорда-протектора объявлялась избирательной, причем избирать должен был совет, формируемый, в свою очередь, парламентом (фактически он состоял из высшего офицерства). О. Кромвель официально был объявлен пожизненно лордом-протектором, что явно противоречило изначальным демократическим устремлениям английской буржуазной революции и духу принимаемых парламентом решений. Последние годы правления лидера индепендентов О. Кромвеля представляли собой открытую диктатуру.

Перед смертью (1658 г.) О. Кромвель назначил преемником своего сына Ричарда. Однако тот был отвергнут высшим офицерством, где также начались сильные противоречия. В результате в 1660 г. парламент восстановил королевскую власть в стране и призвал на престол Карла II – сына казненного короля Карла I. На этом этап революции, известный как «Протекторат Кромвеля» (1653–1659 гг.), был завершен. Отметим, что как и в любой иной революции, в английской революции степень жестокости достигала немыслимых пределов. Один из примеров тому – посмертная судьба О. Кромвеля, тело которого после реставрации монархии было эксгумировано и обезглавлено.

Противоречивая политическая личность О. Кромвеля до сих пор вызывает научные споры, хотя одним из немногих бесспорных моментов является тот факт, что он был религиозно терпимым политиком, впервые сумевшим обеспечить в Англии свободу совести[1].

В постановлении парламента 1660 г. прямо указывалось, что палата общин признает древние и основные законы английского королевства, и правительство должно состоять из короля, лордов и общин.

Восстановление монархии отвечало, очевидно, интересам сохранения в английском обществе стабильности, мира и правопорядка, которого не могли обеспечить индепенденты, власть для которых оказалась слишком тяжелой. Следует признать, что причины этого можно найти и в приверженности англичан к устояв-

[1] Ковалевский М.М. Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 2. С. 47.

шимся древним обычаям, что является характерной чертой этого народа.

Важно также отметить, что соглашение между верхушкой дворянства и буржуазии, с одной стороны, и феодальной аристократией, с другой, в результате которого произошла *реставрация королевской власти*, не привело к упразднению всех имевшихся демократических институтов. Напротив, власть короля в дальнейшем стала еще больше ограничиваться законами, которые принимал парламент. Так, Хабеас корпус акт 1679 г. гарантировал личную неприкосновенность, а Билль о правах 1689 г. утвердил верховенство парламента в законодательной сфере и финансовой политике.

Сменивший Карла II второй сын Карла I Яков II проводил менее умелую политику, в результате чего в ходе переворота английский престол занял Вильгельм Оранский. Факт низложения Якова II без кровопролития позволил считать восшествие Вильгельма III на престол бескровной революцией, или, как ее называют историки, «Славной революцией», завершившей многолетний конфликт парламента и короны.

В итоге в Англии оформляется конституционная монархия в форме парламентской монархии.

Важнейшим документом, определяющим государственность Англии, а одновременно и юридически закрепившим новую форму правления, стал *Акт об устроении* 1701 г. В нем предусматривалось, в частности, что лица, вступавшие на английский трон, обязаны были присоединяться к англиканской церкви. Судьи, которых назначал король, могли отстраняться от своей должности решением парламента (по представлению обеих палат). Все акты исполнительной власти, помимо подписи короля, нуждались в подписях королевских министров. Король лишался права помилования своих министров, осужденных парламентом в порядке импичмента.

В результате в Англии создалось положение, когда формальной главой государства был король, однако рамки его полномочий были существенно сужены парламентом (одна из палат которого избиралась народом) до такой степени, что король, по сути, лишь исполнял принимаемые парламентом законы.

В дальнейшем король отошел от текущей деятельности по управлению государством, которая была переложена на его министров, из которых постепенно сформировался *Кабинет министров* (правительство) по согласованию с парламентом. Свое развитие получили также политические течения, где сформировались два основных движения – *тори* и *виги*.

В начале XVIII в. утвердился принцип формирования кабинета на однопартийной основе.

Итак, подведем итоги эволюции государственного строя Англии в рассмотренный период.

Во-первых, становление буржуазного государства в Англии явилось результатом постепенной эволюции социально-экономических отношений, характеризуемых появлением классов собственников и свободных наемных работников, стремившихся к ограничению королевской власти и влияния аристократии.

Во-вторых, ожесточенное сопротивление консервативных сил переходу от феодального государства к буржуазному государству привело к гражданской войне и временной диктатуре новоявленного класса буржуазии.

Наконец, в-третьих, в качестве результата буржуазной революции можно с уверенностью назвать установление буржуазных государственных институтов с сохранением атрибутов монархической формы правления. Данная особенность английской государственности сохраняется до сих пор.

1.2. Государственный строй Великобритании в XVIII–XIX веках. Колонии

В течение XVIII в. в Англии укреплялась такая государственно-политическая система, при которой доминирующее положение в структуре высших органов власти получал избираемый населением парламент, т. е. представительная власть.

Политическая партия, получившая большинство мест в парламенте, формировала правительство, возглавляемое лидером партии. Проигравшая партия образовывала в парламенте оппози-

цию. Кабинет был ответственен перед парламентом. В 1782 г. проигрыш войны с американцами был расценен как результат слабого кабинета, и правительство было отправлено в отставку, а через два года впервые была распущена палата общин. Так возникла система взаимных сдержек, когда в случае утраты кабинетом доверия парламента кабинет уходил в отставку в полном составе либо распускал палату общин и назначал новые выборы. Этот принцип найдет в дальнейшем применение во многих странах мира.

Король формально продолжал оставаться главой английского государства (так, с конца прошлого века и до сих пор правительство именуется не иначе, как Кабинет Его Величества, а государственные учреждения в названии имеют приставку «королевский», например королевская тюремная служба); в современной Англии король занимает аналогичную позицию в иерархии власти. Однако в XVIII–XIX вв. королевская власть фактически лишь санкционировала решения, принимаемые правительством, т. е. реального участия в текущем управлении государством не принимала и не принимает до сих пор. Феодальным атрибутом структуры власти оставалась также палата лордов, которая в то время формировалась в основном по наследственному принципу (часть лордов назначал король). В состав этой палаты входили многие королевские министры, которые могли таким образом влиять на принятие парламентом нужных кабинету решений.

Палата общин английского парламента избиралась населением, однако английская избирательная система во многом носила еще значительный отпечаток социального неравенства, унаследованный феодальным прошлым. Так, в городах избирательные цензы (по-прежнему избирателем мог быть только англичанин, имевший определенный доход; имелись и другие ограничения) были неодинаковы. В одних городах, например, требовалось членство в корпорациях или гильдиях, в других – уплата налогов и повинностей, в третьих – женитьба на дочери лица, пользовавшегося правом избирать, и т. д. Активным избирательным правом пользовались лица, имевшие не менее 40 шиллингов годового дохода. Что касается пассивного избирательного права, то ценз составлял не менее 600 фунтов стерлингов в графствах и 300 – в городах.

Нередко возникали ситуации, когда округа с небольшим населением (так называемые «гнилые местечки») могли посылать своего депутата в палату общин (при этом избирался, как правило, депутат, «рекомендуемый» местным аристократом), а промышленные центры были лишены такого права. Из 14 млн человек, проживавших в то время в Англии и Уэльсе, правом голоса пользовались лишь 300 тысяч.

Такое положение не устраивало буржуазные круги (достаточно широко поддерживаемые народом), требовавшие реорганизации избирательной системы. Первый крупный избирательный закон после установления конституционной монархии был принят в 1832 г., который существенно изменил порядок избрания депутатов в палату общин на основании более демократического принципа, заключавшегося в том, что число депутатских мест было разделено исходя не из округов, а из численности избирателей. Кроме того, вводился новый имущественный ценз. В графствах активное избирательное право получили все владельцы земли с годовым доходом в 10 фунтов стерлингов, а арендаторы должны были иметь ренту не менее 50 фунтов. В городах избирательное право предоставлялось всем мужчинам, владеющим недвижимостью или арендующим таковую с годовым доходом в 10 фунтов стерлингов. Непременным условием было внесение взносов в пользу бедных в своем округе. В результате этих изменений количество избирателей увеличилось почти в два раза.

В дальнейшем избирательное право стало еще более демократичным. В Акте о народном представительстве 1884 г. указывалось, что «во всем Соединенном королевстве (к тому времени после оформления уний с Шотландией и Ирландией государство называлось Соединенным королевством Великобритании и Ирландии) будет установлено единое избирательное право для домовладельцев и квартиронанимателей всех графств и городов». Один депутат палаты общин стал представлять 50–54 тысячи жителей.

В начале XX в. были существенно ограничены полномочия палаты лордов. Согласно Акту о парламенте 1911 г. финансовый законопроект, принятый палатой общин, но не утвержденный в течение месяца палатой лордов, представлялся королю и становился законом. Несколько иной порядок устанавливался в отно-

шении иных законопроектов, т. е. не связанных с финансами: если в течение трех раз билль отвергался палатой лордов, но вновь утверждался палатой общин, то он также представлялся королю. В последнем случае от начала рассмотрения законопроекта до вступления его в силу могло пройти значительное время – до 2 лет.

Можно прийти к выводу, учитывая развитие системы высшей представительной власти в Англии, что она совершенствовалась в демократическом направлении на протяжении всего периода английской государственности в Новое время. Причины, обусловившие это, – развитие промышленности и торговли (соответствующие круги уже сформировавшейся и окрепшей буржуазии были заинтересованы в более свободном предпринимательстве, поскольку оно приносило большие прибыли, а для этого требовалось иное соотношение сил в структурах власти). При этом англичане оставались верными давним обычаям и традициям, оставляя институты королевства и палаты лордов, что отражало определенный компромисс между социальными слоями, представлявшими буржуазию, и прежде всего крупную, – с одной стороны, и знатной аристократии – с другой.

Система местного самоуправления, установленная в Англии в Средние века, существовала почти до середины XIX в. Первые серьезные изменения произошли в 1835 г., когда управление в городах перешло к выборным городским советам. Предусматривался довольно демократичный принцип выборов: в них могли принимать участие все налогоплательщики. Из числа депутатов городским советом избирался мэр сроком на 1 год. Вместе с тем в графствах система управления не изменилась, и это обстоятельство свидетельствовало о том, что в сельской местности земельная аристократия сохраняла свои позиции.

Однотипные местные представительные органы (советы) были созданы и в городах и в графствах лишь в 1888 г. При этом наиболее крупные города выделялись в отдельные графства, а территориальные границы прежних графств были изменены. Особенность английской системы местного управления с тех пор состоит в сравнительно больших полномочиях местных органов власти, которые по широкому кругу вопросов обладали независимостью от центральных органов власти.

Реформа феодальной судебной системы Англии началась в середине XVIII в., когда парламент упразднил действовавшие ранее политические трибуналы. Законными судами были объявлены суды Общего права и суд лорда-канцлера, при этом провозглашалась независимость судей от короны и их несменяемость, что по тем временам значительно повысило уровень демократии в английском обществе. Однако сама судебная система развивалась в направлении усложнения структуры судебных органов. Главный судья (лорд-канцлер) стал назначаться королем по представлению премьер-министра, а прочие судьи высших судов утверждались королем по представлению лорд-канцлера. В 1832 г. в Лондоне был создан судебный комитет в качестве апелляционного суда. Еще через два года был образован центральный уголовный суд. Затем появились три главных суда: общего права, суд адмиралтейства, суд казначейской палаты – и другие центральные судебные органы. Существовали также многочисленные полицейские и церковные суды.

Запутанная судебная система вызывала недовольство многих кругов общества. В 1875 г. она подверглась серьезным изменениям. Был образован Верховный суд Великобритании, состоявший из «высокого» суда и апелляционного суда по гражданским делам. «Высокий» суд, в свою очередь, подразделялся на отделения (суды общих тяжб, по завещаниям и разводам, по делам адмиралтейства и др.).

Все отделения «высокого» суда в правоприменительной практике использовали как Общее право, так и решения суда лорда-канцлера, т. е. прецедентное право, юридическая значимость которых признавалась одинаковой.

Законом 1873 г. было некоторым образом упорядочено соотношение между Общим правом и правом «справедливости» (последним, как уже отмечалось, предусматривались весьма широкие усмотрения суда в решении конкретных дел). При возникновении коллизий между этими двумя направлениями предпочтение должно было отдаваться все же праву «справедливости». Однако дуализм английского судебного права так и не был ликвидирован.

Функции полиции в XVII в. возлагались на мировых судей и констеблей. В конце этого столетия была упразднена специальная

патрульная стража, в круг полномочий которых входило также производство розыскных действий. Знаменитый Скотланд-Ярд был образован в 1829 г. В городах начальник полиции избирался муниципалитетом, а в графствах назначался специальным комитетом из представителей суда и совета графства.

К XVII в. Англия уже была могущественным государством с самым сильным морским флотом, что позволяло англичанам брать под свой контроль многие территории на всех континентах. Во владения Англии входили Австралия, значительная часть Северной и Южной Америки, Индия и многие другие колонии. Присоединение новых земель требовало и изменений в системе колониального управления.

В XVIII в. сформировалось деление всех колоний на завоеванные и переселенческие. Соответственно определялись и структуры колониального управления.

На завоеванных территориях, где проживало преимущественно цветное население, сложилась полная политическая зависимость колоний от Лондона, т. е. управление осуществлялось через специальные органы метрополии. Высшие исполнительная и законодательная власти концентрировались у губернаторов, назначаемых английским королем. Представительные органы в таких колониях имелись, однако реальной властью не обладали, к тому же они представляли интересы незначительной доли населения и были, по существу, совещательными органами при губернаторах. Наиболее наглядно эта форма управления проявилась по отношению к Индии.

В переселенческих колониях ситуация была иной, поскольку основную часть их населения составляли белые переселенцы из европейских стран, а также преступники, которых английское правительство предпочитало отправлять подальше от метрополии. С середины XVIII в. население этих колоний, оценившее пользу некоторых европейских демократических институтов, уже стало проявлять стремление к политической автономии.

Сначала там появились свои парламенты с очень узким кругом властных полномочий (высшая власть, как и в завоеванных колониях, на первом этапе полностью была у королевских губернаторов). В дальнейшем ряд переселенческих колоний добились полной самостоятельности (это, прежде всего, североамерикан-

ские колонии), а в ряде других сформировался институт ответственных правительств (Канада, Австралия и др.), и власть губернаторов, а значит и английской короны, значительно ослабла.

Например, согласно Акту о Британской Северной Америке 1867 г. (его называют Конституцией Канады – федерального доминиона, объединившего Квебек, Онтарио, Новую Шотландию и Нью-Брансуик в единую федерацию) законодательная власть переходила к канадскому парламенту, который состоял из двух палат: сената, назначаемого генерал-губернатором, и палаты общин, избираемой канадским населением. Высшая исполнительная власть принадлежала генерал-губернатору, но уже к концу XIX в. основная часть его полномочий перешла к правительству, которое формировал премьер-министр с согласия палаты общин. В провинциях Канады (субъектах федерации) создавались свои законодательные органы власти.

Подобным образом были образованы Австралийский Союз (1901 г.), Новая Зеландия (1907 г.), Южно-Африканский Союз (1909 г.).

На рубеже XIX и XX вв. Англия захватила много территорий в Африке (Сомали, Кения, Нигерия, Гана и др.). Кроме того, под ее влияние попали некоторые страны Азии и Арабского Востока (Иран, Кувейт, Афганистан), где согласно заключенным договорам могли находиться английские войска.

Колониальная политика Англии определялась, прежде всего, интересами крупнейших промышленных и торговых корпораций и магнатов. Перекачивая из колоний природные ресурсы, используя дешевый труд населения колоний для производства трудоемкой продукции, они получали огромные прибыли и объективно в значительной мере укрепляли могущество Англии. Таким образом, расцвет английской экономики в XVII–XIX вв. во многом связан именно с принудительным переливом различных ценностей из колониальных территорий.

Во всех английских колониях создавались также государственные и правовые институты, которые существовали в самой Англии. Поэтому во многих странах – бывших английских колониях – и сегодня явственно проглядывается британский след. Особенно это касается развития права. Так, в переселенческих колониях (США, Австралия, Новая Зеландия и др.) укрепилась и

по-прежнему действует англосаксонская правовая система. В бывших завоеванных колониях происходило нередко причудливое сочетание английского права с местными обычаями и традициями, которые в дальнейшем, в период освободительного движения, стали доминировать, вытесняя английское право. О масштабах британских колониальных акций наглядно свидетельствует широчайшее распространение во всем мире английского языка.

Подведем итоги. Во-первых, важно отметить, что в XVIII в. в Англии окончательно сформировалась система взаимных сдержек исполнительной (правительство) и законодательной (парламент) ветвей власти, а это, в свою очередь, привело к формированию элементов будущей правовой государственности. Судебная власть в Англии являлась независимой фактически уже с XVII в. Во-вторых, избирательное право Англии к началу XX в. представляло собой достаточно демократическое законодательство, нормы которого регулировали процесс формирования палаты общин из широких кругов населения.

Наконец, отметим и тот факт, что в Новое время посредством активной (преимущественно захватнической) колониальной политики Англия подчиняет своему влиянию многие территории на всех континентах, становится могущественной мировой державой и утверждает свои государственные и правовые институты в большинстве колоний.

1.3. Особенности развития английского права в период Нового времени

Английское право Нового времени в своей основе сохраняло общие черты развития буржуазного права в странах Западной Европы. К числу таких признаков следует отнести, прежде всего, формальное равенство всех субъектов правоотношений. Тем самым был сделан радикальный шаг вперед в развитии права вообще, что можно даже охарактеризовать как правовую революцию, четко отделившую предшествующее право-привилегию, закреплявшее социальное неравенство (что хорошо видно, например, по Салической правде) от права свободы каждого человека, каждой личности.

Другой характерной чертой развития в целом буржуазного права Нового времени стало принятие законов представительным органом власти, выражавшим интересы достаточно широких кругов населения. И таким образом нормативные акты стали в гораздо большей степени соответствовать складывающимся общественным отношениям. Законодательная власть в период Нового времени во многих государствах перешла от монарха к парламенту.

Периоду Нового времени человечество обязано сложившимся основам национальных правовых систем, которые действуют до сих пор и отражают особенности развития того или иного народа, нации.

Наконец, буржуазное право предопределило развитие принципа законности, когда основные сферы жизни начинают регулироваться соответствующими законами, а не решениями управленческих и административных структур. Это, в свою очередь, создавало предпосылки для произвола и злоупотреблений чиновничьего аппарата. Значительным образом были укреплены правовые гарантии провозглашаемых буржуазных прав и свобод, и прежде всего за счет развития процессуального права.

В английском праве Нового времени можно выделить свои особенности развития. Так, во-первых, буржуазное английское право сохранило значительную часть форм прежнего, феодального, во многом архаического права (при принципиально ином содержании). Здесь так же, как и в развитии государственных институтов, сказалась склонность английского народа сохранять старинные обычаи и традиции. Новые нормы права, регулирующие уже не феодальные, а буржуазные общественные отношения, облекались в действующие формы общего права.

Английское право, в отличие от права других европейских стран, в гораздо меньшей степени переняло положения римского права. Обычно английские суды использовали его в тех случаях, когда отсутствовали соответствующие статуты и прецеденты в самом английском праве. Чаще всего нормы римского права использовались в военных судах, суде адмиралтейства, суде лорда-канцлера.

Английское право так и не пошло по пути целенаправленной систематизации правовых норм в виде кодификации, как это произошло в континентальной Европе. Например, только в сфере

уголовно-правовых отношений с XV по XIX в. было издано свыше 14 000 статутов. Такое огромное количество законов и еще большее количество судебных прецедентов, которые также составляют английскую правовую систему, сильно затрудняло правоприменительную практику.

Наконец, отметим, что в качестве важнейшего источника английского права получило дальнейшее развитие прецедентное право, т. е. результаты судебной практики. К середине XIX в. собрание судебных прецедентов составило 1 200 томов, а к концу столетия их число достигло почти 2 000. В 1854 г. специальным парламентским статутом была официально признана обязательность судебных прецедентов.

Развитие прецедентного права обусловило укоренение в английском законодательстве следующих принципов:

1) нижестоящий суд обязан следовать выводам высшего суда;

2) суд первой инстанции не связан решением другого суда этого же уровня;

3) высшие суды не зависят от решений низших судов;

4) последующие решения палаты лордов (как высшей судебной инстанции) не должны противоречить своим же предыдущим решениям.

Несмотря на сложности правоприменительной практики (наличие противоречащих друг другу судебных решений), известный английский юрист XVIII в. Блэкстон говорил, что такая система права была разумом, который действовал, будучи освещенным светом опыта.

Формальная феодальная архаичность английского права вместе с тем вызывала критику ряда других юристов и общественных деятелей (Бэкона, Юнга, Бентама и др.), которые считали необходимым определенным образом упорядочить расширяющееся количество статутов и судебных прецедентов. Этого требовала и объективная невозможность учитывать при решении конкретных дел все имеющиеся правовые нормы и судебные решения, разбросанные в различных изданиях.

Совершенствование статутного права получило толчок к концу XIX в. В частности, в четыре закона были консолидированы более 300 действовавших запутанных и нередко противоречивых статутов, была осуществлена систематизация норм, регулирующих

некоторые другие сферы общественных отношений (Акт о товариществах 1890 г., Акт о продаже товаров 1893 г., Акт о лжесвидетельстве 1911 г. и др.). Кроме того, в XIX в. были изданы официальные сборники статутов («Статуты королевства» в 9 томах, где содержались собранные в хронологическом порядке законы с XIII до начала XVIII в., а также «Пересмотренные статуты»). Однако в целом английское право оставалось и остается до сих пор некодифицированным. Данное обстоятельство не позволяло четко разделять акты частного и публичного права; нормы того и другого размещались нередко в одних и тех же статутах.

Период Нового времени характеризуется для Англии достаточно активным развитием государственного права. Как отмечалось, буржуазная революция сопровождалась принятием многих актов, регулирующих государственность Англии, и прежде всего полномочия высшей исполнительной и законодательной ветвей власти.

Так, актом 1649 г. было установлено следующее:

– народ, ходящий под Богом, является источником всякой законной власти;

– общины Англии, заседающие в парламенте, будучи избраны и представляя народ, являются высшей властью в государстве;

– решения общин являются обязательными для народа, даже если король и пэры не согласны с этим.

Данный акт, в отличие от последующего периода революционной нестабильности в обществе (акты об упразднении палаты лордов, отмене королевского звания, объявлении Англии республикой), стал своего рода генеральной программой дальнейшего развития английского общества. Мысль законодателя о верховенстве власти народа логически произрастала из ранней Великой хартии вольностей 1215 г., где были определенным образом ограничены полномочия короля в пользу представительных органов (которые, однако, в то время выражали интересы еще ограниченных кругов населения – преимущественно крупных собственников).

В последующих актах (Акты о народном представительстве 1832 и 1867 гг., Акт о перераспределении мест 1885 г. и др.) были

закреплены положения, позволяющие достаточно широким слоям населения иметь избирательное право (как активное, так и пассивное). Несмотря на то, что фактически депутатами избирались в основном представители аристократии и крупных собственников, нельзя не признать, что английское избирательное право сделало крупный шаг в развитии принципа демократизма.

Высоким уровнем демократичности отличалось и положение о том, что если член палаты общин «примет от короны место, соединенное с получением вознаграждения, в течение того времени, пока он продолжает состоять таким его членом, его избрание должно признаться недействительным, и должен быть издан указ о производстве новых выборов» (Акт о должностях 1701 г.).

Важнейшими государственно-правовыми (конституционными) актами были также *Хабеас корпус акт 1679 г., Билль о правах 1689 г.*, существенно укрепившие принцип законности (об этих документах подробнее речь пойдет ниже).

Несмотря на достаточно большое количество государственно-правовых нормативных актов, единого документа (писаной конституции) в Англии так и не было создано (в отличие от других европейских государств). Такое положение сохраняется и до настоящего времени. Отсутствие кодифицированного конституционного акта лишний раз подтверждает приверженность англичан к своим обычаям и традициям.

В английском праве не произошло более или менее четкого разделения права на публичное и частное и, как следствие, отсутствовала кодификация норм гражданского права. Как и применительно к другим сферам общественных отношений, в данном случае вопросы регулировались в нормах многочисленных статутов.

Общая тенденция развития гражданского права определялась прежде всего производственными и товарно-денежными отношениями, требовавшими, в частности, большей, чем раньше, гибкости в договорном праве. Этому мешало действовавшее деление договоров на так называемые формальные (т. е. заключенные с выполнением всех предусмотренных договоров процедур и действий) и простые. Формальные договоры могли заключаться лишь по строго определенным типам сделок (например, продажа, поручительство, перевозка). Новые виды отношений, связанные прежде всего с объединением капитала, передачей производ-

ственных фондов в оперативное управление другим лицам на определенных условиях и т. п., не вписывались в действующие статуты.

Однако судебная практика позволила в достаточной мере реализовать потребности субъектов новых экономических отношений, и здесь сказалось преимущество англосаксонской правовой системы, не связанной жесткими законодательными установлениями. Если раньше суд обращал внимание прежде всего на сам тип сделки и считал договор недействительным, если он не отвечал соответствующим требованиям при оформлении, то теперь при решении вопроса о действительности договора акцент делался на соблюдении обоюдных выгод, обоюдного удовлетворения, наличии взаимных обязательств, и если таковые содержались, то тип сделки существенного значения уже не имел.

В этом плане можно указать и на отмену формализма в случае, когда после заключения договора арендатор по независящим от него причинам не смог воспользоваться арендуемым помещением. В этом отношении характерно дело «Пародин против Джейна» (по описанию известного английского юриста Дженкса), состоявшееся еще в XVII в. Пародин требовал выплаты арендной платы за сарай, который он сдал Джейну в аренду. Однако Джейн возражал, ссылаясь на то, что он не успел воспользоваться сараем и извлечь какую-либо выгоду для себя, так как до этого сарай сгорел при пожаре. Тогда суд встал на сторону Пародина, приведя в обоснование формальную сторону дела (соответствующий пункт в договоре). В дальнейшем, однако, в подобного рода делах стало превалировать материальное начало.

С XVIII в. в Англии стали широко распространяться договоры траста – передачи собственности в доверительное управление иным лицам на определенных условиях. В 1893 г. институт доверительной собственности регулировался нормами специального закона. Договор траста мог заключаться для любых целей (исключая, разумеется, противозаконные). В конце XIX – начале XX в. этот институт активно использовался для создания крупных корпораций, включая как финансово-кредитные, так и производственно-торговые организации и учреждения. Траст по-прежнему находит достаточно широкое применение в различных странах.

В английской экономике Нового времени активное развитие получил также институт акционерных обществ, которые были известны уже с XVII в. Финансовую основу акционерной компании создавали крупные собственники. Затем объявлялись цель компании, перспективы ее деятельности, указывались дивиденды, которые могли получить пайщики, пожелавшие вложить свои средства в компанию и, соответственно, приобрести определенное число акций. Выгода была и для основателей компании, и для пайщиков (разумеется, в случае успешной работы компании), и для экономики страны в целом, поскольку привлечение средств населения позволяло решать крупнейшие экономические проекты, в частности по строительству железной дороги. Более того, всячески поощряя создание акционерных компаний, английское правительство сделало их источниками займов.

Такие экономические отношения требовали соответствующего правового регулирования. В связи со многими случаями создания «воздушных» акционерных компаний, в 1720 г. был принят так называемый Акт о мыльных пузырях, запрещавший создание акционерных обществ без разрешения правительства. В принятом в 1844 г. статуте акционерные компании получили полную легализацию. Они представляли собой юридические лица, во главе которых стояли директора. Однако дальнейшему их развитию и, прежде всего, привлечению капитала препятствовала предусмотренная статутом солидарная ответственность акционеров, причем в пределах всего их имущества; при таких условиях многие потенциальные акционеры не решались рисковать. В 1856 г. специальным актом это ограничение было устранено, и по долгам компаний акционеры стали отвечать лишь в пределах стоимости своих акций. В 1908 г. специальным актом были отрегулированы все основные вопросы, касающиеся деятельности акционерных компаний.

В Англии, как и в других странах, право собственности различало движимые вещи и недвижимые. Особенность заключалась в разделении собственности на вещную (реальную) и личную. К первой относились прежде всего земельные владения, родовая недвижимость и титулы, и они соответственно имели большую правовую защищенность, чем личная собственность, к которой относились аренда земельной собственности, авторское право и

др. Данное положение представляло собой явный пережиток феодального права; тем не менее оно действовало долгие годы, хотя и в значительно смягченных формах.

Акты 1832 и 1845 гг. некоторым образом упростили процедуру отчуждения имущества и привели к сближению правового характера вещных и личных исков. Изменилось и положение арендаторов земли. Так, в 1882 г., согласно принятому статуту, в случае пожизненной аренды пользователи земли получали право свободного распоряжения ею.

С развитием промышленности и торговли нормативное регулирование стали получать отношения между собственниками и свободной наемной силой. При этом провозглашались свобода выбора, незыблемость выполнения взаимных обязательств. Стороны (собственник и наемный работник) могли в равной степени оспаривать свои права в суде.

Довольно противоречивыми нормами отличалось английское трудовое право. Так, в 1799 г. был издан Акт о рабочих коалициях, согласно которому признавались недействительными всякого рода соглашения (сообщества), заключенные рабочими с целью повышения заработной платы или уменьшения длительности рабочего времени. Указывалось, что виновные в нарушении этого закона подлежат 3-месячному заключению в тюрьме или 2-месячному заключению в исправительном доме.

Так началась затяжная борьба свободных наемных рабочих за свои социальные права. Поскольку парламент в целом был под влиянием представителей имущего класса, то становится понятным, почему был принят Акт о коалициях. Внешне он соответствовал выработанной концепции буржуазного права, а именно свободе выбора при заключении договоров, в данном случае о найме рабочей силы. И это обстоятельство стало формальной основой указанного выше закона.

Более глубокие социальные причины при этом игнорировались. Несмотря на то, что рабочие добровольно подписывали контракты, соглашаясь с определенными условиями, получаемых доходов не всегда хватало для нормального существования, материального обеспечения семьи и т. д. Поэтому на стороне рабочих было право «справедливости». И уже в 1871 г. согласно Акту о тред-юнионах стало возможно создание профессиональных

рабочих союзов. В 1875 г. был принят Акт о предпринимателе и рабочем, по которому обе стороны имели формально равные процессуальные права. Указанный период характерен также возникновением института коллективных договоров. В 1909 г. был установлен минимум заработной платы.

В XIX в. в Англии была отменена такая жесткая мера к виновному в невыполнении обязательств (и прежде всего по договору займа), как помещение в долговую тюрьму, и таким образом институт личной ответственности после многовекового действия прекратил свое существование. Отныне за невыполнение любых обязательств, согласно заключенным по взаимной воле договорам, должник мог отвечать только своим имуществом, и при отсутствии такового или в случае неплатежеспособности по другим причинам кредитор терпел прямые убытки. Такой порядок действует и в настоящее время в большинстве стран мира.

Если в экономической сфере буржуазное право довольно активно развивалось, то в семейно-брачных отношениях в Англии Нового времени сохранялись многие атрибуты феодального прошлого. Так, гражданский брак (т. е. нецерковный) стал возможным лишь в 1836 г., а развод – в 1857 г. (до этого данные вопросы решались при непременном участии церкви). Женщины получили возможность свободно распоряжаться своим имуществом лишь в 1882 г. с изданием Акта о собственности замужних женщин. Вместе с тем, например, за гражданский деликт, совершенный женой, ответственность по-прежнему нес ее муж.

В 1908 г. были введены пенсии для лиц, достигших 70-летнего возраста и проживших последние 20 лет в пределах Соединенного королевства и при этом не отказывавшихся от посильной работы и не получавших ежегодного дохода более 30 гиней. С 1911 г. стало вводиться обязательное страхование на случай болезни или безработицы. Таким образом, и в вопросах социального обеспечения буржуазное право сделало, при всех противоречиях, довольно существенные шаги вперед.

В период Нового времени в Англии продолжала действовать трехзвенная система преступления:

- тризн (измена);
- фелония (тяжкое общественно опасное деяние);
- мисдиминор (остальные менее тяжкие преступления).

При этом количество составов преступлений значительно расширилось, и это касалось в основном фелоний (наказывались смертной казнью). Если в середине XVII в. количество таковых составов составляло около 50, то к концу XVIII в. достигло порядка 150. Англия и в этой сфере показала приверженность к обычаям и традициям и неторопливость в процессе гуманизации уголовных наказаний (во многих странах, включая Россию, во второй половине XVIII в. под влиянием либеральных идей произошло значительное смягчение в практике назначения и исполнения уголовных наказаний).

К примеру, жизни в Англии лишали (помимо таких традиционно тяжких преступлений, как убийство, разбой, фальшивомонетничество и др.) за порубку садовых деревьев, поджог посевов, кражу денег и др. Более того, в 1752 г. законодатель принял акт, где указывалось, что смертная казнь должна быть дополнена дальнейшими ужасами и особыми знаками бесчестия. В число таких ужасов входило, в частности, предварительное сажание осужденного к смерти на хлеб и воду, вывешивание трупа на цепях, рассечение на части и т. д. Широко применялись телесные наказания.

Удивительно жесткие материальные нормы уголовного права резко контрастировали с прогрессивными по тем временам процессуальными нормами. Так, согласно закону 1696 г. при рассмотрении дел об измене копия обвинительного заключения вручалась обвиняемому по меньшей мере за 5 дней до начала судебного разбирательства, и последний мог, таким образом, подготовить аргументы в свою пользу. Кроме того, обвиняемый мог видеться со своим адвокатом, требовать вызова новых свидетелей. Нельзя не видеть, что уровень законности при осуществлении судебного процесса был достаточно высоким. А в соответствии с законом 1907 г. решение суда могло быть пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам (либо в порядке нового рассмотрения дела в апелляционном суде, либо в форме помилования осужденного).

Материальное уголовное право в части назначения и исполнения наказаний стало смягчаться лишь в начале XIX в., когда в английском обществе сформировалось твердое мнение о явной несправедливости жестких наказаний по многим преступлениям. Известны случаи, когда присяжные оправдывали заведомо

виновных только потому, что их могло ждать слишком тяжелое наказание.

В 1816 г. было отменено выставление у позорного столба, в 1817 г. – публичное телесное наказание женщин. Число «смертных» составов преступлений резко пошло на убыль и в 1861 г. снизилось до четырех. В 1870 г. была отменена конфискация имущества преступника, осужденного за фелонию, и тем самым деление преступлений на фелонии и мисдиминор во многом стало условным, поскольку характерным признаком фелонии была, прежде всего, конфискация имущества.

В начале XX в. происходит некоторая консолидация огромного количества уголовно-правовых статутов. Так, Акт о подлоге 1913 г. объединил 73 нормативных акта в этой сфере. Подобную функцию выполнял и Акт о кражах 1916 г.

Свое развитие в Англии получила тюремная система, и это связывается, как правило, с деятельностью известного тюремного деятеля Джона Говарда, который одним из первых во весь голос заявил об ужасных условиях содержания заключенных в английских тюрьмах. В дальнейшем подвижническая деятельность Говарда была перенесена на другие страны, включая Россию. Идея исправления лишенных свободы свое практическое воплощение стала находить начиная именно с его деятельности.

В 1879 г. было введено условное осуждение (институт пробации).

Подытоживая этапы развития буржуазного английского права, можем отметить следующие важнейшие моменты. Так, в первую очередь к достижению английского буржуазного права можно отнести установление формального равенства субъектов правоотношений. Вместе с тем английское буржуазное право сохранило старые, во многом архаичные формы права. Систематизация права осуществлялась в незначительных масштабах.

Период Нового времени характеризуется активным развитием в Англии государственного права.

Сравнительно продолжительное время (до середины XIX в.) в Англии существовали сравнительно жесткие уголовные наказания. При этом английский уголовный процесс отличался достаточно прогрессивными и демократическими процессуальными гарантиями для подозреваемых и обвиняемых.

1.4. Хабеас корпус акт 1679 года. Билль о правах 1689 года

Принятый в 1679 г. Хабеас корпус акт, или «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточения за морями», именуется в научной и справочной литературе поразному: и как акт о гарантиях прав личности, и как закон о личной неприкосновенности, и несколько иначе в ряде случаев.

Изначально этот правовой акт, принятый парламентом, преследовал политические цели, а именно ограничить возможности короля тайной негласной расправы с представителями оппозиции. Однако в дальнейшем его значение перешагнуло далеко за эти рамки и приобрело громадный вес в вопросах процессуальных правовых гарантий неприкосновенности личности всех жителей Англии. Причем Акт 1679 г. стал своеобразным итогом ранее имевших место попыток (с XVI в.) обеспечения права на личную неприкосновенность. Позже этот институт в различных формах был распространен в большинстве государств.

Согласно разделу II Акта лицо, которое было арестовано и лишено свободы в порядке предварительной меры, могло потребовать судебного рассмотрения обоснованности своего ареста. В этом случае арестованный доставлялся в суд, и тот, выслушав причины ареста от шерифа, объяснения самого арестованного, выносил решение (издавал приказ habeas corpus): либо освободить арестованного до суда, либо не освобождать. Судебное решение было обязательным для шерифа и тюремного смотрителя. Должностному лицу предписывалось в течение шести часов выдать арестованному копию распоряжения суда.

В случае нарушения требований, установленных Хабеас корпус актом, должностное лицо, а также судья несли ответственность в виде штрафа и увольнения от должности.

Согласно разделу VI Акта, «никакое лицо или лица, освобожденные или отпущенные по какому-либо приказу Хабеас корпус акта, не могут быть впредь когда-либо заключены или арестованы за то же преступление... иначе как по законному предписанию или по приказу того суда, в который он или они обязаны будут под подпиской явиться, или другого суда, облада-

ющего юрисдикцией по данному делу... Если другие лица заведомо вопреки настоящему акту вновь арестуют... то они заплатят заключенному или потерпевшему лицу штраф в размере 500 фунтов»[1].

Разделом XII устанавливалось, что «для предупреждения незаконных заточений в тюрьмах за морями... ни один подданный английского королевства... не может быть сослан в заточение в Шотландию, Ирландию или области, гарнизоны или крепости за морями... и каждое такое заточение считается незаконным». Вместе с тем обоснованно арестованный мог быть сослан для заточения «за моря», если это диктовалось судебно-следственной целесообразностью (например, совершение преступления не в самой Англии, а на территории какой-либо британской колонии), а также по просьбе самих арестованных.

Требование судебной проверки правильности ареста могли предъявлять и родственники арестованного.

Как видно, процессуальные гарантии основываются, во-первых, на независимости судей и, во-вторых, на институте ответственности должностных лиц и судей за нарушение рассматриваемого правового акта. Таким образом в Англии был установлен институт презумпции процессуальной невиновности.

Хабеас корпус акт вполне вписывался в складывающиеся в Англии социальные (буржуазные) отношения, характеризуемые раскрепощением личности, признанием свободы и достоинства человека в качестве высших социальных ценностей.

Этот акт, как и принятая в XIII в. Великая хартия вольностей, стал одним из фундаментальных конституционных документов Англии.

Вместе с тем не следует абсолютизировать его значение. Так, действие акта не распространялось на особо тяжкие преступления (измену). Кроме того, в случае освобождения от ареста в порядке поручительства требовалось выплатить немалую сумму, что было под силу лишь состоятельным лицам. Действие этого статута могло быть также приостановлено парламентом, что и имело место на практике.

---

[1] Английская буржуазная революция XVII века / под ред. Е.А. Косминского, Я.А. Левицкого. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2.

Билль о правах 1689 г. – один из важнейших конституционных законов Англии. Он существенным образом ограничивал полномочия короля, провозглашал и закреплял ряд политических прав и свобод.

Принятие Билля о правах, так же как и Хабеас корпус акта, первоначально было обусловлено политическими причинами. Правивший во второй половине XVII в. король Яков II (с 1685 г.) явно диссонировал в своей деятельности с основными тенденциями развития английского общества. Так, он предпринимал попытки отмены в городах местного самоуправления, стал принимать на работу католиков, предоставлять им министерские посты и назначать на высшие церковные должности, явно стремясь к континентальной абсолютной монархии. К тому же он плохо знал английский язык, редко посещал парламент.

При таких обстоятельствах он не мог устраивать многие круги населения, включая значительную часть представителей буржуазии, аристократии и духовенства. В 1688 г. он оказался в изоляции и был смещен (так называемая «славная революция») и заменен Вильгельмом. С целью предотвращения ситуации, сходной с Яковом II, и «мстительных» акций со стороны короны и был принят Билль о правах. Однако, как показала история, в дальнейшем этот документ сыграл свою политическую роль, не ушел в небытие, а приобрел значение фундаментального акта конституционного права Англии.

Билль был принят парламентом. В нем, в частности, предусматривалось, что король не должен иметь права приостанавливать действие законов и их исполнение, а также устанавливать налоги без согласия на то парламента. Противозаконными объявлялись набор и содержание без санкции парламента войска в пределах королевства в мирное время.

Биллем устанавливались следующие права и свободы:

– право обращения подданных с ходатайствами к королю (всякое задержание и преследование за такие ходатайства незаконны);

– свобода выборов членов парламента;

– свобода слова и прений в парламенте (никакие высказывания парламентариев не могут быть поводом к преследованию

или быть предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте, кроме парламента);

– право на рассмотрение дела в суде по обвинению в тяжком преступлении составом независимых присяжных, определяемых в надлежащем порядке;

– запрет чрезмерных налогов, чрезмерных штрафов и жестоких или необычных уголовных наказаний.

В Билле закреплялось требование к короне (правда, выраженное в достаточно корректной форме) в том, чтобы изложенные выше права и свободы были объявлены, узаконены и сохраняли силу «на вечные времена».

Как видно, уже во второй половине XVII в. в Англии имелись весьма демократичные институты. Именно с момента принятия Билля о правах 1689 г. Англия фактически может считаться конституционной монархией. Принятие этого акта отражало определенный компромисс между уже набравшим силу классом буржуазии, чьи интересы выражал парламент, и аристократией, интересы которой выражала корона.

Дальнейшее развитие английского буржуазного права осуществлялось исходя из тех концептуальных положений, которые содержались в Хабеас корпус акте и Билле о правах.

Таким образом, именно Хабеас корпус акт 1679 г. и Билль о правах 1689 г. могут считаться фундаментальными правовыми актами Англии Нового времени, документами, определившими концептуальные положения дальнейшего развития буржуазного права.

Хабеас корпус акт положил начало институту процессуальной неприкосновенности личности, применяемому в настоящее время в большинстве стран. Билль о правах отражал результат определенного компромисса между набравшим силу классом буржуазии и аристократией, интересы которых поддерживали, соответственно, парламент и корона.

Таковы основные этапы эволюции государственного строя и права буржуазной Англии в Новое время. Отметим, что современная наука предпринимает попытки (и весьма успешные) «деидеологизировать» историографию революции, уйти от ставших привычными марксистских оценок известных государственно-

правовых событий. Справедливо отмечается, что такие направления в историографии, как новая социальная история, новая биографическая история, новая культурная история, и другие в совокупности своей формируют наиболее востребованный сегодня *концепт политической культуры*, широко используемый для изучения разных проблем истории революции[1].

Очевидно, что разработка проблематики эволюции государственного строя Англии в Новое время продолжится, поскольку научный потенциал этого периода всемирной истории далеко не исчерпан.

[1] Соколов А.Б. Указ. соч. С. 157.

2. Становление государства и права Соединенных Штатов Америки

2.1. Образование Соединенных Штатов Америки

Северная Америка, как известно, была английской колонией с начала XVII в., когда европейские переселенцы основали форт Джеймстаун и таким образом стали заселять и завоевывать эти земли, оттесняя местных жителей (индейцев) на менее выгодные территории.

В число переезжающих из Старого Света входили, прежде всего, добровольцы, решившие поискать богатства и счастья на далеком и неведомом континенте: мелкие фермеры, рабочие, представители имущего класса, почувствовавшие, что на новой земле увеличить свои прибыли можно быстрее и с меньшими затратами. Это также были рабы-негры, которых продавали и покупали для использования на американских плантациях. В числе новых поселенцев были и осужденные преступники, которых благополучная Англия не желала держать у себя, чтобы не портить ими нравы английского общества. Можно выделить также служащих королевских чиновников, обеспечивавших официальное закрепление территорий за Англией, работавших над созданием и правовым закреплением государственных (естественно, английских) органов власти и выполнявших соответственно управленческие, правоохранительные и другие функции по жизнеобеспечению.

Это были люди самых разных социальных групп и сословий, религиозных верований. Основная часть из них прибыла из Англии, но было немало выходцев и из других стран. Первоначально, видимо, никто и не помышлял (ни в метрополии, ни в Америке) о том, что спустя чуть более чем полтора столетия здесь, в американских колониях Англии, появится и будет реализована идея самостоятельного независимого государства, тем более, что статус первых колоний определялся исходя из чисто экономических интересов и основывался на хартиях – договорах

между короной с одной стороны и акционерными компаниями, вкладывающими в колонии свой капитал с другой.

Характерно, что уже на ранних этапах формирования колониальной политико-правовой действительности заметно различаются Север и Юг Северной Америки в плане социального состава и экономического развития. Север преимущественно заселялся ремесленниками, купцами и мануфактуристами, которые уезжали из Англии, спасаясь от притеснений приверженцев абсолютизма, а Южные колонии выбирали плантаторы-рабовладельцы, в большинстве своем бывшие потомками английских аристократов. Основные направления развития хозяйства на Юге – производство табака, хлопка, сахарного тростника, естественно, с активным и широким использованием рабского труда.

Таким образом, на первом этапе Северная Америка была частью английского государства, где устанавливались и соответствующие органы управления. Исполнительная власть в каждой колонии (а их к концу XVII в. насчитывалось уже 13, их населяли более двух с половиной миллионов человек, из которых полмиллиона – рабы, привезенные из Африки) сосредоточивалась у губернатора, назначаемого английским королем по представлению правительства. Формировалась и представительная (законодательная) власть в виде двух палатных законодательных собраний. Однако решения законодателей могли быть отменены губернатором, если, по его мнению, они шли вразрез с интересами метрополии.

Правовую основу жизнедеятельности североамериканских колоний составляли английские законы. Со временем, однако, из разнородных типов жителей колоний Англии (3–4 поколения с момента заселения Нового Света) сформировалось цельное, «усредненное» общество, члены которого, окрепшие и разбогатевшие, уже не считали себя временщиками. Это были уже постоянные жители Америки, тем более что у большинства из них к середине XVIII в. были потеряны родственные связи с Европой. Естественно, что они проявляли недовольство тем, что ими, постоянными жителями, руководили временные назначенцы из Англии.

Недовольство усиливалось тем, что парламентом Англии принимались законы, причем без обсуждения с американскими

предпринимателями, которые искусственно сдерживали развитие в Америке промышленности и торговли. Так, в середине XVIII в. были установлены высокие пошлины на все товары, ввозимые в американские колонии из европейских стран, введены требования, обязывающие американских колонистов строить казармы для английских войск и обеспечивать их питанием. Периодически возникали серьезные конфликты между колонистами и английскими властями. Например, в 1676 г. в Виргинии под руководством плантатора Натаниэла Бэкона (*Nathaniel Bacon*) вспыхнуло крупное восстание фермеров против чрезмерных налогов и политических притеснений, в ходе которого был захвачен и сожжен Джеймстаун. Из-за несогласованности в рядах восставших военное движение было подавлено англичанами.

Нужно также иметь в виду, что американское общество в основе своей опиралось на те социальные и моральные положения, которые были характерны английскому обществу. Речь идет, прежде всего, о буржуазных ценностях – равенстве субъектов правоотношений, независимости судов, гарантиях ряда важнейших прав человека: права на свободу, неприкосновенность и др. Эти принципы колонисты внедряли в общественную и государственно-политическую жизнь с самого начала.

Характерной чертой социальной организации в Североамериканских Соединенных Штатах было то, что главную роль там играли не индейцы, бывшие коренными жителями Америки (они знали, что такое свобода, но в силу низкого уровня социального развития не имели возможности самоорганизоваться в общество с государственными институтами), и не негры, являвшиеся многочисленным и несвободным слоем населения, находившиеся в рабской зависимости от белых переселенцев. Это были люди, знавшие цену высоким социальным благам (свобода, правовое равенство, демократизм социальных отношений), закрепившие их в течение нескольких десятилетий осваивания новых территорий Северной Америки. Здесь не было наследственной аристократии, привилегированного духовенства и других средневековых феодальных атрибутов европейского типа.

Наконец, следует принять во внимание и то обстоятельство, что новые жители Америки в общей массе были сильны психологически – ведь решиться поехать в Америку и круто изменить

свою жизнь мог далеко не каждый англичанин. Равным образом это касалось и последующих поколений, которые предпочитали строить свою жизнь на малообжитых местах, преодолевая огромные трудности, а не искать спокойной и традиционной жизни в известных условиях в Европе.

Все эти причины и обстоятельства, рассматриваемые нами в своей диалектической взаимосвязи, привели к тому, что во второй половине XVIII в. накопившееся недовольство стало выражаться со стороны колоний в политических акциях, первоначально направленных на объединение североамериканских колоний, а в среднесрочной перспективе – на освобождение от административного и экономического влияния Англии.

Если условно определять этапы становления государственности в Северной Америке в Новое время, то следует выделить три основных:

– период провозглашения независимости колоний, в ходе которого принимается важнейший документ – «Декларация независимости США» 1776 г. (1774–1776);

– период политического объединения колоний и образование конфедерации (ключевой нормативный и программный документ – «Статьи Конфедерации» 1781 г. (1776–1783);

– период дальнейшей политической интеграции колоний и образование федерации (федерация оформляется Конституцией США 1787 г. и Биллем о правах 1791 г. (1783–1791).

В 1765 г. по предложению законодательного собрания колонии (еще не штата) Массачусетс в Нью-Йорке был созван *«Конгресс гербового акта»* (от англ. *The Stamp Act Congress*), куда вошли делегаты девяти колоний. Причиной послужило принятие парламентом Англии закона о гербовом сборе, который существенно ущемлял интересы переселенцев. В ходе работы Конгресса была принята (качестве резолюции) *Декларация прав и причиненных несправедливостей*. В ней были сформулированы основные претензии к верховной английской власти и, главное, провозглашались те принципы, имевшие ультимативный характер, на основании которых колонистское сообщество намерено было организовывать свою жизнь.

В частности, в декларации устанавливалось следующее:

– существенным и неотъемлемым правом всякого свободного народа и несомненным правом англичан был всегда тот принцип, в силу которого народ не может облагаться налогами иначе, как с его согласия, данного через народных представителей (однако английский парламент принял решение о налоговых сборах (гербовом и др.), которые совершенно очевидно нарушают права и вольности колонистов, которые сами должны устанавливать подобные налоги);

– жители здешних мест не имеют, а в силу отдаленности колоний не могут иметь своих представителей в палате общин; отсюда вытекает вопрос о том, что колонисты не могут исполнять законы, в принятии которых не принимают участия представители колоний;

– единственными представителями населения здешних колоний могут считаться только лица, избранные этим населением в качестве таковых;

– из святого чувства долга по отношению к истинным интересам английских королей, метрополии и по отношению к своим собственным интересам колонисты считают необходимым обратиться к Его Величеству с петицией об отмене Акта о взимании гербового сбора, а также всех других актов и решений парламента, которыми введены разные ограничения и стеснения для американской торговли.

В 1774 г. состоялся знаменитый *Первый континентальный конгресс* (Филадельфия), собравший представителей всех штатов, кроме Джорджии. Были подтверждены права колонистов на жизнь, свободу и собственность, а также заявлено о разрыве всех отношений с метрополией. Английские товары отныне подлежали бойкоту на территории североамериканских колоний.

Наконец, 4 июля 1776 г. делегатами конгресса была принята знаменитая Декларация независимости. Руководителем работы по подготовке текста Декларации выступил выдающийся демократ и просветитель Томас Джефферсон. Бывшие американские колонии Англии провозгласили себя свободными и независимыми штатами. Этот день в США считается национальным праздником. С него берет отсчет история Американского государства.

В тексте Декларации независимости можно условно выделить определенные логические структурные элементы.

Так, вначале провозглашается принцип действия естественных и неотъемлемых прав человека («все люди сотворены равными, все они одарены создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых относится жизнь, свобода и стремление к счастью»), закрепляется принцип народного суверенитета (для обеспечения естественных прав человека учреждены среди людей правительства, заимствующие свою власть из согласия управляемых; если же данное правительство становится гибельным для этой цели, то народ имеет право изменить и уничтожить его; народ учреждает ту форму правления, которая будет способствовать его безопасности и счастью).

Примечательно в этом плане, что автор великих слов о том, что «все люди сотворены равными», Т. Джефферсон сам был рабовладельцем, не отказывался от использования рабского труда на своей усадьбе Монтичелло на юге штата Виргиния. По мнению историков, личность Джефферсона крайне противоречива, поскольку, с одной стороны, он считал рабство социальным и моральным злом, которое должно быть искоренено, но с другой стороны, «не предпринимал никаких практических шагов в этом направлении»[1]. Современные события в США, связанные с дальнейшей борьбой темнокожих американцев за свои права, и различные массовые акции (Black lives matter) вновь актуализируют проблему восприятия рабства и работорговли в США в исторической ретроспективе.

Далее следует перечисление злоупотреблений английского правительства по отношению к колониям, после чего провозглашается разрыв всякой политической связи между колониями и Англией, а также признание Соединенных Штатов Америки свободными и независимыми с полным правом объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю.

Закономерным итогом принятия Декларации независимости становится самостоятельное осуществление Соединенными Штатами Америки своей внешней политики, становление суверенного

[1] Подробнее об этом: Атанасов П.С. Томас Джефферсон и рабство // Вопросы всеобщей истории. 2016. № 18. С. 174–183.

государства. Вместе с тем, несмотря на то что к принятию Декларации ни одно государство мира не признало официально суверенитет США, «формирование и реализация внешнеполитического курса североамериканского государства зависели от их способности противостоять британским военным действиям, от организации эффективных отношений с государствами, которые были заинтересованы оказать им помощь»[1], т. е. отстаивание суверенитета теперь завело от самих штатов.

Отметим также, что внешнеполитическая активность США была сосредоточена в основном вокруг развития отношений с Испанией и Францией, которые потенциально могли оказать существенную поддержку в противостоянии с Великобританией[2].

С 1776 г. начался и процесс принятия штатами собственных конституций (этот процесс завершился в 1784 г.). В этих документах закреплялись не только соответствующие положения английских законов (например, Хабеас корпус акт), но и новые права и свободы слова, печати, петиций, ношения оружия, неприкосновенности жилища, собственности. Все конституции исходили из принципа разделения властей и принимались конвентами, т. е. специально созываемыми учредительными собраниями. Выборными были как исполнительная, так и законодательная ветви власти штатов. По форме правления преобладал парламентский тип республики.

По тем временам все эти государственно-правовые явления были, безусловно, радикально-прогрессивными. Именно тогда, и именно в США стали закладываться и закрепляться принципы правового государства в современном его понимании.

Однако при этом следует отметить и некоторые явно антидемократические аспекты. Это касается прежде всего института рабства, попрания прав индейцев – коренных американских жителей, неравноправия в избирательном праве (установление имущественного ценза, особенно при выдвижении кандидатуры на руководящие должности исполнительной власти), ряда религиозных ограничений, а также ограничений прав женщин. Таким

[1] Дорофеев Д.В. Провозглашение независимости США и внешняя политика: аргументы Pro et contra (весна–лето 1776) // Манускрипт. 2016. № 7-2 (69). С. 47.

[2] Samuel Adams to John Pitts [1776. July 9] // Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: in 26 vols. / ed. by P.H. Smith. Washington: USGPO, 1979. Vol. 4. P. 418.

образом, придавая большое значение роли американцев в установлении демократии, не следует забывать и о теневых сторонах этого процесса.

Подводя итоги рассмотрению процесса генезиса американской государственности, можно подчеркнуть, что трансформация английских колоний в Северной Америке в самостоятельное демократическое государство явилась результатом движения за независимость переселенцев, перенявших многие буржуазные принципы Англии и в значительной мере развивших их. Сравнительно высокая степень демократичности и реализации принципов равенства, гуманизма и справедливости в развитии американской государственности Нового времени сочеталась вместе с известными ограничениями прав населения в зависимости от цвета кожи, пола, имущественного состояния, религиозного вероисповедания.

2.2. «Статьи Конфедерации». Конституция Соединенных Штатов Америки

Идея о необходимости создания некоего политического единства на Североамериканском континенте существовала еще задолго до Войны за независимость, поэтому сам факт создания союза штатов и документа, его закрепляющего, можно считать вполне логичной закономерностью[1].

Поэтому следующим этапом становления американской государственности было принятие «Статей Конфедерации» в 1781 г. По своему содержанию Статьи представляют собой договор о союзе между независимыми штатами. Эта конфедерация еще не была единым цельным государством, поскольку, во-первых, все штаты сохраняли свой суверенитет, и, во-вторых, еще не были сформированы общенациональные органы управления. Однако в объединительном процессе были сделаны весьма существенные шаги. В частности, предполагалось отдельно созывать однопа-

[1] Фофанова А.Р. Создание Статей Конфедерации и начало американской государственности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 1. С. 51.

латный конгресс, где каждый штат имел бы один голос, а число делегатов составляло бы от двух до семи человек.

В западной историографии вопроса документ вызвал скорее негативную оценку, чем одобрение. Так, высказывались мнения о том, что самым негативным моментом в истории американского правительства была полная его недееспособность, закрепленная «Статьями Конфедерации» и кроющаяся в отсутствии аппарата принуждения[1]. Отечественные оценки этого документа представляются в целом аналогичными: с его принятием формируется политико-правовое объединение со слабой центральной властью и отсутствующими рычагами эффективного управления страной[2].

Следует признать справедливым утверждение о том, что стремление к децентрализации власти в союзе штатов может быть объяснено, с одной стороны, глубокой убежденностью некоторых американских политиков в том, что создание центрального правительства с широкими полномочиями противоречит самой идее американской борьбы за независимость, с другой – различиями, которые существовали между североамериканскими колониями в экономической, политической и культурной сферах. Американские колонии попросту не ощущали себя каким-то единством под управлением Великобритании, поэтому и интеграция в революционный и постреволюционный периоды проходила весьма тяжело[3].

«Статьи Конфедерации» устанавливали следующий алгоритм построения системы конфедеративных органов власти. *Конгресс* учреждает *Комитет штатов* (действовал в перерывах между сессиями конгресса и формировался по одному делегату от каждого штата).

В перечень основных полномочий конгресса входило решение вопросов войны и мира, осуществление дипломатических сношений и заключение международных договоров, регулирова-

---

[1] Thach C.C. Jr. The Creation of the Presidency 1775–1789. A Study in Constitutional History. Indianapolis: Liberty fund, 2007. P. 2.

[2] Болховитинов Н.Н. История США: в 4 т. М.: Наука, 1985. Т. 2. С. 143; Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. Л.: Наука, 1978. С. 173; Филимонова М.А. Соединенные Штаты Америки на пути к консолидации. Политическая борьба в Континентальном Конгрессе 1781–1788. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2007. С. 72.

[3] Фофанова А.Р. Указ. соч. С. 51.

ние монетного обращения, мер и весов, торговли, организация почтового дела, установление военных порядков и назначение высших воинских чинов.

К полномочиям Комитета штатов относилось назначение должностных лиц, ведение текущей финансовой политики, установление численности общей армии.

Что касается недостатков союзного государства (а они были очевидными), то главные из них заключались в том, что конфедеральные органы могли принять решение исключительно по важным вопросам, при этом лишь квалифицированным большинством – не менее чем девятью штатами. В качестве препятствующего эффективной деятельности фактора выделяют также отсутствие у конфедерации достаточного количества финансовых средств.

Как мы уже ранее отметили, конгресс в рассматриваемый период имел сравнительно немного полномочий, и они касались в основном внешнеполитических функций (объявление войны, заключение мира, международных договоров), чеканки монет и др. Решения принимались квалифицированным большинством, т. е. не менее чем девятью голосами. Регулировался и вопрос о включении в конфедерацию новых колоний – это могло быть осуществлено при согласии не менее также девяти штатов. Между сессиями конгресса его функции выполнял специальный комитет штатов, где каждый штат имел своего представителя.

Между тем принятие «Статей Конфедерации» совпало с переломным моментом в вооруженной борьбе английских войск, пытавшихся подавить «мятеж» (именно так квалифицировались в Англии события в ее американских колониях) с армией колонистов, возглавляемой Дж. Вашингтоном (в литературе ее называют Войной за независимость).

Как ни сильна была Англия, но сломить сопротивление американцев за свою независимость она не смогла. Английское детище – буржуазная революция – пришло в противоречие с самим собой, пытаясь погасить развитие демократии в Америке. Английские войска отступили. В 1783 г. Англии ничего не осталось сделать, как признать независимость новоявленного американского буржуазного государства. Договор между США и Великобританией («Парижский мир») был подписан 3 сентября 1783 г. в

гостинице Hôtel d'York Бенджамином Франклином, Джоном Адамсом, Джоном Джейем (с американской стороны) и Дэвидом Гартли (с британской стороны). Документ был ратифицирован Конгрессом Конфедерации 14 января 1784 г. и королем Георгом III 9 апреля 1784 г.

Венцом освободительного движения американцев за свою независимость стало принятие Конституции США в 1787 г. Это произошло в Филадельфии на заседании специального конвента, где были делегаты от всех штатов. Число делегатов составляло 55, из них 39 были членами конгресса, а другие – известными политиками. Сразу нужно заметить, что среди участников учредительного собрания не было представителей рабочих и мелких фермеров. Конституцию принимали состоятельные люди. Более того, на самом конвенте было отвергнуто предложение более демократичного Б. Франклина об отмене имущественного ценза для избирателей.

Историками выдвигается мнение о том, что проект конституции, составленный узкой группой лиц во главе с Дж. Вашингтоном, не был предварительно представлен на обсуждение общественности. Следовательно, если учитывать, что данный документ принимало ограниченное количество делегатов, то необходимо признать определенную переоценку демократической направленности при формировании государственности США. Однако подобная точка зрения представляется несправедливой и необоснованной, поскольку принятая Конституция содержала положения, которые отражали преобладающие настроения американского общества того периода.

После окончания войны за независимость перед государством остро стояла необходимость упрочить государство, сделать его более централизованным в плане распределения властных полномочий; кроме того, остро ощущавшаяся необходимость развития экономики и укрепления обороны страны была сопряжена с неизбежностью дальнейшей экспансии вглубь восточных территорий, захвата новых земель. Очевидно, что эти глобальные задачи, которые обусловливали сохранение и развитие американской государственности, можно было эффективно решить только с помощью создания и правового закрепления федеративного устройства. Причем делать это нужно было, что называется, с чи-

стого листа, поскольку предыдущего исторического и политико-правового опыта в этой сфере в мировом сообществе не наблюдалось.

Характерной особенностью текста Конституции США является его идейно-теоретическое наполнение и опора на блестящие труды мыслителей-просветителей. Действительно, американские колонии Великобритании не получили бы такой прогрессивный для своего времени документ без плодотворной и кропотливой работы общественно-политических деятелей того времени, благодаря которым идеи естественно-правовой теории и общественного договора были закреплены в действующих документах нового государства[1].

Идеологами и вдохновителями текста Конституции США являлись А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, которые стали авторами сборника «Федералист» (от англ. *The Federalist Papers* – «Записки Федералиста»), состоящего из 85 статей в поддержку ратификации Конституции США. Статьи выходили с октября 1787 г. по август 1788 г. в нью-йоркских газетах The Independent Journal и The New York Packet и оказали огромное влияние не только на современников, но и на последующие поколения, поскольку содержат блестящие концепции и теории относительно перспектив построения демократической государственности.

Кроме того, огромное влияние на Конституцию США в плане теоретической основы оказали работы французского просветителя Ш.Л. Монтескьё, в первую очередь его работа «О духе законов», где изложены взгляды просветителя на разделение властей. Во многом отцам-основателям Конституции США удалось воплотить успешно в жизнь указанные идеи и принципы, доказательством чему является современная политическая система Соединенных Штатов. Вместе с тем успешно было проведено разделение полномочий между федерацией и штатами, о чем писал Дж. Мэдисон, когда подчеркивал, что задача провести четкую линию раздела между властью союзного правительства и правительства штатов представляется крайне важной[2].

---

[1] Теплова Д.О. Идеи американских федералистов и их реализация в Конституции США 1787 года // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 38.

[2] Мэдисон Дж., Гамильтон А. Федералист. М.: Прогресс, 1994. С. 240.

В основе американской концепции разделения властей и демократического государства также лежат и идеи Джона Локка относительно природы естественных прав, равенства, толерантности. Они были блестяще воплощены в жизнь американскими федералистами в форме независимого суда, институте импичмента, механизме защиты прав человека и др.[1]

Конституция США во многом уникальна, и прежде всего тем, что в своей основе она неизменна уже более двух столетий. Она включает в себя в основном нормы об организации высшей власти в государстве. Ключевыми принципами при этом являются: разделение властей, независимость суда, законность.

Норм о правовом положении граждан США первоначально не было – таковые появились позже в виде поправок к Конституции. Исполнительная власть в США по Конституции сосредоточивается у президента. Избрание его было предусмотрено не прямым, а косвенным путем и состояло из двух этапов. Сначала в каждом штате население должно избирать так называемых выборщиков в количестве, равным числу сенаторов и членов палаты представителей, которых штат может делегировать в конгресс, причем выборщиком не может быть ни сенатор, ни член палаты представителей, ни тот, кто занимает в США какую-либо выборную должность либо должность, как сказано в Конституции, доставляющую выгоды. На втором этапе выборщики голосуют за кандидата в президенты. Срок полномочий президента – 4 года.

Такая процедура была включена в Конституцию после некоторой дискуссии (часть делегатов предлагали избирать президента на конгрессе). Не было единодушия и в сроках полномочий президента. Участниками конвента высказывалось предложение сделать эту должность пожизненной и приблизить к положению монарха и тем самым сохранить английскую преемственность. В итоге было принято решение, что президент может избираться не более двух сроков подряд. Первым президентом был избран Дж. Вашингтон, именем которого названа столица этого государства.

[1] Остроумов С.В., Остроумов Н.В. Осмысление наследия Дж. Локка американскими федералистами как пример эффективного внедрения философской концепции в политические институты государства // Аграрное и земельное право. 2012. № 4 (88). С. 146.

Президент как глава государства возглавляет вооруженные силы, осуществляет внешнеполитические представительные функции, с согласия сената назначает членов верховного суда и судей федеральной судебной системы, формирует исполнительную администрацию на высшем уровне, обладает правом помилования и др. Президент имеет право наложения вето на законопроекты, принимаемые конгрессом, и в этом проявляется принцип взаимных сдержек исполнительной и законодательной ветвей власти. Президент может быть «удален от должности» в случае совершения преступления или проступка.

Президент США одновременно является председателем правительства, членов которого сам же назначает с согласия конгресса (хотя органа под названием «правительство» конституция не выделяет, фактически таковым является Администрация президента США).

В структуре центральной Администрации президента в качестве элементов выделяются: Государственный департамент, Департамент финансов, Военный департамент, Департамент юстиции, Министерство торговли, Министерство земледелия, Министерство труда и почт.

Проявлением американской системы сдержек и противовесов являлась прерогатива президента назначать с согласия сената федеральных должностных лиц, что делало их ответственными исключительно перед главой государства. Во главе департаментов стояли государственные секретари. Руководителем департамента юстиции являлся генеральный атторней.

В целом полномочия президента достаточно широкие, что дает основание считать США президентской республикой. В конце XIX – начале XX в. значение центральной исполнительной власти усилилось в связи с увеличением территории и населения США, а также расширением влияния США на международной арене, где они стали включать в круг своих интересов, и прежде всего экономических, многие регионы. Этому способствовало сравнительно быстрое экономическое развитие страны, основанное на принципах свободной конкуренции и предпринимательства.

Согласно Конституции законодательная власть США принадлежит конгрессу. Этот высший представительный орган состоит из двух палат.

Палата представителей, или нижняя палата, избирается сроком на два года прямым голосованием из числа граждан, достигших 25-летнего возраста. В тот период избирательные округа включали в себя примерно по 30 тысяч населения.

Члены сената (верхней палаты) избирались законодательными собраниями штатов, от каждого штата в сенат делегировались по два члена. В дальнейшем (с 1913 г.), в соответствии с 17-й поправкой к Конституции, сенаторы стали избираться путем прямых выборов населением штатов. Возрастной ценз для этой категории конгрессменов составляет 30 лет. Через каждые два года должны переизбираться 1/3 сенаторов, что преследует цель обеспечения преемственности законодательной политики государства; при этом полномочия избранного сенатора сохраняются шесть лет.

В компетенцию конгресса входит принятие законов, установление порядка внешней и внутренней торговли, набора и содержания армии, заключения внешнего займа, объявление войны и заключение мира, введение правил натурализации приезжающих в США на постоянное место жительства из других стран и т. п.

Сам же законодательный процесс в Соединенных Штатах Америки состоял из последовательных стадий (этапов), к которым традиционно относят следующие:

1) рассмотрение проекта постоянным комитетом палаты;

2) включение проекта в повестку дня палаты;

3) принятие обеими палатами большинством голосов;

4) направление проекта на подпись президенту (срок подписания – десять дней);

5) в случае применения права вето конгресс может использовать свое право повторно принять отклоненный президентом законопроект, для чего потребуется две трети голосов каждой палаты.

Система сдержек и противовесов в американской модели разделения властей наделяла конгресс и некоторыми судебными полномочиями. Так, последний имел право возбуждать процедуру импичмента в отношении президента США. Основанием этого

являлось совершение государственной измены, подтвержденный факт взяточничества и совершения других тяжких деяний. По этим же основаниям конгресс был вправе привлечь к ответственности иных федеральных должностных лиц (в том числе членов верховного суда).

Штатам запрещается вступать в коалицию с другими штатами и иностранными государствами. Штаты не могут также иметь своих армии и флота – все это входит в прерогативу федеральных органов власти. В случае мятежа в каком-нибудь штате Конституцией разрешается использовать вооруженные силы для его подавления.

Вместе с тем у штатов остаются весьма широкие полномочия. В частности, они сами формируют (путем выборов) местные органы власти, принимают законы, определяют численность и порядок набора правоохранительных органов и т. д. В каждом штате есть своя конституция. Таким образом, в США как федеративном государстве значительные полномочия субъектов федерации сочетаются с достаточно сильной центральной властью.

В политической системе Соединенных Штатов Америки важную (а порой и ключевую) роль играли политические партии, что сохраняется и в настоящее время.

В 1828 г. была создана демократическая партия, главными сторонниками и последователями которой были южные плантаторы-рабовладельцы. В 1854 г. образовывается республиканская партия, которая изначально имела два крыла (течения): правое, объединявшее крупную городскую и сельскую буржуазию, и либерально-демократическое, сторонниками которого были мелкие предприниматели, фермеры, радикально настроенная часть промышленной буржуазии.

Сам факт создания политических партий можно считать определяющим политико-правовым событием, поскольку это послужило толчком к демократизации избирательной системы в государстве. В качестве результатов формирования политических партий историки называют расширение избирательных прав для мужчин в восточных штатах к середине XIX в., а также введение всеобщего мужского избирательного права в западных (новых) штатах. Сохранявшаяся в течение длительного времени значительная часть имущественных цензов для занятия должностей постепенно отменяется.

Судебная власть в США формировалась по принципу независимости судей и пожизненности их полномочий, что является одним из основных признаков правового государства. Как отмечалось, члены верховного суда назначаются президентом с одобрения сената. Согласно Конституции верховный суд одновременно может выполнять функции конституционного суда, проверяя в спорных случаях соответствие основному закону решений конгресса и президента.

В целом судебная система США достаточно сложная. Она состоит из судов федерации и судов штатов. Юрисдикция апелляционного суда распространяется сразу на несколько штатов. Суд штата состоит из местных судов и верховного суда штата. Местные суды могут быть нескольких видов: графские, окружные, муниципальные, полицейские и др.

Федеральные суды рассматривают дела, наказание по которым назначается в соответствии с требованиями федеральных законов. Используется также суд присяжных.

Интересный и во многом показательный факт: за все время действия Конституции США в нее было внесено всего 27 поправок. Особое значение имеют первые 10 поправок (*Билль о правах* 1789 г.), принятые под давлением законодательных собраний штатов при ратификации Конституции, а также под влиянием общественного мнения, требовавшего конституционно закрепить фундаментальные права и свободы граждан.

Предложенные Джеймсом Мэдисоном 25 сентября 1789 г. поправки на заседании конгресса США первого созыва вступили в силу 15 декабря 1791 г. Таким образом, был ликвидирован конституционно-правовой пробел, длительное время являвшийся причиной политических разногласий по вопросам групповых и партийных интересов на общегосударственном уровне. Билль о правах 1789 г. явился юридическим оформлением правового статуса гражданина США, чьи права и свободы с этого момента гарантировались федеральным центром.

Права, свободы и гарантии, закрепленные в документе, кратко можно сформулировать следующим образом: 1) свобода слова, свобода религии, свобода прессы, свобода собраний, право на подачу петиции, запрет на установление официальной государственной религии; 2) право хранения и ношения оружия;

3) запрет на размещение солдат в частных домах без согласия владельца; 4) недопустимость произвольных обысков и арестов; 5) право на надлежащее судебное разбирательство, право не свидетельствовать против себя, закрепление гарантий частной собственности; 6) закрепление прав обвиняемого, в том числе права на рассмотрение дела судом присяжных; 7) право на рассмотрение гражданского дела (при цене иска выше 20 долларов) судом присяжных; 8) запрет жестоких и необычных наказаний, запрет чрезмерных залогов и штрафов; 9) закрепление принципа, в соответствии с которым перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом; 10) разграничение полномочий, делегированных штатам, и полномочий, сохраняющихся за штатами либо за народом.

Кроме того, важное место занимают 13-я и 14-я поправки, принятые в 1865 и 1868 гг. соответственно, закрепившие отмену рабства и предоставившие неграм гражданские права. Эти решения явились результатом Гражданской войны в 1861–1865 гг. между промышленным Севером и рабовладельческим Югом.

Таким образом, Конституция США 1787 г. оформила закрепление федеративных основ государства, а также формирование республиканской формы правления в виде президентской республики. В США впервые сложился тип государства с четким разделением законодательной, исполнительной и судебной властей, ветви которой формируются на демократической основе. Еще одним достижением этого этапа является создание действенного механизма разделения властей, основанного на системе сдержек и противовесов.

В целом же события, произошедшие в колониях, в науке иногда обозначаются как «американская революция»; в марксистской традиции это «американская буржуазная революция». Понятно, что если сравнивать эти события с классическими европейскими революциями, очевидны будут существенные различия как в сущности преобразований в американском обществе, так и в самом течении этой революции. Тем не менее, подводя итог, следует выделить наиболее характерные особенности американской буржуазной революции. К таковым можно отнести следующие.

1. Революция имела место на территории, которая фактически не знала такой общественно-экономической формации, как феодализм. Соответственно, американцы не испытали на себе последствий политического господства представителей наследственной аристократии, длительный период крепостнических отношений, государственной бюрократии, цеховой организации и гильдий, эволюцию правового статуса духовенства, постепенное ограничение прав церкви в политической и экономической сфере и многое другое, что свойственно эпохе феодализма. Североамериканское общество изначально отличалось обостренным чувством справедливости, стремилось к демократическому осуществлению власти, минимизации социальных противоречий. В этом одно из основных и существенных отличий американской буржуазной революции от революций в Европе.

2. Одной из целей переселенцев была борьба за освобождение от колониальной зависимости, при этом изначально мирное противостояние со временем переросло в полномасштабный вооруженный конфликт и предопределило дальнейшую интеграцию штатов в федеративное государство.

3. Демократические и либеральные ценности, основанные на достижениях политико-правовой мысли, уживались в США с рабством и рабовладельческой системой, которая вплоть до Гражданской войны 1861–1865 гг. оставалась в неприкосновенности. Свободные сельскохозяйственные земли требовали все новую рабочую силу, которую в большом количестве поставляли европейские работорговцы.

4. Длительное время нерешенным оставался вопрос о правовом статусе индейских племен и их взаимоотношениях с переселенцами. Племена сыграли важную роль в Войне за независимость Соединенных Штатов, выступив как в поддержку восставших колонистов, так и на стороне метрополии[1]. При этом мирный договор 1783 г., подписанный между США и Великобританией, не содержал ни малейшего упоминания о коренных народах Северной Америки. Соединенные Штаты Америки рассматривали индейские племена с позиции завоевателей, считая, что победа

[1] Фофанова А.Р. Проблема взаимоотношений США с индейскими племенами в период действия Статей Конфедерации (1781–1787 годы) // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 16.

была одержана не только над англичанами, но и над их союзниками, соответственно, индейские племена находились в полной зависимости от воли Соединенных Штатов[1]. Следует также отметить, что борьба индейских племен с бывшими колонистами в послевоенный период на границах территории США сохранялась в качестве одной из самых серьезных внутриполитических проблем[2].

5. Американская революция заложила дальнейшие основы демократического развития Соединенных Штатов Америки, сформировала модель президентской республики, которая и по нынешний день остается эталоном эффективного распределения властных полномочий в решении важнейших государственных задач.

Гражданская война. Рассматривая становление американской буржуазной государственности, следует отметить, что на определенном этапе развития штатов противоречия, наблюдавшиеся с самого начала объединительного процесса в североамериканских колониях, достигли своего апогея. Принципиальные различия между Севером и Югом заключались в неприятии рабства первыми и агрессивной политике по его сохранению вторыми, в противостоянии форм хозяйственной деятельности (промышленный Север и рабовладельческий Юг), в борьбе за освоение западных территорий континента.

К середине XIX столетия указанные разногласия превращаются в непреодолимый барьер на пути дальнейшего мирного существования государства и создаются все предпосылки к началу *Гражданской войны*, при этом само противостояние Севера и Юга интересно тем, что «оно в сжатой форме содержит в себе все те противоречия, которые являются «врожденными болезнями» государств Нового времени»[3].

Непосредственному военному столкновению Севера и Юга предшествовало избрание в 1860 г. президентом США республиканца Авраама Линкольна, выходца из бедной фермерской семьи, последовательного противника рабства. Фактическая потеря

[1] Фофанова А.Р. Указ. соч. С. 16.

[2] Там же. С. 32.

[3] Белькович Р.Ю. Две войны за независимость: Авраам Линкольн и проблема сецессии // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 222.

демократической партии власти в государстве привела к объявлению южан о выходе из федерации (сецессии) и образовании независимого государства – Конфедерации южных штатов, объединившего 11 из 34 штатов США.

В 1861 г. начались военные действия, когда войска конфедератов атаковали 12 апреля форт Самтер в бухте Чарлстон, капитулировавший после 34-часового обстрела. А. Линкольн объявил южные штаты в организации мятежа, блокировал Конфедерацию с моря, сформировал армию из 75 000 добровольцев и ввел воинскую повинность.

Несмотря на лучшую оснащенность в военном плане Севера, именно войска А. Линкольна терпели поражения в первой фазе войны (1861–1862 гг.). Лучшая боевая подготовка южан, нерешительность северян (они пытались решить конфликт конституционным мирным путем) привели к ряду поражений Севера.

Перелом в ходе войны стал возможен лишь благодаря умелым шагам А. Линкольна, который вышел с инициативой о принятии в 1862 г. Акта о гомстедах (Гомстед-акт). По нему каждому американцу, желающему заняться сельским хозяйством на западе и не замеченному в военных действиях на стороне конфедератов, предоставлялось право на получение участка земли размером не более 160 акров (1 акр – 4 047 кв. м) после уплаты регистрационного сбора. Развитие фермерства по Акту о гомстедах существенно повысило популярность Линкольна в народе. Решающий же вклад в победу, как считает большинство историков, был внесен провозглашением Прокламации об освобождении рабов (подписана президентом 30 декабря 1862 г.). Таким образом, с 1 января 1863 г. все негры, населявшие южные штаты, объявлялись свободными (землю и политические права они не получали) и практически полностью влились в добровольческую армию Севера. К концу Гражданской войны в федеральной армии насчитывалось порядка 180 000 бывших рабов.

Характерно, что сам А. Линкольн изначально не связывал освобождение рабства и успехи в войне с Югом. По его словам, он не имел «никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где он существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и

я не склонен делать это»[1]. Основной задачей А. Линкольна было сохранение США в рамках установленных государственных границ. Следующая его цитата это наглядно демонстрирует: «Если бы я мог спасти Союз, не освободив ни одного раба, я бы это сделал, и если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы это сделал; если бы я мог спасти Союз, освободив некоторых и не трогая остальных, я бы сделал и это. То, что я делаю в отношении рабства и цветного населения, я делаю потому, что верю в то, что это поможет сохранить Союз»[2].

Юридически отмену рабства на всей территории страны закрепила XIII поправка к Конституции США, принятая в 1865 г. В этом же году армия Юга была разгромлена и 9 апреля 1865 г. Конфедеративные Штаты Америки прекратили свое существование. 14 апреля 1865 г. на спектакле «Наш американский кузен» в театре Форда в г. Вашингтоне Авраам Линкольн был застрелен выстрелом в голову сторонником южан, актером Джоном Уилксом Бутсом.

Важнейшим итогом Гражданской войны стала отмена рабства, в результате чего негры получили права наравне с остальным населением США. Юридически закрепление равенства произошло в 1868 г. (XIV поправка к Конституции) и 1879 г. (XV поправка). Этими нововведениями запрещалось ограничение избирательных прав граждан США по признаку расы, цвету кожи либо в связи с прежним нахождением в рабстве, а также вводилось правило о предоставлении гражданства любому лицу, родившемуся на территории США, и запрет на лишение прав не иначе как по приговору суда.

В политической философии выделяют также иной подход к определению важнейших итогов Гражданской войны. В частности, таковым признается интеллектуальный переворот, осуществленный А. Линкольном, в отношении понимания природы государства в США: государство из политической формы социальных отношений, основанных на самоуправлении, превратилось в самостоятельного субъекта, осуществляющего власть вне согласия

[1] Подробнее об этом: Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней / пер. Г.П. Бляблина и др. М.: Весь Мир, 2006.

[2] Из Письма к Хорасу Грили от 22 авг. 1862 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

управляемых[1]. Несмотря на дискуссионный характер указанного тезиса, очевидно, что военное объединение (а точнее, сохранение) под юрисдикцией США южных штатов в корне и качественно изменило фундаментальные основы государственности, жизнеспособность которых доказана и проверена временем.

Далее, если говорить о фактическом положении дел в государстве в социальной сфере, то оно представляется не таким идеальным, как это отражали конституционные поправки. Де-факто неграм создавалась масса препятствий (часто искусственных) для участия в избирательных кампаниях, практиковались проявления расовой сегрегации (раздельное воспитание и обучение, разделение посадочных мест и зон в общественном транспорте) и т. д.

Указанные проявления неравенства с развитием государства постепенно минимизировались и прекращались.

Реконструкция Юга. Важным этапом государственно-правового развития США является период реконструкции Юга, имевший место с 1865 по 1877 г. В исторической науке он связывается с массивными изменениями в южных штатах после поражения в Гражданской войне и отмены рабства. Президент А. Линкольн был сторонником умеренной реконструкции, сопровождавшейся принятием эффективных и перспективных законов, направленных на восстановление мирной жизни, вовлечение освобожденных рабов в социальную жизнь и сельскохозяйственное производство.

После убийства А. Линкольна главой государства стал Эндрю Джонсон (17-й президент США), который продолжил политику умеренной реконструкции (к примеру, большинство участников Гражданской войны из числа южан были амнистированы, бывшим рабам предлагались программы по участию в полноценной социально-экономической жизни). Однако задачи, поставленные Э. Джонсоном, были восприняты неоднозначно: большинство в конгрессе, поддерживаемое радикально настроенными республиканцами во главе с Ч. Самнером и Т. Стивенсом, добивались лишения земельной собственности плантаторов-южан, перераспределения земли на Юге между белыми фермерами и освобожденными рабами. К этому периоду относится создание

[1] Белькович Р.Ю. Указ. соч. С. 233.

печально известной расистской организации «Ку-клус-клан», занимавшейся террором в отношении бывших рабов, ряда солдат и офицеров федеральной армии. В итоге политика умеренной реконструкции сменилась разделением территории южных штатов на пять военных округов, куда были введены федеральные войска. Указанные меры, наряду с «отложенным» эффектом экономического роста в результате отмены рабства, привели к улучшению социально-экономической ситуации на Юге.

Официально реконструкция Юга считается завершенной в ходе достигнутого в 1877 г. компромисса, когда политические элиты Севера и Юга пришли к соглашению: южане-демократы признавали победу кандидата-республиканца от северян Р.Б. Хейса на президентских выборах в 1876 г., а ставший президентом Хейс принял решение о выводе федеральных войск с территории южных штатов.

2.3. Особенности формирования американского права

Большинство переселенцев в Северную Америку имели английское происхождение, а на территориях американских колоний устанавливалось управление, принятое в этом государстве. Соответственно, формировалось и североамериканское право – оно исходило из английского права, перенимая на начальном этапе практически все атрибуты англосаксонской буржуазной правовой системы.

В дальнейшем право США стало приобретать свои особенности, связанные, во-первых, с несколько иной, чем в Англии, организацией общественной жизни (большая ее демократичность) и, во-вторых, влиянием континентального европейского права, привносимого в США выходцами из континентальной Европы.

В результате в США сформировалось право, где преобладало англосаксонское право, т. е. общее право, а также прецедентное право. Вместе с тем наличествовали и элементы и романо-германской системы права, связанной с кодификацией правовых норм. Так, в Нью-Йорке в 1848 г. были приняты Гражданско-

процессуальный и Уголовно-процессуальный кодексы, а в 1878 г. в Калифорнии был принят Гражданский кодекс. К концу XIX в. во многих штатах были разработаны уголовные кодексы. В основу нормативных предписаний этих законов было положено все то же английское общее право. Вместе с тем нужно иметь в виду, что кодификация была ограниченной, в уголовных законах не содержались, как правило, общие положения.

На федеральном уровне систематизация осуществлялась более медленными темпами. В 1889 г. в США был создан специальный комитет, который разработал проекты законов, регулирующих определенные сферы общественных отношений (главным образом это было связано с торговлей), и рекомендовал на их основе создать соответствующие законы штатов.

В течение XX в. (с 1909 г.) в США был принят федеральный уголовный закон, который, однако, систематизировал сравнительно узкий перечень составов преступлений, относящихся к ведению федеральных органов (государственная измена, подделка валюты, пиратство и др.). В целом же на федеральном уровне было систематизировано немного сфер правового регулирования.

Основными источниками права в США, таким образом, являются:

1) нормативно-правовые акты законодательных органов федерации и штатов (Конституция США, федеральные законы, конституции штатов, законы штатов);

2) судебные решения.

Для всех судов всех инстанций обязательными являются решения Верховного суда США. Что касается судебной практики (прецедентного права) в штатах, то здесь положение нередко складывалось противоречиво. Дело в том, что, во-первых, в штатах, как уже отмечалось, издается собственное законодательство (разумеется, в рамках общефедеральных законов) и, во-вторых, решения верховного суда одного штата не являются обязательными для верховного или местного судов другого штата. В результате, например, за одно и то же преступление преступники приговаривались к весьма отличным друг от друга наказаниям.

В связи с этим следует отметить то обстоятельство, что в силу указанных выше причин правовое положение граждан в штатах во многих аспектах различное, хотя все они являются

гражданами одного государства. Эта проблема все чаще дискутируется в американских научных кругах.

Государственное (конституционное) право США нового времени отличается достаточно высоким уровнем развития, что было обусловлено сложными, драматическими событиями, связанными с движением американских колоний за независимость.

В числе основных нормативных актов следует выделить следующие:

1) Первая декларация прав 1765 г.;
2) Вторая декларация прав 1774 г.;
3) Декларация независимости 1776 г.;
4) Статьи Конфедерации 1781 г.;
5) Конституция 1787 г. и последующие поправки к ней.

Основные положения этих документов были рассмотрены выше. Следует отметить также, что после принятия Конституции США интенсивность развития конституционного права США резко снижается, поскольку после закрепления законодательных основ государственности в этом не было особой необходимости (хотя, разумеется, продолжали и продолжают регулироваться вопросы текущего государственного управления, не выходящие за рамки конституционных установлений).

В гражданско-правовой сфере важнейшими являются институты собственности, свободы предпринимательства и незыблемости заключаемых договоров.

Эти институты закреплялись нормативными предписаниями на самых разных уровнях, начиная с Конституции США. Так, согласно 5-й поправке к Конституции «никто не может быть лишен... собственности без надлежащего судебного разбирательства. Частную собственность запрещается отчуждать для общественного пользования без справедливого вознаграждения».

В американском гражданском праве четко отражались интересы крупных собственников и предпринимателей. Это проявлялось, в частности, в том, что во многих законах и судебных решениях сквозил принцип «меньше правительства в бизнесе и больше бизнеса в правительстве». Этот принцип невмешательства государства в экономические отношения был важнейшим для основных политических сил, представители которых имели большинство в конгрессе США.

Именно в период Нового времени в американском обществе сложился и был закреплен менталитет прагматизма, выгоды, предприимчивости и одновременно законности в осуществлении экономических проектов.

Такой подход в целом позволил поднять экономику США на небывалую высоту. Стремление к равенству субъектов правоотношений вело к совершенствованию гражданского права. Так, в 1890 г. был принят Акт о защите торговли и коммерции от незаконных ограничений и монополий (закон Шермана). В ст. 1 этого закона говорится, что «всякий договор, соглашение в форме треста или заговор с целью ограничения торговли или коммерции между несколькими штатами или с иностранными государствами объявляется незаконным. Любое лицо, которое заключило такой договор или вступило в такое соглашение, будет считаться виновным в преступлении... и будет наказано штрафом или тюремным заключением или обоими наказаниями по усмотрению суда».

Вместе с тем конгресс США, отражая в большей мере интересы крупнейших промышленных и финансовых кругов, не торопился с принятием законов о социальных гарантиях наемных работников, и прежде всего рабочих и служащих различных корпораций, находящихся в частной собственности. И в этом смысле трудовое право США отставало от английского права, в частности в США только перед Второй мировой войной был принят закон о минимуме заработной платы. А 8-часовой рабочий день стал вводиться лишь с начала XX в.

Очень непросто складывалось движение наемных рабочих за свои права посредством профессиональных союзов. Такие организации долгое время признавались незаконными, и их деятельность, как говорилось во многих судебных решениях, нарушала вышеупомянутый Акт о защите торговли и коммерции от незаконных ограничений и монополий, при этом профсоюзы приравнивались к монополиям со всеми вытекающими последствиями.

Предприниматели при заключении договоров (контрактов) с рабочими настаивали на том, чтобы в них вносился пункт об отказе принимаемых на работу от какого бы то ни было забастовочного движения, и рабочие соглашались с этим, поскольку подталкивала безработица, а на большинстве предприятий обес-

печивался сравнительно высокий доход. Были случаи вооруженного подавления забастовок. Длительное время США сохраняли также такое позорное явление, как ограничение прав цветного населения.

В уголовном праве США во многом переняли право Англии, включая классификацию преступлений (тризн, фелония, мисдиминор). В принимаемых уголовных кодексах в США, как уже отмечалось, практически отсутствовали общие положения – их заменяли соответствующие разъяснения судебных органов.

Уголовное право штатов нередко значительно различалось (это не касалось федеральных преступлений, ответственность за совершение которых регулировалась в федеральных законах), чем нередко пользовались преступники, предпочитая совершать преступления в тех штатах, где за аналогичное деяние предусматривалось более мягкое наказание.

За многие преступления (измена, убийство при отягчающих обстоятельствах и др.) предусматривалась смертная казнь. Для ее исполнения в США впервые был применен электрический стул. В штатах действовали и действуют и другие способы приведения смертного приговора в исполнение – повешение, отравление и др.

При назначении тюремного заключения практика пошла по абсолютному сложению сроков наказания в случае совершения нескольких преступлений, и преступник мог получить 100 и более лет тюремного заключения. В действительности же пожизненное заключение было редкостью, поскольку применялся институт досрочного освобождения.

В период Нового времени в США впервые была сделана попытка такой организации тюремного заключения, которая в максимальной степени способствовала бы исправлению преступника. Речь идет о Пенсильванской тюрьме (устроена в 1768 г.), где содержались в отдельных кельях и работали в общих мастерских при полном молчании. Квакеры (религиозная организация, вложившая средства в эту тюрьму, позаимствовала идею из Европы) полагали, что такой подход позволит заключенным задуматься о своей жизни, раскаяться и таким образом они избавятся от пороков, которые толкали их на преступления. Чуть позже стала действовать так называемая Оборнская тюремная система, где заключенные имели несколько больше послаблений. Однако широ-

кого распространения в США эта система не получила, хотя и имела положительный резонанс в общественных и научных кругах США и Европы.

Уголовный процесс строился на состязательности обвинения и защиты. Обвиняемый имел достаточно широкий круг прав для собственной защиты. Использовался также суд присяжных. Большое внимание в уголовном процессе США уделялось и уделяется процедурном вопросам.

Итак, формирование права США происходило на основе английского права, но с некоторыми особенностями. Право США представляет собой буржуазное право в классическом виде – с равенством субъектов правоотношений, незыблемостью принципа законности, гарантиями неприкосновенности личности, жилища, собственности.

2.4. Билль о правах 1789 года

Отсутствие в основном тексте Конституции США положений о правах граждан вызвало недовольство населения и поставило под угрозу ратификацию Конституции. Следствием такой реакции общества стало принятие конгрессом США первого созыва десяти поправок, получивших название Билля о правах. Принятие Билля о правах, определяющего правовой статус американского гражданина, стало основой формирования в США гражданского общества и правового государства. Поправки к Конституции США вступили в силу после завершения их ратификации законодательными собраниями штатов (15 декабря 1791 г.).

Билль о правах дополняет Конституцию США, в которых провозглашаются фундаментальные права и свободы американских граждан.

В первой поправке конгрессу запрещается издавать законы, которые ограничивали бы следующее:

– свободу религии и вероисповедания;

– свободу слова и печати;

– право мирных собраний и обращения к правительству с петицией об исправлении злоупотреблений.

В четвертой поправке устанавливается неприкосновенность личности, жилища, личных документов и имущества. Указывается, что «ордер на обыск или арест должны выдаваться лишь по обоснованным и основательным причинам, подтвержденным присягой или торжественным обещанием. Эти ордера должны содержать подробное описание места, где должен быть произведен обыск, и лиц, и вещей, подлежащих аресту».

В пятой, шестой, седьмой поправках речь идет о следующих процессуальных гарантиях:

– никто не может быть привлечен к ответственности за тяжкие преступления иначе как по обвинению, исходящему от Большого жюри (численный состав жюри от 16 до 23 человек), за исключением чрезвычайных обстоятельств;

– никто не должен дважды отвечать за одно и то же преступление жизнью или телесной неприкосновенностью;

– никто не должен принуждаться в каком-либо уголовном деле свидетельствовать против самого себя;

– никто не должен лишаться жизни, свободы или имущества без законного судебного разбирательства;

– никакая частная собственность не должна отчуждаться для общественного пользования без справедливой компенсации за нее собственнику;

– при любом уголовном преследовании обвиняемый имеет право на незатяжной и публичный суд беспристрастных присяжных по заранее установленным законам; обвиняемый должен иметь возможность на очную ставку со свидетелями, показывающими против него, а также требовать свидетелей со своей стороны и пользоваться помощью адвоката для своей защиты.

В девятой поправке подчеркивается, что перечисление в Конституции указанных прав и свобод не должно трактоваться как умаление других прав, охраняемых законом.

Другие поправки (вторая, третья, восьмая, десятая) не регулируют основные права и свободы.

Билль о правах стал существенным шагом в развитии демократии США. При всех противоречиях, присущих американскому обществу того времени, этот документ имел большое значение в прогрессе цивилизации в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

3. Государство и право Франции в Новое время

3.1. Предпосылки Французской буржуазной революции. Первый этап революции

Особенности генезиса во Франции буржуазного государства связываются прежде всего с активным и непосредственным участием в революционном движении широких народных масс, установлением демократических институтов, отражающих интересы практически всех категорий населения, а также многочисленными, бурными и противоречивыми событиями в процессе становления республиканского строя. Во Франции произошло своеобразное смешение консерватизма английского типа и американского демократического радикализма. И в целом становление стабильных буржуазных отношений произошло позже, чем в других западноевропейских странах.

Еще одним глобальным фактором французской революционной государственности и французского общества эпохи глобальных буржуазных преобразований станет реализация идеи общества как свободного «единения равных людей, с едиными социокультурными ценностями, культурой, языком и исторической судьбой»[1].

Определенные трудности при изучении истории государства и права Франции вызывает длинная череда событий, которые в сравнительно короткий период (конец XVIII – середина XIX в.) кардинально раз за разом меняли формы государственного правления Франции и, соответственно, государственно-правовые акты (было принято несколько конституций), а также достаточно противоречивое положение, когда формальное провозглашение республики еще не означало фактического наличия таковой. В связи с этим представляется целесообразным рассматривать развитие государственности во Франции Нового времени по образованию так называемых Первой, Второй и Третьей республик.

[1] Кучукова Ж.М. Французская нация как проект Великой французской революции // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 4 (39). С. 32.

С Первой республикой, собственно, и связывается подготовка и совершение Французской буржуазной революции.

В конце XVIII в. во Франции сложилась довольно напряженная социальная обстановка, вызванная торгово-промышленным кризисом, нехваткой продовольствия (из-за неурожаев последних лет), финансовыми затруднениями.

Социальная же структура общества была довольно простой, хотя и своеобразной: все население непропорционально делилось на три сословия, которые также непропорционально несли налоговое бремя. *Первое и второе сословие* составляли духовенство и дворянство, имевшие существенные налоговые привилегии (они освобождались от *тальи* – базового поземельного налога, являвшегося в тот момент главной доходной статьей королевского бюджета). Верхушка католического духовенства вместе с тем получала от короля огромные земельные наделы (также освобожденные от налогов) и денежные жалования, что существенно усиливало налоговую нагрузку на остальную часть французского населения.

Все, кто не входил в первое и второе сословие, принадлежали к *третьему* – это были городские рабочие, крестьяне, ремесленники, городская беднота. Верхушку третьего сословия во Франции составляли представители буржуазии: купцы, мануфактуристы, банкиры. Из 26 млн французов первое и второе сословие составляли мизерную часть – немногим более 250 тыс. человек. Они владели 3/5 всей земли в государстве. Объем крестьянской земли (число крестьян составляло 23 млн человек) был в три раза меньше.

Острая социальная ситуация во Франции обострялась еще и огромным разрывом между роскошью и богатством представителей духовенства и дворянства и нищетой третьего сословия, сложнейшими условиями труда городских рабочих, общим обнищанием страны из-за опустошительной внешней политики (участие в многочисленных и весьма неудачных войнах, необоснованные траты на армию).

В такой ситуации либерально-демократические идеи французских просветителей Вольтера, Ш. Монтескьё, Ж.Ж. Руссо стали катализатором протеста широких слоев населения против внутренней политики королевской власти.

Кризисным революционным явлениям способствовало также отсутствие единства интересов короля и двух первых сословий. Нарастающая напряженность, неспособность королевской власти к системным реформам, позволившим бы найти выход из серьезнейшего финансового кризиса, привели к тому, что король вынужден был созвать *Генеральные штаты* (этот орган не созывался с 1614 г.), где была увеличена доля третьего (самого низкого из депутатов) сословия – до 600 человек. Эта депутатская группа, считая, и не без оснований, себя в качестве представителей всей нации, объявила себя сначала *Национальным собранием* (9 июля 1789 г.), а затем и *Учредительным собранием*. Попытки короля распустить Учредительное собрание вызвали мощный революционный подъем. Десятки тысяч французов вышли на улицы Парижа и других городов, чтобы поддержать Учредительное собрание.

Непосредственным началом революции считается захват крепости-тюрьмы Бастилии 14 июля 1789 г., хотя в этом событии имеется и определенная доля символизма. Поводом к выступлению стало введение королем в Париж войск для поддержания порядка: усмирять вышедших на улицы парижан должны были немецкая гвардия, швейцарцы и некоторые французские полки. Еще одним толчком к выступлению стала отставка правительства Ж. Неккера и переход исполнительной власти к барону де Бретейлю. 12 июля адвокат К. Демулен публично призвал толпу к оружию, на следующий день горожане массово вышли на улицы, а депутаты Парижа организовали Постоянный комитет и гражданскую милицию. Именно для противостояния немецким и швейцарским солдатам парижане должны были вооружиться и с этой целью они двинулись на Бастилию.

14 июля крепость Бастилия в ходе драматических событий, сопровождавшихся многочисленными жертвами, была взята, а уже 26 августа 1789 г., откликаясь на народные настроения, Учредительное собрание принимает знаменитую Декларацию прав человека и гражданина.

В первой же статье этого документа закрепляется важнейшее и ставшее определяющим на долгие годы вектором развития прав человека положение о том, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», и далее подчеркивается, что «цель каждого государственного союза составляет обеспечение

естественных неотъемлемых прав человека» (к таковым отнесены свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению). В Декларации провозглашаются также свобода слова и право личной неприкосновенности. Весьма демократичной является и следующая норма: «Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании. Закон должен быть равным для всех»[1]. Как видим, указанные принципы находят отражение во всех конституциях современных государств, в том числе и в Конституции РФ 1993 г.

Правовые идеи Декларации, навеянные прежде всего сочинениями Ж.Ж. Руссо, станут исходной концептуальной основой дальнейшего развития французской буржуазной государственности и соответственно французского конституционного права, хотя, как отмечалось, это будет происходить весьма противоречиво.

В 1789–1790 гг. Учредительное собрание в ряде декретов объявило о ликвидации всех феодальных прав и привилегий, включая все почетные отличия, порядок наследования по типу майората, сеньориальные суды и т. д. Земли духовенства были национализированы. Вечные ренты, некоторые сеньориальные права на собственность подлежали компенсации, т. е. при всей революционности право собственности подлежало определенной защите.

3 сентября 1791 г. Учредительным собранием была принята *Конституция*. Этим документом значительно расширяются демократические права и свободы, и их содержание, казалось бы, должно было предопределить республиканскую форму правления. Однако это не произошло. Конституция, четко разделяя власть на три ветви, установила, что исполнительная власть вверяется королю, соответственно указывалась и форма правления – монархическая. На данном этапе революции Франция во многом повторила Англию, установив конституционную монархию. Законодательная власть вверялась национальному собранию, состав которого должен избираться народом. Местная власть также формировалась на выборной основе.

[1] Великая французская революция, 1789–1989: документы и исследования. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1992.

Тем не менее, несмотря на сохранение королевской власти, что выражало определенный социально-политический компромисс, феодальный абсолютизм во Франции был сломлен. Король должен был править, согласно Конституции, лишь «в силу закона», поскольку во Франции «нет власти, стоящей над законом». Из прежних феодальных атрибутов сохранились, по существу, лишь наследственность главы исполнительной власти.

3.2. Первая республика во Франции

Изменения в правовом поле, в системе комплектования высших государственных органов и осуществления власти во Франции уже сами по себе имели революционное и фундаментальное значение как для французской нации, так и для всех европейских держав (последние пристально наблюдали за развитием событий). Однако достигнутый социально-экономический компромисс, предусматривавший наряду с демократическими политическими институтами также и сохранение королевской власти, не удовлетворил наиболее радикально настроенную часть населения. С этим совпало начало войны Франции с Австрией (20 апреля 1792 г.), которую французское правительство первоначально считало позитивным событием. Однако с созданием антифранцузской коалиции, в которую вошли такие державы, как Великобритания, Испания, Нидерланды, Пруссия, во Франции начались протесты и 10 августа 1792 г. монархия в государстве была свергнута.

С этого момента можно говорить о начале следующего этапа революции – *Первой республики*.

Король был отстранен от выполнения своих обязанностей Законодательным собранием Франции, были назначены выборы в *Национальный Конвент*, который первым же своим Декретом 21–22 сентября 1792 г. упразднил королевскую власть, отменил Конституцию 1791 г. и объявил Францию *республикой*.

В Первой республике исполнительная власть (изменения коснулись прежде всего этой ветви власти) была делегирована Исполнительному комитету Конвента, где руководящие посты заняли *жирондисты* (они отражали интересы прежде всего

торгово-промышленной буржуазии; название получили по территории департамента Жиронда, выходцами которого были все их лидеры – Бриссо, Кондорсе, Гаде, Жансонне, Верньо), добивавшиеся свержения короля, экономической свободы и соответственно укрепления позиций крупных собственников. Фактически установление республики и формирование выборных органов власти отвечало первоначальным требованиям жирондистов, которые в целом считали революцию завершенной.

Что касается Конвента, который являлся высшим законодательным и исполнительным органом Франции, то его члены проголосовали за смертный приговор королю Людовику XVI, казнь которого начала отсчет драматических событий дальнейшего революционного процесса во Франции.

Помимо жирондистов, в Конвенте выделялись еще две политические фракции (группировки):

– *монтаньяры* (от фр. *Montagnards* – люди на вершине, горцы), заседавшие на верхних скамьях зала заседаний (т. н. «гора»). В основном это были *якобинцы* (фр. *Jacobins* – участники Якобинского клуба), известные своими республиканскими взглядами, выступавшие за применение насилия и террор при достижении целей. Наиболее известные якобинцы – Робеспьер, Дантон, Сен-Жюст);

– «*болото*» (от фр. *Marais*) – самая многочисленная группа депутатов (около 500), представлявшая большинство в Конвенте и примыкавшая к той политической группировке, которая в конкретный момент была сильнее; представители Сьейес, Тибодо, Баррас). Депутаты «болота» традиционно представляли интересы промышленно-торговой буржуазии.

Конвент своим декретом в апреле 1793 г. создает *Комитет общественного спасения*, который неофициально назывался Комитетом Дантона по имени его реального руководителя (позже в него был включен Кутон, Сен-Жюст и ряд других революционеров). Несмотря на то, что официально председателем Комитета выбрали Гитона де Морво, фактически этот орган работал без председателя, поскольку все его члены обладали равными правами. Комитет общественного спасения представлял собой орган исполнительной власти, наделенный правом вести дипломатические дела, отдавать непосредственные приказы военным и гражданским чиновникам.

Первый Комитет общественного спасения проработал сравнительно короткое время и после военных неудач, а также «федералистского» мятежа был реорганизован в июле 1793 г.

Второй Комитет проработал дольше (до 27 июля 1794 г.) и получил название Комитета Робеспьера, который после своего избрания в этот орган постепенно сосредоточил всю власть в революционной Франции в своих руках.

Полномочия Комитета в этот период постоянно расширялись, в частности ему было предоставлено право составления и представления на голосование Конвента списков кандидатов во все остальные комитеты и комиссии Конвента, включая и Комитет общественной безопасности, право вызова и ареста подозреваемых и обвиняемых лиц, контроля за деятельностью генералов, министров, практически всех государственных органов, право безотчетно пользоваться специальным фондом денежных средств (оплата агентов, курьеров, подконтрольных газет и т. д.), право отрешения от должностей чиновников и ряд иных.

Фактически именно Второй Комитет общественного спасения и будет в дальнейшем ответственным за всю внутриполитическую ситуацию (укрепление и расширение объемов применения революционного террора), которая характеризуется как *якобинская диктатура*.

Ключевыми органами власти в период Первой республики были также Комитет общественной безопасности и Чрезвычайный уголовный трибунал.

Формирование во Франции конституционной монархии не смогло остановить революционный процесс. После захвата членами Парижской коммуны дворца *Тюильри* король Людовик XVI и все члены королевской семьи были заключены в крепость *Тампль*. 21 сентября 1792 г. король официально лишился титула короля Франции, после чего был обвинен в государственной измене и большинством голосов членов Национального конвента приговорен к смертной казни.

Казнь Людовика XVI состоялась 21 января 1793 г. на площади Революции. По свидетельствам очевидцев, после того как ликующей толпе была показана отрубленная голова короля, народ бросился к эшафоту с платками, чтобы окунуть их в кровь и взять себе на память. Все это сопровождалось криками:

«Да здравствует республика! «Да здравствует нация! Да здравствует свобода!»

Смерть короля справедливо считается поворотным моментом во всей французской революции, поскольку стала своеобразной «точкой невозврата» для последующих событий, а также была наглядным примером будущим поколениям революционеров (впоследствии и в России русские якобинцы – большевики во главе с В.И. Лениным – по примеру французов решат казнить не только последнего российского царя, но и всю его большую семью).

С казнью Людовика XVI Франция окончательно переходит от феодального абсолютизма к республиканским преобразованиям, которые во многом оказались трагичными и предстали перед большинством революционеров не в том виде, в котором они себе представляли постреволюционное развитие государства. С этого времени якобинцы становятся на путь ликвидации всяческих проявлений оппозиции, обвиняют жирондистов (тех, кто фактически начал революцию) в попытках восстановить монархический строй, в организации заговоров и измене. Якобинцы выражали интересы рабочих, мелкой парижской буржуазии и крестьян (первоначально), т. е. фактически подавляющего большинства французского населения. Это обеспечило им победу в противостоянии с жирондистами и иными роялистами (сторонниками восстановления королевской власти), которые рассчитывали на поддержку правящих режимов ряда европейских монархических государств.

3.3. Якобинская диктатура

В результате острой политической борьбы в середине 1793 г., после исключения жирондистов из Конвента, было положено начало периоду *якобинской диктатуры*. Считается, что этот этап является завершающей и высшей ступенью революции.

Опорой якобинцев в политическом плане являлись широкие революционно-демократические силы, в числе которых можно выделить городскую парижскую бедноту, мелкую буржуазию,

отчасти крестьянство и крестьянскую бедноту. Наиболее яркую и определяющую роль во всем блоке якобинцев играли так называемые *монтаньяры*, выражавшие интересы бунтарских слоев и эгалитарно настроенных масс. Лидерами монтаньяров были Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст со своими ближайшими сторонниками. Внутри самой якобинской партии выделяли *правое крыло*, лидером которого был ставший известным в Париже адвокат Дантон, *центр* (возглавлялся Робеспьером), а также *левое крыло* во главе с Маратом (а после его гибели летом 1793 г. Эбером и Шометтом).

Участие различных слоев населения в политической борьбе достигает своего предела и кульминации именно в период якобинской диктатуры. Первым радикальным шагом новой власти стало принятие Конвентом аграрного закона, предусматривающего раздел общинных земель, конфискацию земли у дворянства без какой-либо компенсации, ликвидацию различных сеньориальных платежей и наделение земельными участками большого количества крестьян. Было отменено рабство в колониях. На продовольствие во Франции устанавливались твердые цены, а за спекуляцию товарами первой необходимости вводилась смертная казнь. Как видно, буржуазная свобода предпринимательства была существенно ограничена.

Наконец, 17 июля 1793 г. были осуществлены основные требования французского крестьянства: Конвент большинством голосов одобрил постановление о полном, безвозмездном и окончательном уничтожении всех феодальных поборов, повинностей и привилегий. Все принятые ранее королевские акты и документы прежней власти любого уровня необходимо было сжигать, а лица, уличенные в хранении указанных документов, подлежали каторге.

Все принятые решения якобинцы начали сразу реализовывать, что позволило значительной части крестьянства пополнить ряды свободных мелких земельных собственников. В то же время крупное землевладение во Франции окончательно не было ликвидировано, поскольку после конфискации земельных наделов церкви, крупных землевладельцев из числа контрреволюционеров, земель уехавших из государства роялистов все еще оставались такие землевладельцы, как городская и сельская буржуазия.

Довольно многочисленным было и безземельное французское крестьянство.

Таким образом, в начале этапа якобинской диктатуры крестьянство в основной своей массе позитивно восприняло политику Робеспьера и его соратников, поддерживало революционный настрой, чему в немалой степени способствовала умелая аграрная политика и принятие новых аграрных законов. Интересы простого крестьянства теперь совпадали с интересами городских революционеров, и они яростно поддерживали все революционные начинания. Это в немалой степени сказалось и на боеспособности французской армии, которая демонстрировала проявления мужества и отваги в ходе столкновений республиканской армии с интервентами. Таким образом, именно аграрная политика якобинцев смогла погасить тот революционный подъем, который наблюдался летом 1789 г. во французской деревне, когда «тысячи вооруженных крестьян ринулись на штурм феодальной твердыни»[1].

При этом указанный период отличается крайней противоречивостью. Так, с одной стороны, якобинцы (самая радикально настроенная часть революционеров) способствовали полному искоренению во Франции остатков феодального строя и феодальной системы общественных и хозяйственных отношений, провели радикальные преобразования в политической сфере, решили вопрос обороны страны от военных внешних угроз и интервенции войск коалиции европейских держав, ликвидировали риски реставрации монархии (этому способствовали массовые казни всех несогласных с их мнением, многочисленные провокации и убийства содержавшихся в парижских тюрьмах роялистов, священников и дворян). С другой стороны, в ходе якобинской диктатуры сложилась парадоксальная ситуация: были запрещены все оппозиционные газеты, фактически уничтожена свобода слова, за которую боролись революционеры. Политика революционного террора способствовала установлению абсолютно несвободного общества, в котором царила атмосфера лжи и доносительства.

[1] Адо А.В. Крестьянские восстания в начале Французской революции в 1789 г. // Из истории общественных движений и международных отношений: сб. ст. в память академика Е.В. Тарле. М.: Изд-во АН СССР. 1957. С. 148–169.

Важным событием периода якобинской диктатуры была разработка якобинским Конвентом новой (якобинской) Конституции, представленной на утверждение народом 24 июня 1793 г.

В этом документе, состоящем из *Декларации* прав человека и гражданина и непосредственно *Конституционного акта*, вновь, но уже более подробно и четко провозглашались естественные права французских граждан, включая право на собственность. Подчеркивалось, в частности, что «никто не может быть лишен ни малейшей части своей собственности без его согласия, кроме случаев, когда этого требует установленная законом необходимость и лишь под условием справедливого и предварительного вознаграждения». Снова закреплялось также право народа на сопротивление угнетению[1].

Конституцией устанавливалась более демократичная, чем раньше, избирательная система – избирательное право стало всеобщим. Путем выборов избирались Законодательный корпус, судьи по гражданским и уголовным делам. Исполнительная власть по Конституции вверялась Исполнительному совету республики в составе 24 человек, которые должны были избираться из числа кандидатов, выдвигаемых первичными департаментскими собраниями.

В целом Конституция якобинцев была пронизана духом равноправия, свободы, справедливой власти народа. Якобинская Конституция 1793 г. была, по мнению большинства исследователей, более прогрессивным документом по сравнению с Конституцией 1791 г., поскольку та система органов государственной власти Франции, которая была создана в соответствии с Конституцией 1791 г., отражала временное равновесие противостоящих политических сил. Конституцию 1793 г. можно считать самой демократической из буржуазных конституций XVIII–XIX вв. Она была отражением политико-правовых идей Ж.Ж. Руссо, которыми так увлекались якобинцы.

Из наиболее важных личных, политических и социально-экономических прав, предоставленных Конституцией 1793 г., можно выделить гарантии государственного социального обеспе-

[1] Документы истории Великой французской революции: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А.В. Адо. М., 1990.

чения, всеобщего образования, неограниченную свободу печати, право объединения в народные общества, право петиций и ряд других прав человека. Следует выделить также ст. 7 Декларации 1793 г., которая закрепила право французов выражать свои мысли и свои мнения как посредством печати, так и любым иным способом, право собираться вместе, соблюдая спокойствие, и право на свободное отправление религиозных обрядов.

Особое внимание в якобинской Декларации было уделено гарантиям от деспотизма и произвола со стороны государственных властей. Согласно ст. 9 «закон должен охранять общественную и индивидуальную свободу против угнетения со стороны правящих». Всякое лицо, против которого совершался незаконный, т. е. произвольный и тиранический акт, имело право оказывать сопротивление силой.

Сопротивление угнетению закреплялось и понималось в Декларации как следствие закрепления всех иных перечисленных в ней прав человека и гражданина. Своеобразной гарантией такого сопротивления была формулировка ст. 35 Декларации о том, что в случаях нарушения правительством права народа «восстание для народа и для каждой его части есть его священное право и неотложнейшая обязанность». Употребление категории «народ» в якобинской Декларации не было случайным: так революционеры реализовали идею о народном суверенитете Ж.Ж. Руссо в главном конституционном акте страны, оставив предыдущую практику использования категории «национальный суверенитет», провозглашенную в Декларации 1789 г.

Таким образом, ключевыми свободами и правами, закрепленными Конституцией 1793 г., во Франции становятся провозглашенные якобинцами: свобода вероисповедания, печати; свобода личности; право свободного представления петиций; право законодательной инициативы; комплекс социальных прав (право на помощь в случае нетрудоспособности, право на образование), а также главное политическое право – на сопротивление угнетению.

Однако в реальности этот документ реализован не был. Революционный романтизм не позволил учесть многих явлений, препятствовавших воплощению столь радикальных демократических намерений. И прежде всего это касается роялистов, стремившихся к реставрации монархии, и жирондистов, стремившихся к восста-

новлению своего влияния на ход развития французского общества. Сопротивление оппозиции якобинцам было столь серьезное, что они сочли целесообразным отсрочить введение своей конституции в действие и взять на вооружение чрезвычайные методы управления государством.

В декабре 1793 г. Конвентом был принят декрет «О революционном порядке управления». Провозгласив себя «единственным центром управления», Конвент делегировал полномочия по текущему руководству страной Комитету общественного спасения. Важная роль отводилась также Комитету общественной безопасности, обладавшему правом расследования контрреволюционной деятельности, ареста и предания суду «врагов революции». Этот орган, нередко злоупотреблявший своей властью, стал позже организационно-управленческим стрежнем якобинской диктатуры. На местах действовали революционные комитеты, которые имели непосредственную связь с Комитетом общественной безопасности, передавая ему списки подозреваемых лиц – «сторонников тирании» и «врагов революции».

Помимо Конституции, ключевое значение в период якобинской диктатуры имели также и следующие принятые декреты.

1. Декрет от 7 сентября 1793 г., в соответствии с которым ни один француз не может пользоваться феодальными правами в какой бы то ни было области под страхом лишения всех прав гражданства.

2. Декрет 4 февраля – 11 апреля 1794 г. о ликвидации рабства негров в колониях, по нормам которого все жители колоний без различия являются французскими гражданами и пользуются всеми правами, установленными Конституцией.

3. Ряд декретов конца февраля 1794 г., которые принимались под определенным влиянием левых, нормы которого закрепляли правила о бесплатном разделе имущества «подозрительных» (врагов революции) между неимущими («вантозские декреты»). Поддержание этих декретов якобинцами объясняется тем, что они рассчитывали с помощью раздела получить дополнительное количество собственников из неимущих и расширить таким способом число своих сторонников. Однако указанные документы не были реализованы в ходе революционной борьбы,

поскольку встретили крайне враждебное отношение со стороны многих членов правительственных структур и Конвента.

4. Декрет Конвента о введении Французского республиканского (революционного) календаря от 5 октября 1793 г. (будет отменен Наполеоном 1 января 1806 г.). Этот календарь имел символический характер: разработанный комиссией под руководством Жильбера Ромма, он знаменовал разрыв с христианскими традициями и переход к «естественной религии», основой которой является природа. Осенними месяцами объявлялись вандемье (месяц сбора винограда), брюмер (месяц туманов) и фример (месяц заморозков), зимними – нивоз (месяц снега), плювиоз (месяц дождя) и вантоз (месяц ветра), весенними – жерминаль (месяц прорастания), флореаль (месяц цветения), прериаль (месяц лугов), летними – мессидор (месяц жатвы), термидор (месяц жары) и фрюктидор (месяц плодов).

Постепенно якобинцы, тесно связанные с городскими низами, стали неоднократно отступать от провозглашенных ими же принципов свободы торговли и принципа неприкосновенности частной собственности. Официальной формулировкой в этом случае являлось упоминание о сложившихся чрезвычайных обстоятельствах, требование преодолеть многочисленные продовольственные трудности, остановить рост цен и т. п. В развитие этого в июле 1793 г. Конвент вводит смертную казнь за спекуляцию предметами первой необходимости, а в сентябре 1793 г. декрет о максимуме цен установил твердые цены на все виды продовольствия.

Еще одним средством укрепления своей власти и своего влияния лидер якобинцев Робеспьер избрал новую «гражданскую религию», ранее проповедуемую левыми политическими силами. Поскольку в продолжение 1793 г. якобинцы столкнулись с обострившейся борьбой с католической церковью, революционеры начинают реализацию политики дехристианизации. Повсеместно священников заставляли отказываться от сана, церкви подлежали закрытию, множество священников было замучено и убито в ходе провокаций в парижских тюрьмах. Наконец, в ноябре 1793 г. коммуна Парижа запретила католическое богослужение.

Активную позицию в этом противостоянии занял Робеспьер, который категорически отвергал католицизм, хотя при этом он не

был и сторонником чистого атеизма, поскольку придерживался культа Верховного существа природы. Наполняя в духе Просвещения религию морально-этическим содержанием[1], Робеспьер стремился объединить все революционные элементы Франции вокруг Верховного существа, поэтому настоял на принятии Конвентом Декрета о культе Верховного существа 7 мая 1794 г. Им провозглашалось, что «французский народ признает существование Верховного существа и бессмертие души», однако ни основная часть народных масс, ни представители буржуазии не поддержали этот документ, не сочувствовали новому культу, признавали его искусственным и недолговечным.

В период якобинской диктатуры вводились также *революционные трибуналы*, где судьи, присяжные и обвинители назначались Конвентом. Суд был упрощенный, с односторонним уклоном и отличался жестокостью выносимых решений. Только за один год (с середины 1793 г.) было вынесено 2 607 смертных приговоров.

В июле 1793 г. Конвентом был обновлен состав Комитета общественного спасения: прекрасный оратор и революционер Дантон, который до этого играл в Комитете руководящую роль, был отстранен. Возможно, причиной послужили его все более явные примиренческие настроения по отношению к жирондистам (Робеспьер это категорически отвергал).

В составе Комитета общественного спасения в разное время работали, помимо непримиримого и агрессивно настроенного Робеспьера, энергичные революционеры Сен-Жюст и Кутон. Выдающимся организаторским талантом отличался и избранный в Комитет крупный математик и инженер Карно, сыгравший весомую роль в создании вооруженных сил республики. Фактическим руководителем Комитета общественного спасения был Робеспьер, воспитанный на идеях Ж.Ж. Руссо, а потому имевший проницательный ум и твердую волю. Робеспьер никогда не уступал в революционной борьбе, был неустрашимым в борьбе с врагами революции. Указанные качества и умение аргументированно убеждать в своей правоте ближайших сторонников позволили

[1] Максаков В.В. Робеспьер и церковь: заметки к теме // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2016. № 18. С. 88.

ему завоевать огромное влияние и авторитет, фактически превратиться в вождя революционного правительства. Именно благодаря Робеспьеру Комитет общественного спасения, де-юре подотчетный Конвенту, де-факто превратился в главный орган якобинской диктатуры, которому подчинялись армия и все ключевые государственные учреждения. Именно Комитет общественного спасения руководил внутренней и внешней политикой революционной Франции.

По мере укрепления якобинской диктатуры Конвент и Комитет общественного спасения осуществляли власть в первую очередь с помощью комиссаров из числа депутатов Конвента. Они обладали весьма широкими полномочиями и нередко направлялись на места для подавления контрреволюционных проявлений и проведения в жизнь требований революционного правительства. Немаловажная функция комиссаров Конвента реализовывалась ими в армии, куда они также назначались Конвентом и проводили серьезную работу по организации снабжения войск продовольствием, боеприпасами и кадрами, руководили агитацией, следили за деятельностью командного состава, жестко и зачастую крайне жестоко расправлялись с изменниками.

Еще одним важнейшим органом революции был реорганизованный при якобинцах Комитет общественной безопасности, главной функцией которого провозглашалась борьба с внутренней контрреволюцией.

После принятия Декрета о подозрительных 17 сентября 1793 г. роль Комитета общественной безопасности серьезно возрастает, поскольку им принимаются нормы, предписывающие считать подозрительным каждого, кто был известен приверженностью старому порядку, кто находился в родстве с дворянами-эмигрантами или состоял у них на службе, и всех тех, кто не мог доказать, на какие средства он существует. Естественно, что в революционное время таких лиц предписывалось арестовывать и судить.

В системе революционно-демократической якобинской диктатуры большую роль и значение имели местные революционные комитеты, следившие за выполнением решений Комитета общественного спасения. Местные комитеты занимались организацией борьбы с контрреволюционными проявлениями, содействова-

ли комиссарам Конвента в осуществлении ими своих революционных полномочий.

Идейно-политическую основу в период революционно-демократической диктатуры играл Якобинский клуб, имевший разветвленную сеть отделений (это были народные общества и провинциальные клубы); также в политической организации революционного общества авторитетом пользовались Парижская коммуна и комитеты секций Парижа.

Революция во Франции в период расцвета якобинской диктатуры достигла того этапа, когда неизбежно и объективно (подчиняясь законам революции) начинается раскол внутри ранее близких по взглядам сторонников. Наиболее острым и неразрешимым противоречием зачастую оказывался вопрос о продолжении или прекращении (смягчении) революционного террора. Наиболее драматично разворачивались события вокруг личности Дантона, который внес весомый вклад в развитие революционного террора, выступал за создание Революционного трибунала. Будучи великолепным оратором, Дантон в оправдание создания этого органа заявлял: «Будем страшными, чтобы избавить народ от необходимости быть страшным. Организуем трибунал не как благо – это невозможно – но как наименьшее возможное зло. Поэтому я требую, чтобы революционный трибунал был организован немедленно, чтобы исполнительная власть в своей новой организационной форме получила необходимые ей для решительных и энергичных действий средства. Я не требую никаких мер, которые могли бы способствовать дезорганизации, я предлагаю только средства, могущие усовершенствовать наш аппарат»[1].

Однако позже Дантон и его соратники по правому крылу поменяли свою позицию в отношении террора и массовых казней, чем встали в оппозицию к Робеспьеру. В итоге после ареста и предания Революционному трибуналу Дантона, Демулена, Ф. Фабра, К. Базира, Ф. Шабо (на суде они были лишены права слова и возможности защищаться) 5 апреля 1794 г. все они были гильотинированы.

Расправившись с врагами, Робеспьер сосредоточил в своих руках максимум власти, продолжая практику массовых репрессий

[1] Дантон Ж.Ж. Избранные речи / ред. и прим. Н.С. Гольдина. Харьков, 1924. С. 25.

(гильотина работала ежедневно, тела гильотинированных граждан не успевали хоронить и они лежали на улицах Парижа). Вместе с тем постоянный страх и массово фабрикуемые судебные процессы порождали массовый страх, вели к изоляции Робеспьера и его ближайших сподвижников в Конвенте: Кутона, Сен-Жюста, Леба. К тому же со временем ограничения гражданских и политических прав и свобод постепенно вызывали недовольство бывших сторонников якобинцев. Об уровне террора можно судить лишь по таким цифрам: в период с 20 июня по 27 июля 1794 г. по приказу Робеспьера были казнены 1 366 человек. Атмосфера страха и доносы стали привычной социальной практикой. Левые, правые и «*болото*» Конвента объединились для борьбы с тиранией Робеспьера. К началу лета 1794 г. члены Комитета общественного спасения потеряли былое единство во взглядах и в первую очередь опасались своей собственной казни. Против своеобразного триумвирата в лице Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона открыто заявляли Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа, Карно, Барер и некоторые другие. Пользуясь поддержкой других членов Комитета общественной безопасности, они открыто заявили о несогласии с продолжением политики террора и организовали свержение Робеспьера, Кутона и Сен-Жюста, которые были казнены без суда и следствия 28 июля 1794 г.

Эти события получили известность как государственный переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.) и положили конец якобинской диктатуре. По утверждениям некоторых современников, изначально организаторы заговора против Робеспьера не собирались изменять или полностью отказываться от системы революционного порядка управления, однако «логика событий термидорианского периода сделала такой шаг необходимым»[1].

Термидорианский переворот знаменовал начало постепенного угасания революции, чему способствовали некоторые изменения в структуре революционной власти. Так, Комитет общественного спасения коренным образом реформирован в сторону уменьшения своих полномочий: в его ведении оставались лишь дипломатические сношения и военные операции. Чтобы не допу-

[1] Талалян Е.Д. Переворот 9 термидора глазами члена Комитета общественного спасения // Европа. 2005. № 5. С. 78.

стить повторения концентрации власти в одних руках и установления тирании в работе Конвента, практиковалась процедура ротации, когда ежемесячно обновлялась четверть его состава. Членам Комитета запрещалось избираться в члены какого-либо иного комитета либо самого Конвента ранее чем через месяц после выхода из него. С роспуском Конвента (октябрь 1795 г.) Комитет общественного спасения прекратил свою деятельность.

Переворот 9 термидора получил неоднозначную оценку в научной литературе. Встречаются как негативные мнения, когда это событие воспринимается как роковое, полностью изменившее ход революции, пресекшее ее, уничтожившее едва ли не все завоевания предыдущего периода[1], положившее начало контрреволюции[2]. Иные оценки более позитивны: это обусловленное логикой развития революции событие, один из ее этапов[3]. Так или иначе, но это событие необходимо анализировать в контексте общей логики развития революционных событий.

Поражение якобинцев в политической борьбе автоматически минимизировало участие народных масс в дальнейшем развитии событий, в политической борьбе. Усиление реакции во Франции сопровождалось так называемым «белым террором», который фактически стал сведением старых счетов между бывшими соратниками. При этом новый вид террора отличался от террора якобинцев Робеспьера: в качестве характерных его признаков можно выделить отсутствие трибуналов, отсутствие специальных законов, которые бы легализовали насилие, иной масштаб репрессий и убийств оппозиционеров. Французы постепенно начинали требовать стабильности и консолидации всех политических сил, которые в свое время смогли объединившись ликвидировать королевскую абсолютную власть.

В результате этих тенденций произошел *военный переворот 18 брюмера* (9–10 ноября 1799 г.), в ходе которого была установлена диктатура Наполеона Бонапарта: 9 ноября 1799 г. генерал Бонапарт разогнал Директорию и установил фактически

---

[1] Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С. 607.

[2] Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1814. СПб., 1996. С. 415; Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 196–197.

[3] Furet F., Richet D. La Revolution Francaise. P., 1966. P. 127.

собственную власть. При этом республиканские институты внешне сохранялись. Назначение в 1802 г. Наполеона пожизненным консулом имело своим последствием упразднение республики во Франции и провозглашение Наполеона императором в 1804 г.

3.4. Восстановление монархии

Восстановление монархии во Франции у современников не вызвало особых потрясений и особого удивления. Во французском обществе говорили о том, что никогда новая власть не устанавливалась с большею легкостью и не встречала менее препятствий. Причиной тому была усталость французов от режима Директории. Поэтому переворот 18 брюмера был встречен без особенного волнения: участники событий выжидали лишь дальнейшего развития событий[1]. Справедливо считать, что отношение общества к перевороту можно оценивать в диапазоне от нейтрального до умеренно положительного с элементом недоверия и с надеждой на большую стабильность, на мир и отказ от крайностей[2]. Тем не менее высказывались и более положительные оценки. Например, по словам Ф. Минье, «18 брюмера приобрело громадную популярность… Все, начиная с партии Сьейеса и кончая роялистами 1788 г., радовались 18 брюмера и рассчитывали на будущие политические выгоды от этого переворота»[3].

С приходом к власти правых термидорианцев (Баррас, Тальен, Фуше) интересы национальной буржуазии были представлены на высшем уровне. 22 августа 1795 г. (5 фрюктидора III г. – согласно революционному летоисчислению) термидорианский Конвент принял новую Конституцию, в соответствии с которой исполнительная власть вверялась *Директории* из пяти человек, избираемых

---

[1] Казачанская Е.А., Конопий А.С. Переворот 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года) и переход к режиму единоличной власти Бонапарта // Философия права. 2019. № 4 (91). С. 168.

[2] Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Происхождение брюмерского консульства. Конституция III-го года. СПб., 1905. Ч. I. С. 419.

[3] Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. URL: https://royallib.com/read/mine_fransua/istoriya_frantsuzskoy_revolyutsii_s_1789_po_1814_gg.html# 1659593 (дата обращения: 24.02.2021).

законодательным корпусом. Ежегодно Директория должна была обновляться на одного члена, а председательствовали в ней члены Директории поочередно по три месяца (этот институт имеет аналог с консулами в Древнеримском государстве).

Законодательный корпус состоял из *Совета старейшин* (250 членов не моложе 40 лет) и *Совета пятисот* (не моложе 30 лет). Законодательный корпус избирался всенародно, однако избирательное право было ограничено восстановленным имущественным цензом.

В целом политика и действия Директории были весьма непоследовательны, противоречивы, явно отсутствовала определенная стратегическая линия.

В 1799 г. (18 брюмера) произошел военный переворот под руководством генерала Наполеона Бонапарта. В новой Конституции этого же года исчезли многие права и свободы, провозглашенные в прежних конституциях. Тем не менее основные демократические институты сохранялись и даже совершенствовались (например, более демократичным стало избирательное право). Кроме того, следует отметить не только преемственность в идеях (сохраненных принципах осуществления власти), но и преемственность в лицах: Наполеон Бонапарт, изменив систему управления, сохранил многих старых управленцев («со старым штатом служащих он создал новое правительство»[1]).

Исполнительная власть вверялась *трем консулам*. Однако первый консул – Наполеон – фактически сосредоточил всю власть в своих руках.

Законодательная власть усложнилась. Сначала по инициативе правительства законопроекты составлялись и обсуждались в Государственном совете, после чего их обсуждал Трибунал, который направлял законопроекты в Законодательный корпус. Последний не мог обсуждать законопроекты и вносить поправки, а обязан был либо принять, либо отвергнуть документ. Принятый закон мог быть направлен первым консулом в Охранительный комитет, который проверял его на соответствие Конституции. Судей назначал (без права смещения) первый консул.

[1] Вандаль А. Указ. соч. С. 557.

В 1802 г. Бонапарт был объявлен (на основе плебисцита) *пожизненным консулом*, а согласно Органическому сенатус-консульту ему был присвоен титул *Императора* Наполеона I (с правом назначения себе преемника).

Сложилось довольно уникальное государственное устройство, когда согласно основному закону Франции, с одной стороны «управление республикой вверяется императору», а с другой – «императорский сан передается по наследству по нисходящей линии кровному и законному потомству Наполеона Бонапарта по мужской линии и в порядке первородства с постоянным исключением женщин и их потомства».

С одной стороны, Франция оставалась республикой (выборность законодательного органа, разделение властей), а с другой – монархией (институт императорства). В связи с этим ее в данный период называют и республикой, и империей. И все же Франция была больше империей, что подтверждается, в частности, включением католической церкви в государственный аппарат (при этом священники присягали на верность императору), а также формированием жестко централизованного и мощного полицейского аппарата.

Власть военного аппарата под руководством Наполеона Бонапарта значительно ослабла после его известных поражений, и прежде всего в войне с Россией. Французское общество, уставшее от бесконечных войн и нестабильности внутреннего положения, востребовало изменений в государственности. И таким образом во Франции была реставрирована королевская власть (в лице наследников династии Бурбонов). Формально это произошло с принятием Хартии 1814 г. Первая республика пала.

Согласно Хартии исполнительная власть в стране вновь сосредоточивалась у короля, который наделялся, как глава государства, огромными полномочиями (главнокомандующий вооруженными силами, право объявлять войну или мир и др.) и объявлялся «неприкосновенной и священной особой».

Законодательная власть осуществлялась совместно королем, Палатой пэров (назначались королем) и Палатой депутатов (избирались населением сроком на 5 лет, причем избирательное право существенно ограничивалось как по возрасту, так и имущественному цензу). Законодательная инициатива также принад-

лежала королю. Палаты лишь обсуждали их и выносили свои заключения. Предусматривалась реставрация дворянских титулов и формирование «новой» аристократии (многие представители «старой» аристократии были уничтожены во время революционных событий). Вместе с тем провозглашались равенство всех перед законом, свобода слова и печати, запрет преследования за прошлую политическую деятельность. Собственность, обретенная на законных основаниях, объявлялась неприкосновенной. Практически прежней оставалась судебная система.

Таким образом, возвращение Франции к чисто монархической форме правления происходило уже с учетом достигнутых в конце XVIII столетия демократических завоеваний. Согласно Хартии 1830 г. под давлением оппозиции были сняты некоторые ограничения в избирательном праве, наложен запрет на цензуру.

Тем не менее монархическая власть все сильнее входила в противоречие с капиталистическими отношениями, в рамки которых неизбираемая реальная исполнительная власть уже никак не вписывалась.

Подводя итоги рассмотрению сущности и основных этапов Великой французской революции, сформулируем ключевые тезисы. Так, во-первых, эта революция не только установила буржуазный государственный строй во Франции, но и способствовала триумфальному шествию буржуазных начал общественного устройства во всем мире. Являясь ключевым событием всего XVIII столетия, революция во Франции оказала воздействие на экономическое развитие во всей Европе, на становление нового политико-правового сознания и мышления. Французская буржуазная революция стала в будущем образцом и моделью для свершения иных революций. Как известно, большевики в России во главе с В.И. Лениным тщательнейшим образом изучили французский революционный опыт и сумели эффективно его использовать при подготовке к социалистической революции в 1917 г. Все реформы якобинцев были реализованы в революционной России, при этом главных ошибок большевикам удалось избежать, свидетельством этому является победа в революции и установление советского государства и права. Во-вторых, идеи суверенитета народа, равенства граждан перед законом, выборности органов управления, нашедшие отражение в Декларации прав человека и гражданина,

в Конституциях 1791 и 1793 гг. и легшие в основу государственного строя Первой республики, и сегодня являются ценнейшим наследием революционной Франции. Большинство современных международных договоров, ратифицированных практически всеми государствами мира, закрепляют ценности, достигнутые в ходе Французской буржуазной революции.

Наконец, в ходе развития революции во Франции можно увидеть, как неблагоприятные внутренние и внешние условия приводят к неизбежной консолидации общества под властью централизованного, авторитарного политического режима. Во Франции таковым стал режим Наполеона Бонапарта, ограничившего многие демократические процедуры, но остававшегося в целом на основополагающих началах буржуазного государственного строя.

3.5. Государственный строй Второй и Третьей республик во Франции

В первой половине XIX в. в Европе вследствие неурожая происходит сокращение производства, развивается финансовый кризис, следствием чего становится повсеместный голод, коснувшийся в полной мере и Франции. Резкое ухудшение положения французских трудящихся привело в 1848 г. к *очередной буржуазно-демократической революции*, поддержанной рабочим классом. К власти пришло Временное правительство, которое вновь провозгласило Францию республикой теперь уже во второй раз.

Согласно *Конституции* 1848 г. исполнительную власть возглавлял *президент республики*, избираемый непосредственно населением сроком на 4 года. Законодательная власть сосредоточивалась в *Национальном собрании*, избираемым также населением сроком на 3 года на основе прямого всеобщего избирательного права (без какого-либо имущественного ценза с 21-летнего возраста). В нормах Конституции можно видеть отражение системы сдержек и противовесов. Так, президент наделялся правом представлять через министров законопроекты в Национальное собрание, при этом именно президент как представитель исполнительной

власти следил и обеспечивал выполнение законов. Располагая военной силой, он лишался права командовать ею лично. Из ограничений в полномочиях президента выделим также запрет на уступку какой-либо части территории, запрет на роспуск Национального собрания, невозможность ограничивать влияние Конституции и законов.

Предусматривалось также учреждение *Государственного совета*, который назначался Национальным собранием сроком на 6 лет. Председателем Государственного совета являлся вице-президент республики. Компетенция Государственного совета ограничивалась предварительным рассмотрением законопроектов, инициируемых как правительством, так и самим Национальным собранием.

Судьи назначались президентом. Предусматривался суд присяжных.

В целом в Конституции уже в более умеренных тонах говорилось о естественных и неотъемлемых правах французских граждан. Стиль революционного романтизма уступил место деловому стилю, присущему для такого рода документов. С этого периода развития французского государства берет начало институт президентства, что позволяет называть его президентской республикой.

Однако первые же президентские выборы показали, что позиции республиканцев во Франции еще были слабыми. Ставший первым президентом страны Луи Бонапарт взял курс на установление личной власти. Сначала в Конституции 1852 г. было юридически оформлено сосредоточение в руках президента огромной власти, а затем сенатус-консультом того же года Луи Бонапарт был провозглашен императором Наполеоном III, что, по существу, означало падение Второй республики.

Вместе с тем в этот период император уже объективно не мог препятствовать дальнейшему развитию буржуазных экономических отношений, и прежде всего в сфере предпринимательства.

В начале 60-х гг. XIX в. в монархической Франции, где избирался только Законодательный корпус, были проведены некоторые либеральные изменения, которые, однако, не изменили существа государственного строя.

Между тем военно-политический авантюризм Наполеона III привел в 1870 г. к позорной капитуляции Франции в войне с Пруссией, и, как нередко бывает в подобных случаях, империя рухнула. Этому способствовал также низкий уровень жизни трудящихся, безработица, ограничения многих политических свобод. Революционный взрыв был неизбежен.

4 сентября 1870 г. восставшие республиканцы вынудили Законодательный корпус объявить о низложении империи и объявлении Франции республикой в третий раз. Было сформировано правительство «национальной обороны» во главе с военным губернатором Трошю, которое, однако, не спешило защищать всеми силами национальные интересы. И тогда на защиту Парижа выступили рабочие, мелкие буржуа, интеллигенция. Была сформирована Национальная гвардия. Власть в Париже перешла к *Совету Парижской коммуны*, избранному на основе всеобщего избирательного права. Впервые власть оказалась в органе, где большинство было у представителей низкого сословия – рабочих и служащих. Вместе с тем в Парижской коммуне отсутствовал принцип разделения законодательной и исполнительной власти, что на практике приводило к серьезным злоупотреблениям властными полномочиями. В «Декларации к французскому народу» (19 апреля 1871 г.) провозглашалась цель Коммуны – укрепление республики. Знаменитая *Парижская коммуна* просуществовала всего 72 дня. С правовой точки зрения она представляла собой мятеж против законно существующей власти в стране. Этот мятеж был подавлен правительственными войсками.

В результате гражданской войны она потерпела поражение, не найдя достаточной поддержки вне Парижа. Многие коммунары подверглись репрессиям. Так, драматически начался во Франции этап Третьей республики. 31 августа 1871 г. Национальное собрание, объявив себя Учредительным собранием, наделило Тьера президентскими полномочиями. В 1875 г. был принят ряд важных конституционных законов. Исполнительная власть сосредоточивалась у президента, который избирался Национальным собранием сроком на 7 лет. В числе традиционных для Франции широких полномочий президент мог досрочно распускать палату депутатов, а также назначать председателя Совета министров, ответственного перед парламентом.

Законодательная власть осуществлялась двумя собраниями: палатой депутатов (избиралась на 4 года на основе всеобщего прямого голосования) и Сенатом (состоял из 75 пожизненных сенаторов, избираемых национальным собранием, и 225 членов, избираемых департаментами на 9 лет). Совместные заседания (Национальное собрание) созывались лишь для избрания президента и пересмотра Конституции. В Конституции особо подчеркивалось, что республиканская форма правления не может быть предметом предложения о пересмотре (поправка 1884 г.).

Местные органы исполнительной власти назначались из центра.

Третья республика прекратила свое существование в 1940 г. в результате фашистской оккупации. Четвертая республика берет отсчет с 1946 г. Она просуществовала до 1958 г., когда разразился сильнейший политический кризис. С этого же года начался и продолжается до сих пор этап Пятой республики.

В период Нового времени (этап Третьей республики) Франция была крупнейшей колониальной державой – под ее контролем находились огромные территории, и прежде всего в Африке и Индокитае. Ряд колоний (Гвиана, Алжир, Сенегал и др.) рассматривались как часть французского государства с соответствующими органами управления, включая выборность членов французского парламента. Однако большинство колоний управлялись посредством институтов губернаторства и генерал-губернаторства, а также протектората.

Развитие Франции, как это было показано выше, демонстрирует в целом поступательное движение к закреплению демократических ценностей, хотя на этом пути и встречались отступления в стороны монархической власти. Можно отметить и такую закономерность в процессе становления буржуазного государства во Франции, в соответствии с которой эволюция государственных буржуазных институтов происходила чрезвычайно противоречиво и непоследовательно, о чем свидетельствуют неоднократные замены республиканской формы правления монархической и издание большого количества конституций.

Наконец, в именно в революционный период идея общества как свободного единения равных людей, с едиными социокультурными ценностями, культурой, языком и исторической судьбой получает свое реальное воплощение, становясь основой структу-

рирования образа страны, народа существующего в исторической деятельности[1]. Символ новой Франции появился исходя из понятий «республика» и «отечество».

Справедливо отмечается, что французская революция положила начало наиболее глубокому в истории человечества социальному перевороту, когда на смену традиционному обществу приходит индустриальное, секулярное и руководимое городскими политическими силами общество, в рамках которого зарождается и развивается республиканская государственность и гражданское общество. Возникает форма коллективности с сознанием социально-исторической субъектности, носителем которой являются естественно-исторически возникшие и существующие этнические общности, получившие определение в понятии «нация»[2].

Следствием этого становится и развитие национального права, противоположного праву местному (локальному), о чем будет идти речь в следующем параграфе.

3.6. Развитие права. Кодификация Наполеона

Традиционно в истории государства и права зарубежных стран отмечается тот факт, что во французском праве с начала самостоятельного развития Франции (после падения Франкского государства) не было определено какой-либо концептуальной основы, как этого произошло, например, в Англии. Не отличалось средневековое право Франции и какими-либо крупными и известными законодательными актами.

Право во Франции накануне революции состояло из права кутюмов, действовавших преимущественно на севере Франции, и из норм писаного права (юг Франции), основанного на нормах римского права[3]. Среди этих норм, естественно, существовала некая несогласованность, поскольку, к примеру, во Франции действовало не менее 60 общих кутюмов, которые зачастую дублировали друг друга, а также порядка 300 местных кутюмов[4].

---

[1] Кучукова Ж.М. Указ. соч. С. 32.

[2] Там же. С. 34.

[3] Клевченкова М.Н. Истоки МЧП Франции (к 200-летию Кодекса Наполеона 1804 г.) // Журнал российского права. 2005. № 2 (98). С. 144.

[4] Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. М., 2000. С. 122.

В период Нового времени право Франции получает в своем развитии сильнейший импульс. Это касается всех основных отраслей права и связывается прежде всего с систематизацией (кодификацией) права, достигшей даже по нынешним меркам высокого уровня совершенства. Наиболее интенсивно этот процесс происходил в период правления Наполеона Бонапарта, когда были созданы Гражданский, Торговый, Уголовный, Гражданско-процессуальный, Уголовно-процессуальный кодексы. Французский законодатель при этом активно использовал римское правовое наследие.

В государственно-правовой сфере было издано большое число нормативных актов, включая конституции, о которых говорилось выше, декларации и др. По содержанию и степени регламентации организации государственной власти и управления французское государственное право Нового времени во многом сходно с американским государственным правом.

Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) был создан в 1804 г. После захвата власти в 1799 г. и введения Конституции Консульства Наполеон Бонапарт активно включился в работу по созданию кодифицированного акта гражданского законодательства. В его разработке приняли участие такие известные французские юристы, как Протали, Тронше, Биго де Преамене и др. В обсуждении некоторых норм Гражданского кодекса принимал участие и сам Наполеон Бонапарт. Считается, что он лично присутствовал и принимал участие в обсуждении проекта кодекса на 57 из всех 102 заседаниях Государственного совета. Наполеон, в частности, отстаивал идею сильной патриархальной семьи. Уже будучи в ссылке на острове св. Елены, Наполеон признается, что настоящей своей славой считает не победу в 40 сражениях, а созданный им Гражданский кодекс, который будет жить вечно.

Для этого и других кодексов характерны четкость формулировок, ясность в изложении основных гражданско-правовых институтов.

Качество этого документа доказывается тем, что он оказался удивительно жизнеспособным: из 2281 статей – 1200 никогда не подвергались юридической корректировке[1]. Справедливым явля-

[1] Просандеева Н.В. Кодекс Наполеона: истоки жизненной силы // Право и образование. 2008. № 8. С. 110.

ется и утверждение о том, что, хотя со времен Наполеона во Франции многое изменилось и это потребовало принятия 400 законов с целью адаптировать Гражданский кодекс к новым реалиям, число статей увеличилось лишь на две – с 2281 до 2283. Он явился прочной основой не только французского законодательства, регламентируя гражданскую жизнь французов, начиная с момента рождения и заканчивая смертью, но и послужил образцом для гражданских законов более 70 стран Старого и Нового Света, включая законодательства штата Луизиана в США и провинции Квебек в Канаде[1]. Кодекс состоит из трех книг по аналогии с римскими институциями.

Первая книга – «О лицах». Здесь достаточно последовательно в развитие конституционных положений проводится принцип равенства субъектов гражданско-правовых отношений. Понятие юридического лица отсутствует. В этой же книге подробно излагаются брачно-семейные нормы. Указывается, в частности, что брак не может заключаться, если нет на то обоюдного согласия, а при согласии супруги должны взять обязательства по взаимной верности, помощи, поддержке. Вместе с тем мужчина занимает в семье главенствующее положение.

В качестве собственников в кодексе закреплялись частные лица, государство, коммуна либо коммуны. В качестве основного принципа законодатель использовал принцип сплошного перечисления лиц, владеющих имуществом – вещами[2].

Вторая книга – «Об имуществах и различных видоизменениях собственности». Здесь весьма подробно регулируются вопросы, связанные с правом собственности. Многие нормы повторяют (в некоторых случаях едва ли не дословно) положения древнеримского частного права.

Главное место среди вещных прав составители кодекса отводили праву собственности. Немаловажное значение в этом сыграли экономические причины, вызвавшие революцию, а именно ущемление интересов собственников, игнорирование правительством короля проблем крестьянства и мелких землевладельцев. Поскольку обладание собственностью было затруд-

[1] Там же.

[2] Рыжик А.В., Чурилов С.Н. Классификация вещей по Гражданскому кодексу Франции (Кодексу Наполеона 1804 г.) // Человеческий капитал. 2012. № 3 (39). С. 38.

нено разными полицейско-административными ограничениями (монополиями, цехами), недвижимость испытывала разорительные и противохозяйственные феодальные ограничения[1]. И именно Великая французская революция выдвинула концепцию собственности, основанную на принципе свободы как неотъемлемого, естественного права человека, что является несомненным ее достижением.

Так, все имущество делилось на движимое и недвижимое (ст. 516). Указывалось, что дороги, пути и улицы, которые содержит государство, реки и судоходные или сплавные речки, берега, морские намывы и места, оставленные морем, порты, гавани, рейды и вообще все части французской территории, которые не могут стать предметом частной собственности, рассматриваются как государственная собственность (ст. 538). К этой же категории собственности относились имущества, никем не освоенные и бесхозные, а равно имущества лиц, умерших без наследников (ст. 539), ворота, стены, рвы, оборонительные сооружения укрепленных мест и крепостей (ст. 540)[2].

В этой книге регулируются также сервитуты разных видов. Так, согласно ст. 675 «один сосед не может без согласия другого соседа проделать в общей стене окно или отверстие каким бы то ни было образом, даже если они не открываются».

В науке справедливо подчеркивается, что разработчики Гражданского кодекса Франции были пионерами среди законодателей иных государств мира, поскольку первыми использовали принцип широкой концепции недвижимых вещей[3].

Таким образом, вещное право, установленное во Франции в начале XIX в., отличалось своей совершенностью, продолжало действовать в течение длительного времени; только усложнение экономических процессов, развитие правовой культуры стали причинами введения новых норм, хотя структура кодекса в плане

---

[1] Юшкевич В.А. Наполеон Первый на поприще гражданского правоведения и законодательства // Цивилистические исследования: ежегодник гражданского права. М., 2006. Вып. 2. С. 57.

[2] Французский гражданский кодекс 1804 года: с позднейшими изменениями до 1939 г. / пер. И.С. Перетерского. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.

[3] Метельская В.В., Шевцов С.Г. Сервитуты в системе вещных прав. Краснодар, 2009. С. 19.

закрепления норм о вещном праве и основные его положения не изменились до настоящего времени[1].

Третья книга – «О различных способах, которыми приобретается собственность». Согласно ст. 711 собственность на имущество передается путем наследования, дарения, по завещанию и в силу обязательств. Кодексом, в частности, расширяется свобода завещания и дарения, хотя эта свобода не была практически абсолютной, как, например, в Англии.

Очень подробно регулируется заключение договоров. Так, согласно ст. 1101 «договор есть соглашение, посредством которого одно или несколько лиц обязываются перед другим лицом или несколькими лицами дать что-либо, сделать что-либо или не делать чего-либо». Предусматриваются различные виды договоров (о купле-продаже, залоге, комиссии, товариществе и др.). По ст. 1134 «соглашения, законно заключенные, занимают место закона для тех, кто их заключил».

Гражданский кодекс Наполеона послужил образцом для формирования гражданского права многих стран Европы и Америки.

Торговый кодекс Франции 1807 г. (от фр. *Code de Commerce de France*) не столь объемный документ, как, например, Гражданский кодекс. В Торговом кодексе регулируются лишь общие, принципиальные вопросы имущественного оборота. В частности, в ст. 1 дается определение купцов (коммерсантов) – «это лица, профессией которых является совершение сделок»[2]. В других нормах излагаются положения, касающиеся (в общем виде) коммерсантов, торговых книг, товариществ, раздела имущества, торговых бирж, международной торговли, банкротства.

Определенным диссонансом на фоне Гражданского кодекса выглядит норма Торгового кодекса о том, что жена не может заниматься торговлей без согласия мужа (ст. 4).

Этот кодекс был менее значимым, чем Гражданский кодекс, в силу своей недостаточной конкретизации. В дальнейшем закрепленные в этом кодексе институты были развиты в специаль-

[1] Какоурова Н.А. Вещное право Франции по Гражданскому кодексу Наполеона 1804 г. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 3 (66). С. 22.

[2] Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В.Н. Садиков; под ред. и с предисл. З.М. Черниловского. М., Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. 1973.

но изданных законах (например, в 1838 г. был принят закон о банкротстве).

Уголовный кодекс 1810 г. по структуре был сходен с Уголовным кодексом, принятым Учредительным собранием еще в 1791 г. Однако по содержанию он представляет, по существу, новый документ. В частности, Уголовный кодекс 1810 г. предусматривает более суровые наказания, чем его предшественник, где относительная мягкость наказаний объяснялась все тем же духом революционного романтизма, навеянного либерально-демократическими идеями.

Уголовный кодекс 1810 г. составлен на высоком уровне кодификации. Он состоит из четырех книг.

Книга первая – «О наказаниях уголовных и исправительных и об их последствиях». Здесь раскрывается содержание наказаний, которые могут быть назначены за совершение преступлений.

Наказания уголовные делятся следующим образом:

– мучительные;

– позорящие.

Наказаниями мучительными и позорящими признавались смертная казнь (отменена во Франции в 1981 г.), пожизненные каторжные работы, депортация, срочные каторжные работы, помещение в смирительный дом.

В определенных законом случаях совместно с наказанием мучительным могли назначаться клеймение и общая конфискация.

К числу позорящих наказаний кодекс относил выставление у позорного столба в ошейнике (этот вид наказания отменен Законом 1832 г.), изгнание, гражданская деградация (лишение избирательных прав и запрещение занимать должности).

К числу исправительных наказаний кодекс относил такие, как тюремное заключение на срок в исправительном заведении, временное лишение некоторых прав (политических, гражданских или семейных), а также штраф[1].

Всякому приговоренному к смерти отсекалась голова (ст. 12). Приговоренный к смертной казни за отцеубийство должен был препровождаться на место казни в рубашке, босиком, с

[1] Французский уголовный кодекс 1810 года: с изм. и доп. на 1 июня 1940 г. / пер. Н.С. Лапшиной; под ред. и со вступ. ст. М.М. Исаева. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР. 1947.

черным покрывалом на лице. Он выставлялся на эшафоте, затем пристав читал обвинительный приговор, после чего преступнику отсекалась кисть правой руки и он предавался немедленной смерти (это положение ст. 13 было отменено лишь в 1939 г.). Мужчины, приговоренные к каторжным работам, использовались на самых тяжелых работах; они должны были «влачить» на ногах пушечные ядра либо быть скованными попарно цепью, если этому не препятствовали выполняемые ими работы (ст. 15).

Срок тюремного заключения не мог быть меньше шести дней и более пяти лет, за исключением случаев рецидива.

Книга вторая – «О лицах наказуемых, освобожденных от ответственности или ответственных за преступления или проступки». Здесь выделены и определены институты соучастия, недонесения о государственных преступлениях, а также устанавлен возраст, с которого начинается уголовная ответственность (в общем случае с 16 лет, однако при определенных обстоятельствах правонарушитель мог отдаваться в исправительный дом достижения 20 лет).

Третья книга – «О преступлениях, преступниках и их наказании». Это, если использовать современную терминологию, были нормы Особенной части Уголовного кодекса. Здесь имеются разделы, главы, отделения и статьи. Нормы сформулированы четко и ясно. Например, согласно ст. 304 «умышленное убийство влечет за собой смертную казнь, если оно предшествовало другому преступлению или проступку, сопровождало их или следовало за ними. Во всяком другом случае виновный в умышленном убийстве карается пожизненными каторжными работами».

Смертная казнь полагалась за 40 составов преступлений, связанных преимущественно с деяниями против государства (а также за изнасилование, ночную кражу, незаконное лишение свободы, сопряженное с пытками, и др.).

В этой же книге разработаны и некоторые институты, которые относятся к Общей части уголовного закона. Так, согласно ст. 328 «нет ни преступления, ни проступка, если лишение жизни, нанесение ран и ударов вызвано необходимостью прибегнуть к законной обороне самого себя или других» (институт необходимой обороны). Предусмотрен институт смягчающих обстоятельств. Так, в соответствии со ст. 324 «в случае прелюбодеяния

умышленное убийство мужем жены или ее соучастника является все же извинительным, если они были застигнуты им на месте преступления в супружеском доме». А по ст. 337 жена, уличенная в прелюбодеянии, подвергается тюремному заключению на срок не менее 3 месяцев и не более 3 лет, при этом муж властен прекратить исполнение такого приговора, изъявив согласие взять жену к себе обратно.

Четвертая книга – «Полицейские нарушения и наказания». Здесь идет речь о порядке наложения административных взысканий (тюремное заключение сроком от 1 до 5 суток, штраф и конфискация предметов, на которые наложен арест).

В целом по тем временам Уголовный кодекс 1810 г. был, безусловно, наиболее совершенным уголовным законом (несмотря на отсутствие ряда институтов, например, не определялась форма вины, не упоминалась давность совершения преступления, отсутствовали сведения об ответственности в случае совокупности преступлений и др.) и оказал огромное влияние на законодательство многих стран. Так, явное заимствование норм французского уголовного закона наблюдается в Уголовном кодексе Испании 1822 г., Уголовном кодексе Бразилии 1830 г., в соответствующих кодифицированных актах Швейцарии (1853) и Бельгии (1867).

По мнению ряда исследователей, в российском Уложении о наказаниях уголовных и исправительных также предусматривается «французский след».

В Уголовно-процессуальном кодексе 1808 г. предусматривается смешанный судебный процесс по уголовным делам. Это значит, что дело возбуждалось и расследовалось государственными органами, а во время самого суда следствие уже не велось, а рассматривались лишь доводы сторон (в России до сих пор суд осуществляет так называемое судебное следствие – в дополнение и часто в дублирование предварительного следствия) на принципах гласности, публичности и состязательности.

Кодексом предусматривался суд присяжных, состоявший из 12 человек. Списки присяжных должен был составлять префект. Указывалось, что присяжные могут выбираться из числа членов избирательных коллегий, 300 крупнейших налогоплательщиков департамента, должностных лиц, назначенных императором, док-

торов факультета права и медицины и некоторых других категорий, обладающих определенным социальным положением и имущественным цензом.

В целом кодексом определялись достаточно широкие по тем временам гарантии участникам уголовного процесса.

Завершая рассмотрение права буржуазной Франции в Новое время, следует отметить, что его постепенная эволюция была обусловлена общим развитием революционных событий, внедрением в законодательный процесс и правовое поле таких демократических принципов, как равенство, свобода, гуманизм. Это нашло свое отражение в выдающихся кодифицированных актах Франции, ставших результатом достижения высокого уровня систематизации. Французы создали кодексы по основным отраслям права, где активно использовалась рецепция частного права.

Гражданский кодекс 1804 г., Уголовный кодекс 1810 г. и иные кодификационные документы Франции оказали огромное влияние на развитие всего европейского права. Правовые нормы этих французских нормативных актов блестяще закрепили равноправие субъектов правоотношений, что наиболее наглядно проявилось в процессуальном праве.

Многие нормы французского гражданского законодательства используются и в современном процессе регулирования гражданского оборота, в том числе и в Российской Федерации.

4. Государство и право Германии в Новое время

4.1. Развитие государственности Германии до XIX века

Образованная еще в середине X столетия Священная Римская империя германской нации продолжала свое юридическое существование вплоть до начала XIX в., при этом важно понимать, что де-факто единое государство Германской империи просуществовало не столь долго. Так, еще Золотая булла 1356 г. окончательно оформила феодальную раздробленность германских государств, после чего Германская империя оставалась совокупностью множества (по разным данным, до 300) автономных политических образований (как правило, монархий), которые хотя и имели единые органы управления, но они не были сильными и едиными. Последние были представлены рейхстагом, формировавшимся из представителей светских феодалов и духовной знати, армией (обычно не более 40 000 человек), имперским судом (функционировал в качестве высшей апелляционной инстанции). Таким образом, исходя из реального государственного устройства, такая империя являлась скорее конфедерацией, юридически оформленной в федерацию.

К тому же императорская власть была не способна сформировать систему центральных имперских учреждений, которые были сколько-нибудь сравнимы с административным или судебно-финансовым аппаратом английского или французского образца; в государстве не было фактически и столицы, своего казначейства, профессионального центрального суда и профессиональной канцелярии[1].

Начиная же с XVII в. определяющую роль в Германии играют такие монархии, как Австрия, Пруссия и Бавария, при этом основная борьба за главенство в процессе объединения всех германских земель разворачивалась между Пруссией и Австрией.

Указанная выше система так называемого имперского федерализма ко второй половине XVIII в. становится критерием фак-

[1] Рубаник В.Е. История государства и права зарубежных стран: учеб. для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. С. 354.

тического состояния социальной и политической сферы германских регионов, которые к тому времени переживали тяжелейший кризис, что и стало одной из основных причин распада Священной Римской империи германской нации.

Справедливо считать, что поскольку конституционная структура имперской федерации не мешала развитию капиталистических элементов и была готова встретиться с проблемами промышленной революции, то с точки зрения переходной к капитализму эпохи конец империи не был неизбежным. Основными причинами кризиса системы «имперского федерализма» стали следующие конституционно-политические, идеологические и социально-психологические процессы в германском обществе второй половины XVIII в.:

1) постконфессионализм и эпоха Просвещения, которые привели к секуляризации права и правового сознания, слому традиционной иерархической структуры империи в области идеологии, формированию новых моделей государственного устройства, основанных на принципе национального суверенитета;

2) в рамках процесса развития абсолютизма происходило разрушение традиционной иерархичности субъектов имперской федерации, выразившееся в резком возвышении одних над другими, что пришло в противоречие с основным принципом «имперского федерализма», целью которого было создание структуры привилегий, гарантировавшей право каждого субъекта в рамках этой иерархии;

3) усиление «интернационализации» имперской политики привело к разделу империи на зоны влияния под знаком австро-прусского дуализма и поставило ее в зависимость от вмешательства иностранных держав, размыв общую основу традиционной имперской структуры;

4) рост милитаризации имперских субъектов фундаментально изменил военный баланс в рамках империи и стал причиной крушения имперской системы коллективной безопасности;

5) династический кризис 1740–1745 гг. нарушил традиционный принцип «имперского федерализма», диктовавший наследование императорского титула династией, накопившей в течение многих столетий опыт верховного федерального управления;

6) негативное воздействие личностного фактора выразилось в приходе к власти императоров, отличавшихся склонностью к радикальным реформам для создания новой модели централизованного, модернизированного государства[1].

Указанные обстоятельства послужили важнейшими факторами на пути к тому, что государственно-политические структуры империи, имевшие место после Вестфальского мира 1648 г., были более не способными принимать вызовы Нового времени, не справились с модернизацией всего западноевропейского общества, перестали эволюционировать на пути к решению возникавших политических и экономических задач.

4.2. Генезис объединительных процессов в Германии

Наполеон Бонапарт с его успешными военными кампаниями в начале XIX в., а также общая военно-политическая обстановка способствовала существенным преобразованиям в территориальном и государственном устройстве Германии. В частности, некоторые германские земли по левому берегу Рейна потеряли самостоятельность и стали управляться Францией. Из более 50 вольных городов осталось лишь 6, а число государств, которые можно было считать суверенными, сократилось с 300 до 38.

В 1804 г. в силу усиления тенденции к окончательному распаду Германской империи австрийский король провозгласил Австрию империей, а себя – австрийским императором, а в 1806 г. на правах победителя Наполеон Бонапарт объявил о ликвидации Священной Римской империи германской нации.

12 июля 1806 г. представители немецких княжеств во главе с Баварией, Баденом, Вюртембергом, Гессен-Дармштадтом подписали в Париже договор об образовании Рейнского союза. 1 августа 1806 г. эти государства объявили о своем выходе из состава Священной Римской империи. Вскоре началась медиатизация участниками Рейнского союза сопредельных владений имперских

[1] Комлева Ю.Е. Государственно-политическая организация Священной Римской империи германской нации в новое время: феномен «имперского федерализма»: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 19.

рыцарей и мелких графств, в результате которого число немецких государственных образований сократилось с 200 до чуть более 40[1].

Большинство германских территорий становилось зависимыми от Франции, а сама Священная Римская империя германской нации, корона которой в течение почти четырех веков передавалась по наследству в семье Габсбургов, прекратила свое существование. Гегемония Австрии в Германии была фактически завершена, поскольку за династией Габсбургов сохранялся лишь титул императоров Австрийской империи.

Трансформация политического статуса германских государств изменилась уже после окончательного поражения армии Наполеона Бонапарта, когда в соответствии с решениями Венского конгресса 1815 г. усилиями дипломатов от Австрии, России и Пруссии был установлен новый европейский международно-правовой порядок. Все германские земли с этого момента, включая Пруссию и Австрию, были объединены в *Германский союз*.

Таким образом, по прошествии нескольких веков именно создание Германского союза в 1815 г. можно считать первым серьезным шагом, закрепившим и юридически и фактически новое политическое образование – Германское государство, хотя до создания действительно единого суверенного государство еще требовалось много времени и политических усилий, соединенных с развитием военной мощи.

Количество государств, изначально вошедших в Германский союз, составляло 38, при этом со временем это количество сокращалось. По взаимной договоренности они соглашались общими усилиями поддерживать свою внутреннюю и внешнюю безопасность. Нормы Союзного акта не предусматривали особого верховенства одной территории над другой, а также не закрепляли возможность выхода из союза: так, по ст. 5 отдельное государство не могло покинуть Германский союз по своей воле.

Конгресс Германского союза, располагавшийся во Франкфурте-на-Майне, был призван вырабатывать и принимать общие решения союзного государства. Субъекты союза наделялись не менее чем одним голосом при голосовании, а наиболее крупные

[1] Воцелка К. История Австрии. М.: Весь Мир, 2007. С. 211–223.

государства (таковых было 6) получали по 4 голоса при голосовании. Традиционной для такого государственного устройства была процедура голосования при учреждении новых союзных органов: для принятия решения требовалось исключительно единогласное решение. Что касается иных важных государственных вопросов (например, заключение договоров от имени союза, объявление войны), то единогласного голосования не требовалось, достаточно было простого большинства.

Союзный акт предусматривал возможность так называемой союзной экзекуции, когда союзный конгресс имел право принуждать государство, входящее в Германский союз, к выполнению решения. При этом отсутствие высшего общесоюзного исполнительного органа приводило к тому, что конгресс при принятии решения назначал в качестве ответственной за «экзекуцию» одну из крупных держав: на нее ложилась ответственность за полную реализацию принятого решения.

Для политического и государственного устройства германских государств – членов Германского союза – было характерным сохранение в неизменности государственного строя. Вместе с тем в ст. 13 Союзного акта высказывалась вполне определенная рекомендация о преобразовании абсолютных монархий (а именно такая форма правления преобладала в германских землях) в конституционные монархии. Как отмечает Л.П. Рассказов, этот процесс в германских государствах уже давно назрел, поскольку в большинстве европейских государств либо уже сформировались представительные (законодательные) органы власти, существенно ограничивающие власть монархов, либо были образованы республики[1]. Следует отметить также, что общая демократизация государственного строя в Германии была также вызвана влиянием Французской буржуазной революции, а также военным походом по Европе Наполеона Бонапарта. Развитию буржуазных отношений, которые следовали за ослаблением абсолютизма способствовали также внутренние социальные и экономические преобразования.

[1] Рассказов Л.П. Особенности формирования конституционного строя Германии и Франции в Новое время: сравнительно-правовой анализ // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 94. С. 917–940.

В результате в так называемый Предмартовский период (эпоха от Венского конгресса до 1848 г.) в большинстве германских земель ликвидируются остатки проявлений крепостного права, происходит упразднение дворянских привилегий, относящихся по большому счету еще к феодальным проявлениям, восстанавливается утерянное ранее городское самоуправление.

Наконец, в этот период происходит оформление конституционного политического строя в немецких государствах. Так, в числе первых конституции принимаются в Бадене и Баварии (1818), в Вюртенберге (1819), в Гессене (1820). Северные германские земли принимают свои конституции уже после 1830 г., находясь под заметным влиянием французских революционных событий (сюда можно отнести конституционные акты таких земель, как Саксония, Брауншвейг, Шлезвиг-Гольштейн и ряд других).

Процесс смягчения абсолютизма, как уже было указано ранее, сопровождался установлением конституционного политического режима, что оформлялось принятием соответствующих конституционных актов. Характерной особенностью последних можно считать их октроированный характер, поскольку монархи, учитывая сложную политическую ситуацию, были вынуждены даровать населению конституционный строй и соответствующие конституционные свободы. Иное развитие ситуации могло бы спровоцировать международную изоляцию соответствующих германских территорий, а также усиление внутригосударственной политической напряженности.

Даруя обществу конституции, монархи, естественно, оставляли в них достаточно широкие собственные полномочия. Тем не менее часть государственной власти все же переходила к представительным органам. В большинстве земель они назывались ландтагами, состоявших в основном из дворянства, городских верхов и состоятельных граждан. Во многих землях ландтаги были двухпалатными. Члены верхних палат обычно назначались монархами либо места переходили по наследству. Нижние палаты избирались населением, причем действовали ограничения избирательных прав и прежде всего по имущественному цензу.

В большинстве конституций предусматривалось также местное самоуправление. Кроме того, немаловажно отметить и тот факт, что в принимаемых конституциях закреплялись граж-

данские права и свободы, а это, в свою очередь, следует считать прогрессивным шагом в развитии германской государственности. Вместе с тем сфера политических прав и свобод (свобода собраний, право подачи петиций и др.) оказалась достаточно ограниченной. Последнее обстоятельство способствовало нарастанию общественного недовольства в германских землях.

Обострение политического кризиса в германских землях пришлось на 40-е гг. XIX в., когда созданные к тому времени национально-либеральные движения заметно активизировали свои усилия, направленные на объединение германских земель. Дополнительным толчком к либеральным изменениям стали французские события 1848 г. Кроме того, необходимо отметить, что на развитие Германии в Новое время существенное влияние (как в политико-правовом, так и в идеологическом плане) оказала Франция и разворачивавшиеся там революционные события.

Революция, случившаяся в Германии в 1848–1849 гг., именуется еще Мартовской революцией (от нем. *Märzrevolution*). Эти события были цепью тех буржуазно-демократических восстаний, которые имели место в большинстве стран центральной Европы. Стержневой проблемой был вопрос об объединении Германии.

31 марта 1848 г. во франкфуртской церкви Святого Павла был созван так называемый Предпарламент – орган, состоявший из местных депутатов, насчитывавший около 586 человек. В это же время во Франкфурте функционировал и Общегерманский конгресс, в который входили представители исполнительной ветви власти каждого из германских государств.

Одним из важнейших решений, принятых под давлением Предпарламента, стал созыв конгрессом Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права – Франкфуртского национального собрания (работало с 18 мая 1848 г. по 18 июня 1849 г.). Национальное собрание смогло сформировать всю систему исполнительной общегерманской временной власти, о которой ранее часто высказывались сторонники объединительных процессов в государстве. Так, главой исполнительной власти стал эрцгерцог Иоанн, избранный Национальным собранием. При этом важно отметить, что среди депутатов собрания больше всего было представителей умеренных и радикальных республиканцев.

Несмотря на демократические призывы, большинство немецких княжеств новое правительство не признавали. При этом

дискуссия о содержании будущей Конституции все же была начата, и основными вопросами являлись следующие:

– должна ли войти в состав объединенной Германии «германская часть Австрии» и если да, то каким образом конституционно выделить эту территорию от остальной империи Габсбургов (альтернативным решением было исключение Австрии из состава государства); после того как государственный канцлер Австрийской империи ввел в действие общую Конституцию для всей Австрийской империи, данный вопрос был закрыт;

– вопрос о форме правления: выбирать следовало между республикой, наследственной монархией и выборной монархией;

– вопрос относительно государственно-территориального устройства будущей Германии: закрепить федеративное устройство либо унитаризм и централизацию.

Вскоре события начали опережать дискуссии. 14 июня в Берлине толпа бедноты разграбила цейхгауз. Депутат Роберт Блюм был послан в Вену своими левыми политическими коллегами с целью выяснения деталей подавления там народного восстания военным путем. Р. Блюм участвовал в уличных боях, был арестован и казнен 9 ноября, вопреки своим претензиям на неприкосновенность как член Франкфуртского парламента.

Указанные дискуссионные вопросы наряду с революционной ситуацией подтверждают, что к середине XIX в. создание единого Германского государства становится первоочередной задачей в стране, а это, в свою очередь, обусловлено было широким распространением объединительных идей во всех германских землях. Важнейшими факторами таких процессов историки называют сильные исторические традиции и этническое единство немецкой нации.

Одним из важнейших этапов в процессе объединения Германии стало принятие 27 марта 1849 г. первой общегерманской Конституции, закрепившей единство германских государств под эгидой и суверенитетом империи. Понятно, что германские земли сохраняли большинство элементов своего исторического суверенитета, однако теперь ряд полномочий, связанных с вопросами войны и мира, управления армией, военного строительства, эмиссии денег, управления и организации путей сообщения,

были делегированы институтам общегерманской власти и управления.

В соответствии с нормами Конституции приоритет среди всех государственных органов отводился рейхстагу с его широкими законодательными полномочиями. Предполагалось формирование ответственного перед рейхстагом правительства (это было одним из главных изменений, если сравнивать организацию власти в предшествующий период, когда именно император формировал правительство).

Еще одним важным свидетельством эволюции Германии стало широкое закрепление в Конституции 1849 г. демократических институтов, связанных с созданием механизмов реализации прав человека. Отдельно зафиксированы были права и обязанности всего германского народа как субъекта конституционного права; ключевым и базовым принципом провозглашалось безусловное равенство граждан, широкое закрепление гражданских свобод. В числе приоритетных из них можно назвать свободу труда, наличие единого имперского гражданства, отмену гражданских ограничений в правах исходя из принадлежности к тому или иному сословию (последние отменялись).

Указанные преобразования ознаменовали второй важный этап объединительного процесса, который пришелся на середину XIX столетия и заключался, в основе своей, в создании конституционно-правовой основы для построения единого Германского государства. При этом германское общество уже было готово к реальному объединению, а не формальному, когда каждое княжество (государство) оставалось лишь юридически зависимым от империи, а фактически обладало полным суверенитетом.

Реальному объединению Германии, однако, даже несмотря на указанные позитивные шаги, помешал ряд объективных и субъективных факторов. Так, Конституция 1849 г. оказалась весьма радикальной для своего времени, а германский император не согласился возглавить единое государство. Не последнюю роль в этом процессе сыграла позиция Пруссии и Австрии, которые находились в политическом конфликте между собой, а также давление России. Ведущие монархии Европы, в том числе и российская, не были заинтересованы в появлении реально сильной и

единой Германии, которая должна была развиваться по демократическим принципам.

Можно признать, что в результате действия указанных выше факторов и сил в германских землях произошел раскол, а Национальное собрание, потерявшее многих своих депутатов, оказалось недееспособным. Попытка объединения германских земель в одно государство в середине XIX в. оказалась неудачной, а взаимоотношения германских земель между собой откатились до уровня 1815 г., т. е. времен Германского конфедеративного государства[1].

4.3. Конституция 1871 года. Отто фон Бисмарк и его политика

Очередным и окончательным этапом, ознаменовавшим собой окончательное объединение Германии, является период, связанный с именем и деятельностью известного политического деятеля *канцлера Отто фон Бисмарка* (1815–1898). Он был назначен в 1862 г. на пост министра иностранных дел председателя прусского правительства, а поскольку новый канцлер мог оказывать влияние на короля Пруссии Вильгельма I (при этом влияние, определяющее его политику и важнейшие решения), фактическим главой Пруссии по праву можно считать именно Отто фон Бисмарка. С именем канцлера Бисмарка связывается военный путь объединения Германии. Канцлер стремился объединить усилия законодательной и исполнительной власти и наладить их взаимодействие, поэтому сказал ставшую знаменитой фразу: «Германия возлагает надежды не на либерализм Пруссии, а на ее могущество… Великие вопросы эпохи решаются не речами и не постановлениями большинства, это была величайшая ошибка 1848–1849 годов, – а железом и кровью».

Бисмарк, следуя военной стратегии, начал несколько военных кампаний, в том числе главную – с Австрией и коалицией южных германских государств, результатом чего стало устранение Австрии из объединительного общегерманского процесса. Именно Пруссия стала центром вновь образованного *Северогер-*

[1] Рассказов Л.П. Указ. соч. С. 917–940.

манского союза (1866), в состав которого также вошло большинство германских земель (исключение составили лишь южные монархии). В рамках Северогерманского союза были сформированы общегосударственные институты власти и управления, основой которых стали демократические принципы. Появилась возможность говорить о реальном объединенном союзном государстве, а не о союзе государств, как немногим ранее. Прусский король стал Президентом (председателем) Союза, а Бисмарк был назначен его представителем и стал фактическим руководителем государства.

В ходе дальнейшего укрепления союзного государства, в 1867–1870 гг. развиваются и укрепляются общегерманские институты, происходит интеграция межотраслевых элементов управления. Так, ликвидируется паспортная система в различных германских государствах, устанавливаются единые стандарты мер и весов, снимаются ограничения на заключение межгосударственных браков, принимается единый торговый кодекс, унифицируется гражданский оборот на некогда разрозненных территориях теперь единого государства.

Победа над Францией в 1870 г. позволила Пруссии добиться образования Германской империи: 18 января 1871 г. в Версале было провозглашено создание имперского государства, в состав которого вошло 22 монархии и три вольных города – Гамбург, Бремен и Любек. Прусский король Вильгельм I был объявлен кайзером. По предложению Пруссии в состав Германской империи теперь входили (официально – «добровольно») южные германские государства, однако имевшие особый статус нахождения в составе империи.

Юридически окончательное объединение Германии было закреплено в нормах Конституции, принятой 22 апреля 1871 г. учредительным рейхстагом (вступила в силу 4 мая).

Конституция закрепляла федеративное устройство Германии, хотя прямо об этом нормы основного закона не упоминали. Так, в соответствии со ст. 1 «союзная территория состоит из государств», каждое из которых сохраняло атрибуты государственности и признаки суверенитета, важнейшим из которых являлось право принимать собственные законы. Статья 2 Конституции со-

вершенно логично закрепляла, что «имперские законы имеют преимущество перед законами областными».

Последовательно в нормах Конституции проводился и известный сегодня принцип разделения полномочий и предметов ведения между центром и территориями, т. е. между общегерманской властью и властями субъектов федерации. К исключительным полномочиям империи относились следующие сферы управления: установление налогов, необходимых для нужд империи; регулирование института гражданства, полиция, дела иностранцев; определение системы мер, весов и монет, эмиссия бумажных денег; авторское право; банковская система и ее функционирование; управление сетью железных дорог, почтой, телеграфом; организация внешнеторговой деятельности, управление германским мореплаванием; общее уголовное и гражданское законодательство; судопроизводства; управление военным флотом и армией, другие вопросы, относящиеся к важнейшим и переданные имперской власти.

Уникальность объединенной Германии состояла и в том, что наряду с федеративным устройством и элементами суверенитета в германских землях успешно развивались имперские институты власти.

Король Пруссии возглавлял исполнительную власть в Германской империи, что подчеркивало решающую роль именно Пруссии (собственно, ее историческую победу в многолетнем противостоянии с другими территориями) в общей системе германских институтов управления и всей системе власти. К главным функциям императора Конституция относила вопросы объявления войны и заключения мира, представительство империи в международных отношениях, подписание международных договоров, право созывать Союзный совет и рейхстаг, открывать и отсрочивать его заседания, а также право закрывать деятельность этих органов. Император являлся главнокомандующим вооруженными силами. Императору по Конституции принадлежали также права в сфере законотворчества: он издавал принимаемые законы и ведал общим надзором за их осуществлением.

При этом, несмотря на то что де-юре именно императору принадлежала вся полнота правительственной власти, фактическим главой империи, тем должностным лицом, которое отвечало

за реальное осуществление власти в государстве, являлся *канцлер*, назначаемый императором. Канцлер не мог быть одновременно депутатом рейхстага, хотя он председательствовал в Союзном совете (бундесрате).

В системе разделения властей голос канцлера Бисмарка часто был определяющим (при равенстве голосов) в верхней палате парламента, если он выступал «за сохранение существующих предписаний и установлений»[1], относительно регулирования исполнения норм общего законодательства о таможенных тарифах, либо в случае недостижения согласия по поводу вопросов войны и мира, либо в области введения или отмены косвенных налогов. Полномочия канцлера в налоговой сфере были весьма широки за счет возможности назначения взносов (отчислений) из казны имперских государств в пользу имперского бюджета, если общеимперские расходы не перекрывались установленными ранее пошлинами и налогами.

Что касается ответственности канцлера перед императором, то в Германии действовала специфическая модель, не предполагавшая идеи «ответственного правительства», которая была воспринята либеральной буржуазией. При этом неограниченная власть германского императора отчасти сдерживалась правом канцлера на контрасигнатуру (исключение составляли вопросы объявления войны, подписания приказов в военный период, право императора на заключение мира, вопросы управления армией). Очевидно также, что хотя канцлер был обязан ежегодно отчитываться перед Союзным советом и рейхстагом о произведенных расходах, лишить его должности имел право исключительно император.

Таким образом, во второй половине XIX в. в Германии была создана весьма успешная система разделения властей, показавшая свою эффективность в условиях политики Бисмарка по объединению страны. В этом плане можно согласиться с высказыванием А.Д. Градовского о том, что канцлер Германии есть основание, начало и конец всей исполнительной власти[2]. Именно он ру-

---

[1] История дипломатии: в 3 т. / сост.: С.В. Бахрушин, А.Ф. Ефимов, Е.А. Косминский и др.; под ред. В.П. Потемкина. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 1. С. 187.

[2] Градовский А.Д. Германская конституция. Ч. 2: Обзор действующей конституции. СПб., 1876. С. 145.

ководил имперскими ведомствами, возглавляемыми статс-секретарями[1]. «Канцлер был единственным связующим звеном между императором, прусским государственным министерством, бундесратом и рейхстагом. Это делало его позицию в определенной степени уязвимой, но в то же время открывало перед ним весьма широкие возможности»[2].

Законодательная власть в Германской империи принадлежала *рейхстагу*, избираемому населением непосредственно на основе прямого, всеобщего тайного голосования. Избирательное право в Германии предоставлялось только мужчинам, достигшим 25 лет. Традиционной для своего времени была и норма, запрещавшая участвовать в выборах (в форме и активного и пассивного голосования) лицам, получавшим государственные пособия по бедности, военнослужащим, несостоятельным должникам, лишенным дееспособности гражданам. Избирательные списки составлялись в общинах. В рейхстаг выбиралось в общей сложности 397 представителей (при этом от Пруссии избиралось 235 депутатов, а от Баварии – лишь 48). Депутатский мандат в Германии не предполагал отзыв избирателями, равно как и возможность обязать депутатов жестко следовать каким-либо поручениям, наставлениям и инструкциям своих избирателей. Вместе с тем депутатская работа не оплачивалась, избранники работали на безвозмездной основе до 1906 г. (тогда вводится оплата их труда).

Заслуживает внимания процедура принятия законов в рейхстаге, которая отличалась весьма сложным характером. Так, право законодательной инициативы принадлежало и рейхстагу, и Союзному совету (бундесрату). Предусматривалось последовательное обсуждение законопроекта в трех чтениях: в первом основной задачей была выработка текста закона, во втором – вносились определенные поправки, которые потом перерабатывались в ходе их систематизации, и, наконец, в третьем чтении рассмотрению подлежали лишь те из поправок, которые были поддержаны не менее чем 30 депутатами рейхстага. Демократичности голосования способствовала открытая процедура подачи

[1] Гуляков А.Д. Процесс учреждения федеративных государств в центре Европы (опыт Швейцарии, Германии, Австрии) // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 1 (41). С. 12.

[2] Власов Н.А Великий Бисмарк. «Железом и кровью». М., 2011. С. 329.

голосов. Для подготовки проектов законов рейхстаг несколько позже перешел к практике работы постоянных комиссий.

Иным представительным органом Германии, в соответствии с положениями третьей главы Конституции, являлся *бундесрат* – Союзный совет, в который входили представители 25 германских государств, из которых и складывалась территория империи. Общее количество членов Союзного совета – 58 представителей от правительств всех германских земель. Пруссия как основная территориальная единица Германии имела 17 представителей. Фактически Союзный совет являлся верхней палатой парламента Германии. Соответственно, и функции его, определяемые полномочиями и компетенцией, были классическими, а именно: утверждение или отклонение законопроектов, направляемых из рейхстага; осуществление конституционного и общего законодательного контроля; регулирование отношений между членами союза.

Отдельной функцией бундесрата было принятие решений в области так называемой экзекуции: конституционное полномочие принуждать членов союза к выполнению обязанностей, возложенных на них (естественно, если имело место уклонение от выполнения соответственных обязанностей). В ходе голосования простым большинством голосов Союзный совет мог санкционировать роспуск рейхстага. Что касается внутренней организации бундесрата, то по аналогии с рейхстагом в его структуре были сформированы комиссии, работавшие на постоянной основе.

Оценивая роль, место и значение германского парламента в системе разделения властей в рассматриваемый период, следует отметить, что этот вопрос относится к числу дискуссионных в науке. Так, в разное время оценка роли парламента Германии кардинально отличалась: его считали ширмой, установленной в абсолютизме, обшитом «парламентскими формами»[1], либо понимали как ведущую и направляющую силу в государственном механизме. Однако все же наиболее взвешенным следует считать ту оценку роли парламента, в соответствии с которой рейхстаг имел «довольно скромное значение»[2]. Очевидно, что рейхстаг занимал ключевое место и выполнял важные функции в политической системе общества, но ограниченные полномочиями наряду с не-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 19. С. 28.
[2] Галкин И.С. Создание Германской империи, 1815–1871 гг. М., 1986. С. 1.

большим реальным политическим весом не позволяют считать его определяющим в системе разделения властей. Это доказывает и тот факт, что в решение вопросов комплектования и управления армией, формирования государственного аппарата, осуществления внешней политики депутаты рейхстага допущены не были. К тому же германский парламент никаким образом реально не мог влиять и на систему исполнительной власти, что также характеризует соответствующим образом модель государственного устройства и политический режим Германии рассматриваемого периода.

Развивая обозначенную мысль, следует добавить, что законодательная власть сама была подвержена существенному влиянию со стороны исполнительной, а именно со стороны канцлера Бисмарка, который хотя и являлся формально ответственным министром, реально никакой ответственности перед рейхстагом и бундесратом не нес за деятельность правительства.

Тот же факт, что Бисмарк, занимая должность министра – президента Пруссии, непосредственно влиял на законодательную деятельность, говорит о сосредоточении в руках канцлера рычагов воздействия на имперскую законодательную власть. По сути, именно канцлер Бисмарк был ключевой фигурой во всем государственном механизме, что, в свою очередь, привело во второй половине XIX в. к установлению в Германской империи бонапартистского политического режима. Наиболее важной чертой такого режима, как известно, является авторитарно-харизматическое лидерство вождя, осуществление им своей власти антипарламентскими и антидемократическими методами[1].

Еще Ф. Энгельс замечал в свое время, что германская Конституция «была скроена по мерке Бисмарка»[2], поскольку канцлер и являлся связующим элементом между прусским государственным министерством, императором, рейхстагом и бундесратом. И как обычно случается при таких режимах, «значение поста канцлера в период пребывания на нем Бисмарка далеко выходило за рамки ниши, отведенной ему законодательством»[3].

---

[1] Баев В.Г. Бисмарк и Конституция 1871 года // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 120.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Указ соч. Т. 21. С. 474.

[3] Власов Н.А. Военное законодательство Бисмарка после объединения Германии: 1871–1874 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2006. С. 262.

Сфера прав и свобод граждан в общегерманской Конституции 1871 г. не была закреплена, наряду с отсутствием в федеральном Основном законе и норм относительно местного самоуправления, системы судоустройства. В соответствии с особенностями германского законодательства эти сферы были урегулированы не нормами общегосударственного конституционного права, а нормами, принимаемыми ландтагами земель. Вместе с тем нельзя не отметить демократизм законодательства государств – членов Германской империи в указанных выше вопросах.

Политический режим периода кайзеровской Германии был в основе своей неустойчив, поскольку влияние на его состояние оказывали сложные экономические и социальные процессы, обусловленные спецификой исторического развития государства. Проводимая О. фон Бисмарком политика получала различные оценки, от «революции сверху» и «бонапартизма» до «государственного социализма» и «реакционного милитаризма». При этом в первый период своей политической карьеры Бисмарк проводит преимущественно либеральную политику, был осторожным в выборе средств осуществления власти. Это имело положительный эффект: были ликвидированы различные феодальные заслоны, мешавшие развиваться экономическому сектору, не дававшие проявить себя представителям торговли; была создана партийная система, развивались многочисленные рабочие организации.

Начавшаяся позже, чем в других государствах, промышленная революция привела к экономическому расцвету (технологические процессы порождали интенсивный рост промышленного производства) и росту политической активности. Это привело к опережающим темпам экономического роста, а по ряду показателей Германия в сфере промышленного производства даже опережала Англию.

Активно развивается рабочее законодательство, необходимость совершенствования которого была обусловлена быстрыми темпами роста численности рабочего класса Германии. Так, главным итогом этих процессов стало возникновение первой социал-демократической рабочей партии (СДРП) в 1869 г. После того, как в 1875 г. объединились СДРП и Всегерманский рабочий союз, социал-демократия в Германии становится крупнейшей в Европе. Теоретическая основа социал-демократии в виде социали-

стической идеологии превращается в доминирующую в кругах рабочего класса, соответственно, увеличивается и представительство социал-демократов в общеимперском парламенте.

К концу 70-х гг. XIX столетия политика Бисмарка меняется, от либеральных преобразований он переходит к репрессивной политике. Так, активно начинают применяться меры административной и уголовной репрессии, активно разрабатывается и принимается антисоциалистическое законодательство. В частности, для всех тех, кто желал свержения существовавшего общественного и государственного строя, предусмотрен был крупный штраф, а в ряде случаев и тюремное заключение. Такие репрессии распространялись в равной степени на приверженцев коммунистической, социалистической либо социал-демократической идеологии.

В результате по всей Германии были запрещены печатные издания, выражавшие интересы рабочих, собрания и митинги, практиковались высылки опасных для режима лиц; результатом такой политики было закрытие более тысячи социалистических и рабочих печатных изданий, множество активных социалистов и членов социал-демократической партии получили тюремные сроки.

Социальная политика О. фон Бисмарка. Будучи мудрым политиком, Бисмарк четко понимал, что бесконечными репрессиями невозможно окончательно ликвидировать социальную напряженность, для правильного решения вопроса и выхода из социального кризиса требуется принятие комплекса законодательных актов, которые улучшали бы положение рабочего класса.

Значимую роль в формировании социально-политических взглядов О. Бисмарка сыграл конституционный конфликт 1860–1866 гг. в Пруссии (противостояние между прусским королем Вильгельмом I и прусским ландтагом в 1860–1866 гг. по вопросу о властных полномочиях трона и парламента), который заставил его улавливать настроения оппозиционных сил в лице прогрессистов и либералов, требующих принятия тех или иных социальных решений, одним из важнейших в это время стал рабочий вопрос[1]. Западная историография высоко оценивает

[1] Беспалова Л.Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-2 (72). С. 230.

позицию О. Бисмарка в данной дискуссии и видит в ней начало того, что «государство впервые взяло на себя регулирование социального вопроса»[1].

Из наиболее заметных законов в области социальной политики отметим Закон 1883 г. о страховании по случаю болезни, Закон 1884 г. о страховании от несчастных случаев, Закон 1889 г. относительно страхования по старости и инвалидности. Считается, что эти нормативные акты были результатом умелой политики социально-политического маневрирования (подобную политику в России царское правительство проводить не решилось, а возможно, и не могло, что в итоге стало одной из причин разразившейся революции). Понятно, что, будучи результатом своеобразного «бонапартизма», эти законы отражали интересы лишь части рабочих, однако этого было достаточно для поддержания социальной и политической стабильности в Германии.

Еще одним проявлением социальной политики Бисмарка середины 70-х гг. XIX столетия была попытка защитить немецких промышленников от иностранной конкуренции. Внушительные суммы, доставшиеся благодаря французским военным контрибуциям, вкладывались в строительство верфей, железных дорог. Все это, так или иначе, вело к увеличению объемов задействованной в производстве рабочей силы, способствовало повышению заработной платы, хотя для удовлетворения возросших экономических потребностей страны оказалось необходимым задействовать не только немецких, но и иностранных промышленников[2].

Находившееся в упадочном состоянии сельское хозяйство Бисмарк поддержал введением пошлины на древесину и зерно, при этом ряд непопулярных мер были вызваны массовой безработицей крестьян (по словам Бисмарка, в Германии развивается все, кроме сельского хозяйства). Ряд мер, например увеличение

[1] Степанова В.В. Политический кризис 60-х годов XIX века в Пруссии и его последствия для Германии. Нижневартовск, 2000. С. 110; Подробнее об этом: Степанова В.В. Прусский политический кризис 60-х годов XIX века и объединение Германии: дис. … д-ра ист. наук. Нижневартовск, 2000.

[2] Беспалова Л.Н. Указ. соч. С. 231.

зерновых цен, объяснялись защитой от полного разорения работников и капиталистов[1].

Для осуществления социальной политики, которую он именовал государственным социализмом, Бисмарк добился союза с национал-либералами, консерваторами и центристами в рейхстаге. На другой стороне, т. е. оппозиционно настроенными, были представители прогрессистской партии, которые были в меньшинстве и всячески противились вмешательству государства в социальную политику. По их мнению, подобное участие государства, к примеру в области социального страхования, могло привести к ограничению свободы как предпринимателей, так и рабочих[2].

Социальная политика Бисмарка отличалась половинчатостью, поскольку его реформы распространялись на часть рабочего класса, многим из них приходилось самостоятельно заботиться о своем социальном обеспечении. С другой стороны, существует мнение, что в тот период и при складывающихся в Германии буржуазных экономических отношениях иного комплекса законодательных актов о социальном страховании по случаю болезни, в результате несчастных случаев на производстве, по старости и по инвалидности быть не могло, а принимаемые социальные законы выгодно и с лучшей стороны отличали Германию от других стран[3].

Действительно, положительный эффект от принятых норм в области социальной политики ощущали высококвалифицированные рабочие Германии, которые без преувеличения являлись основной базой социал-демократов. Канцлер считал важным «примирить» рабочее сословие с государством и с этой целью усиливал реформистское крыло социал-демократов. Наивысшего расцвета эта политика достигла к 80-м гг. XIX столетия, поскольку в этот момент можно говорить о складывании цельной социальной политики, которая во многом была заимствована в качестве модели и в законодательстве XX в. иными государствами Европы. Справедливо считать, что во второй половине XIX в. Бисмарком и политической элитой Германии был успешно освоен опыт по

[1] Stöpel F. Die Wirtschafts – und Sozialpolitik des Fürsten Bismarck. Leipzig, 1885. C. 25.
[2] Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. М., 1988. С. 342.
[3] Там же. С. 345.

достижению консенсуса при решении аграрного, рабочего и промышленного вопросов[1].

В научной оценке деятельности Бисмарка на посту канцлера появляется понятие «фактор Бисмарка», под которым понимается выбор и применение им эффективных политических технологий, манипулирование общественным мнением, репрессии и размежевание политических партий, прямая и косвенная поддержка нужных канцлеру политических сил. Следует согласиться с мнением, что такие политические средства в своем роде способствовали стабилизации отношений между обществом и правительством, создавали условия для постепенной интеграции представителей крупной индустрии в общественную структуру[2].

Ценность социально-политической деятельности Бисмарка еще и в том, что после многовекового периода раздробленности в Германии создается действенный механизм урегулирования конфликтов по самым острым политическим вопросам[3].

Вместе с тем результатом социальной политики Бисмарка можно считать и тот факт, что управление политической сферой и общественной жизнью Германии исключительно с помощью репрессивных мер, а также несистемных и непоследовательных уступок рабочему движению показало свою бесперспективность. Результатом социальной политики стал рост забастовок рабочих, которые достигли своего пика на рубеже 80–90-х XIX в. Отмена «исключительного закона» в 1890 г. (Закона против вредных и опасных стремлений социал-демократии 1878 г., в результате действия которого около 900 социал-демократов были высланы из Германии, было распущено около 350 социал-демократических организаций, около 1500 социалистов помещены в тюрьмы, а сотни газет, журналов и непериодических изданий находились под запретом) многими историками связывается с отставкой самого канцлера Бисмарка, а также последующей либерализацией политического режима[4].

---

[1] Беспалова Л.Н. Указ. соч. С. 232.

[2] Puhle H.-J., Wehler H.-U. Preußen: Entwicklung und Fehlentwicklung. Preußen im Rückblick // Geschichteund Gesellschaft. Göttingen, 1980. Sonderheft 6. C. 36.

[3] Беспалова Л.Н. Указ. соч. С. 232.

[4] Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В.Н. Садиков; под ред. З.М. Черниловского. М.: Дым, 1994. С. 401.

Тем не менее роль Бисмарка в объединении Германии невозможно переоценить. Он стремился к возвышению своего государства до уровня великой державы, и в ходе политики по защите собственного суверенитета приложил максимум усилий, чтобы встать на одну ступень с другими государствами[1].

Военная политика объединенной Германии. Объединение Германии по принципу «железом и кровью», а также общее укрепление государственности и создание жесткого политико-правового режима не могло не отразиться на военной политике государства, которая, в свою очередь, явилась сама следствием указанных преобразований. Лидерство Пруссии привело к распространению на все государство методов, применяемых Бисмарком, по поддержанию боеспособности армии, укреплению полиции, надзору за правопорядком. С помощью внушительных средств бюджета, затрачиваемых на армию и полицию, Бисмарк добился сосредоточения реальной власти в руках военных учреждений, а огромная и блестяще подготовленная в военном плане армия, уживавшаяся в Германии с развитием промышленности и финансовой олигархии, служила основой для развития внешнеэкономической деятельности.

Понятие «вооруженный мир», используемое для обозначения военной политики Бисмарка на международной арене, на рубеже XIX–XX вв. подразумевало активную работу по подготовке государств Европы к многочисленным локальным войнам, которые вылились в итоге в Первую мировую войну уже в ближайшем будущем.

Именно с успехами в области укрепления армии и военной мощи связывается новый виток репрессивного законодательства, принятого в ходе милитаристской политики Вильгельма II. Наиболее известные в этом плане следующие:

– Закон 1908 г. о союзах и собраниях, запрещавший лицам до 18 лет любое участие в политических союзах, а также иную политическую активность;

– Закон 1914 г. о чрезвычайных полномочиях правительства, нормы которого предоставляли государственным органам

[1] Баев В.Г. Государственные интересы в международно-правовых взглядах Бисмарка // Современное право. 2010. № 4. С. 166.

возможность контролировать использование топлива и сырья для военных нужд.

– Закон 1916 г. о вспомогательной службе отечеству, в соответствии с которым была введена обязательная трудовая повинность для мужчин от 16 до 60 лет и открыта возможность проведения принудительной мобилизации населения на любые виды работ.

Указанные и многие другие нормативные акты Германии ознаменовали переход к полностью милитаризованному государству, а развитие этой политики наряду со своеобразными политическими шагами Вильгельма II привели к Ноябрьской революции в ноябре 1918 г., основной причиной которой явился кризис кайзеровского режима. Сам же кризис был в существенной мере обусловлен поражением в Первой мировой войне, социальной напряженностью упадком экономики. Революция 1918 г. завершилась в Германии установлением режима *парламентской демократии*, известного как *Веймарская республика*.

Таким образом, объединение Германии, если рассматривать этот процесс с точки зрения его причин и факторов, было обусловлено в первую очередь этническим фактором, а также умелой политикой Отто фон Бисмарка. Процесс объединения Германских земель сопровождался существенным развитием демократических принципов в развитии государственности.

Создание Второй Германской империи, явившейся крупным по территории и мощным в политическом плане государством, оказало существенное влияние на весь европейский политико-правовой и геополитический ландшафт.

Все демократические изменения в политической системе, а также модель разделения властей были закреплены в нормах Конституции Германской империи 1871 г., которая формально закрепила завершившийся процесс объединения германских земель в единое федеративное государство, основанное на достаточно демократических началах. При этом особенностью германского государства второй половины XIX в. можно считать сочетание принципа федерализма с системой имперского управления, являвшейся, по сути, выражением унитарного государственного устройства.

Наконец, ярким признаком объединительного процесса, а также деятельности на посту канцлера О. фон Бисмарка можно считать его социальную политику, а также выстраивание политических отношений между противоборствовавшими политическими и социальными силами. Эта политика во многом опережала свое время и принесла конкретные положительные результаты.

4.4. Развитие права Германии в Новое время

Из курса общей теории права известно, что характерной чертой развития континентального европейского права со второй половины XVIII в. является его систематизация, которая нашла свое формальное выражение в виде кодификации. Такой подход связан в первую очередь с развитием правовых наук[1], а результатом его стали выдающиеся правовые памятники на примере Кодекса Наполеона 1804 г.

Что касается Германии, то и здесь кодификация была важнейшим элементом законотворческой деятельности, результатом стремительно развивавшейся юридической техники. Отличительной чертой германской кодификационной работы можно считать повышенное внимание сфере уголовного законодательства и судопроизводства, что прежде всего объяснялось той моделью политического режима, которая установилась в государстве в результате объединения ранее разрозненных территорий: нередки были тенденции к ограничению прав граждан, произволу, порожденному несовершенством соответствующих правовых конструкций.

Право объединенной Германии своим истоком имеет кодифицированное законодательство раздробленных германских государств, наиболее известными из которых были такие правовые памятники, как Саксонское гражданское уложение 1863 г. и Прусское земское уложение 1794 г. В некоторых землях сохранял свое действие Французский гражданский кодекс 1804 г., введенный

[1] Рассказов Л.П. Формирование нормативного элемента правовых систем Германии и Франции и влияние этого процесса на другие страны Европы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 105. С. 964–980.

еще со времен наполеоновских войн, а также активно применялось римское право, кодифицированное Юстинианом[1]. Длительный процесс рецепции римского права сопровождался внесением определенных изменений, вызванных необходимостью приспособления старого феодального права к новым буржуазным отношениям. При этом в некоторых государствах Германии феодальное право было единственным источником права, а в отдельных областях Германии действовало так называемое общее право[2], состоявшее из таких элементов, как имперские законы (меньшая часть норм) и пандектное римское право. Последнее имело в некоторых областях Германии значение дополнительного.

Понятно, что длительное сохранение фактически феодального правового регулирования (в государстве применялись нормы свыше 30 партикулярных правовых систем, таких как баварское земское право, прусское земское право, Саксонский гражданский кодекс), соседствовавшего с нормами Кодекса Наполеона, городского права Бремена и Гамбурга и многих иных применявшихся нормативных актов[3], серьезно тормозило гражданский оборот, поэтому все социальные силы, задействованные в капиталистических отношениях, стремились к обновлению действовавшего права.

Дополнительным толчком к формированию буржуазного германского права служили объединительные процессы, появление классов и активное развитие буржуазных отношений[4]. При этом по ходу всего XIX столетия наблюдались две противоположные тенденции: с одной стороны, германский народ стремился к политическому и правовому единству, а с другой – заметными были намерения отдельных германских правительств сохранить свою независимость, пусть и ценой замедления процессов правообразования в едином государстве.

Периоду Нового времени и согласному ему духу права соответствовал принятый в 1751 г. Свод баварских уголовных зако-

---

[1] Колосок С.В. Кодификация гражданского права Германии в XIX веке // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 22.

[2] Там же.

[3] Германская история в новое и новейшее время / под ред. С.Д. Сказкина. М., 1970. Т. 1. С. 204.

[4] Антропов Р.В. Кодификация права Германии: конец XVIII–XIX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 21.

нов, подготовленный с учетом обновленных требований к следствию, судопроизводству и видам наказаний. Более же известным и значимым был австрийский кодекс – Уголовное уложение Терезии («Терезиана») 1768 г., получившее название по имени императрицы Терезы, в период правления которой был принят. Его особенностью было совмещение норм материального и процессуального права.

По структуре Уложение состояло из разделов об уголовном судопроизводстве и о преступлениях, подлежащих уголовному рассмотрению (и наказании за них). Смертная казнь была предусмотрена за весьма большой перечень преступлений, а сама казнь могла применяться в квалифицированной форме (четвертование, сожжение, колесование). В области уголовного процесса Уложение предусматривало возможность применения пыток.

Действовавшая сравнительно недолго из-за своих архаичных институтов следствия и наказания «Терезиана» сменилась более совершенным австрийским Уголовным уложением Йозефа II («Йозефина») 1787 г., нормы которого были изменены в сторону гуманизации процессуальных действий и применения наказаний (в частности, были отменены пытки, ликвидирован институт наказания семьи виновного от ответственности, т. е. объективное вменение, прекращен такой вид смертной казни, как повешение, введены гарантии определенных прав обвиняемых).

Наконец, еще одним крупным событием в правовой жизни Германии было принятие в 1794 г. Прусского земского уложения. Огромное по объему (более 15 000 статей) Уложение явилось следствием стремления прусских законодателей урегулировать в едином законодательном своде все сферы общественных отношений. Структурно Уложение состояло из «права общего» (сюда входили институты вещного и обязательственного права) и «права специального» (регулировали уголовные, административные и брачно-семейные отношения).

Нормы Уложения были весьма противоречивыми, поскольку, с одной стороны, укрепляли сословную градацию общества, закрепляя статус бюргерства, крестьянства, дворянства, а с другой – содержали принципы формального равенства граждан перед законом).

Нормы Прусского земского уложения с изменениями и дополнениями действовали весьма длительное время, до начала XX в., хотя приемы законодательной техники, использованные в Прусском земском уложении, когда все сферы жизни общества регулировались одним единым актом были вскоре признаны неэффективными: в дальнейшем в Германии в большинстве случаев применялся прием составления кодифицированных актов с конкретно очерченным предметом правового регулирования.

Следует отметить, что действовавшие в каждом из германских государств законы, принятые до политического объединения в 1871 г., продолжали применяться и в объединенном государстве. Кроме того, активно применялись нормы французского законодательства (в основном Гражданского кодекса 1804 г.), однако географически это были территории, прилегающие к Рейну. Сохранялось действие и тех норм Священной Римской империи, которые прямо не были признаны недействующими. Параллельно этому развитие политико-государственных отношений с необходимостью требовало унификации всего германского права, что выразилось в издании ряда законов, направленных на стимулирование экономических отношений.

Таким образом, в Новое время в Германии, особенно с конца XVIII в., право развивается по пути кодификации, уровень которой был одним из самых высоких в Европе. Принимаемые нормативные правовые акты в своей основе отражали демократические принципы, важнейшими из которых можно назвать равенство перед законом, права обвиняемых на защиту, развитие норм, защищавших собственность. Наибольшее влияние на эволюцию правовой системы Германии и иных европейских государств оказали такие документы, как Германское гражданское уложение 1896 г. и Прусское земское уложение 1794 г.

4.5. Германское гражданское уложение 1896 года и Германское уголовное уложение 1871 года

Еще одним выдающимся памятником правовой мысли можно считать Германское гражданское уложение 1896 г. (употребляется также, как Германский гражданский кодекс). И хотя это был весьма объемный по количеству норм кодекс (состоял в общей сложности из 2 385 статей), по справедливому замечанию О.П. Виноградовой, Германское гражданское уложение содержало не все гражданское право, а в основном то, которое ранее излагалось в учебниках пандектного права: из текста кодекса были исключены вексельное право, торговое право, авторское право, промысловое право, корпоративное право – по причине более ранней их кодификации на общенациональном уровне. Исключались из Германского гражданского уложения (ГГУ) и нормы, традиционно ранее относившиеся к компетенции земского законодательства (*ландрехтов*)[1].

В этом плане примечательно, что если Общегерманское торговое уложение (Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch) 1861 г. разрабатывалось в силу отсутствия единого гражданского законодательства на момент своей разработки и включало множество гражданско-правовых положений и принципов, то ГГУ 1896 г., наоборот, включало неизвестные ранее гражданскому праву нормы, которые возникли из торгового права и имели, по сути, торгово-правовую природу в силу предшествующей унификации вексельного и торгового права. Это обстоятельство обусловило определенную «коммерциализацию» Германского гражданского уложения[2].

Четыре книги ГГУ содержали нормы о правовом статусе юридических и физических лиц, направлениях осуществления гражданских прав, различных юридических действиях, о самозащите (Общая часть), об обязательствах и заключении договоров (обязательственное право), об особенностях использования и видах

[1] Виноградова О.П. Германское гражданское уложение 1896 г. как образец буржуазной кодификации права // Вестн. Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 78.

[2] Подробнее об этом: Лысенко О.Л. История кодификации торгового права Германии в XIX в.: дис. … канд. юрид. наук. М., 1997.

вещных прав, о правомочиях собственников, о порядке приобретения собственности и утраты владения и собственности (вещное право), о правовом регулировании брачно-семейных и наследственных отношений.

Вместе с тем, как и иные государственно-правовые институты Нового времени, ГГУ 1896 г. как правовое явление не было лишено противоречий. Так, являясь весьма прогрессивным по своему времени правовым документом, оно содержало и оговорки, которые не позволяли распространять его положения на многочисленные вотчинные права, которые фактически являлись элементами феодального права земельной собственности (наиболее важные из них – порядок использования водоемов, право охоты, крестьянские права наследственной аренды и др.). Возможно, это было своеобразной попыткой установления социального компромисса, своего рода превенцией социальной напряженности, связанной с сохранением некоторых пережитков феодализма в Германии.

Вместе с тем интересно, что нормы Германского гражданского уложения, несмотря на все попытки упростить форму и язык их изложения, повысить юридическую технику этого важнейшего текста, оставались по-прежнему труднодоступными для понимания неспециалистов: перегруженность специальными юридическими терминами, длинные и сложные параграфы, обороты и понятия не позволяли однозначно трактовать содержавшиеся там предписания. Однако значимость этого документа невозможно принизить или умалить, поскольку не вызывает сомнений высокая степень разработанности и детализации правовой терминологии. Высказывается также мнение, что Германское гражданское уложение было обращено именно к юристам, профессионалам, а не к обычным гражданам (кодекс «создан юристами для юристов»[1]).

Новое гражданское законодательство Германии послужило толчком к созданию различных объединений (товариществ, акционерных обществ), что также повлекло за собой необходимость определения их экономико-правового статуса, что обсуж-

[1] Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 309.

далось на симпозиумах юристов, в печати и имперских учреждениях[1]. От феодального германского права, которое регламентировало, по большому счету, лишь понятие физического лица, Германское гражданское уложение, отвечая на запрос развивающихся политико-экономических отношений, переходит к закреплению и правовому регулированию статуса юридического лица, используя в качестве основы разработки пандектного права. Признание юридического лица существенно облегчило экономическую и торговую деятельность, затрагивающую область правовых отношений[2].

Еще одним выражением определенной противоречивости ГГУ было сочетание либеральных принципов (при закреплении и регулировании имущественных и договорных отношений) и патриархальных пережитков (в области брачно-семейных отношений). Наконец, заметны и авторитарные методы при регулировании деятельности различных объединений.

Ряд ученых отмечают положительный момент, связанный с составлением ГГУ: этот документ был символом относительной политической и социальной стабильности, поскольку разрабатывался именно в таких условиях, а не в условиях радикальной смены общественных отношений.

Основным же недостатком Уложения 1896 г. называется индивидуалистический подход к решению многих вопросов: в центре внимания находился отдельный человек и его права, а не (или только в малой степени) всеобщее благо[3]. Кроме того, по сравнению с интересами бюргеров (основная часть среднего класса Германии), которые были максимально защищены нормами ГГУ, права и свободы рабочего класса закреплялись и защищались в гораздо меньшей степени (возможно, этим объясняется нежелание депутатов рейхстага от социал-демократической партии голосовать за принятие ГГУ (42 голоса против). Вне сферы правового регулирования ГГУ остались такие ключевые проблемные

[1] Бабанцев Н.Ф., Прокопьев В.П. Германская империя 1871–1918 гг.: историко-правовое исследование. Красноярск, 1984. С. 63.

[2] Виноградова О.П. Указ. соч. С. 79–80.

[3] Подробнее об этом: Баев В.Г. Законодательная деятельность германского рейхстага в период Веймарской республики (1919–1933 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2002.

аспекты, как ответственность государства за нарушение должностных обязанностей государственными чиновниками; установление принципа равенства наемных работников перед законом; правовое равенство внебрачных детей и детей, рожденных в законном браке; равноправие женщин в браке, семье и экономической жизни; ликвидация принципа виновности в бракоразводном праве[1]. Крайне скудно представлены нормы, регулировавшие заключение трудового договора[2].

Таким образом, можно считать, что Германское гражданское уложение было классическим выражением частного права эпохи Нового времени в преломлении законодательной мысли Германии. Этот документ, безусловно, имел существенное влияние на развитие права в других странах (особенно в государствах Латинской Америки и Азии).

Еще одним ключевым кодификационным документом стало принятое в 1871 г. Германское уголовное уложение, нормы которого отражали позитивные преобразования в науке уголовного права. Документ включал в себя Общую часть (нормы относительно классификации преступлений, принципов назначения наказания, форм соучастия, стадий преступления, смягчающих и отягчающих обстоятельствах) и Особенную часть (нормы конкретных составов преступлений и санкции за их совершение).

Составители Уголовного уложения включили в него положения классической школы уголовного права о свободе воли, о вине, взаимозависимости свободы личности и ответственности, а также концепции возмездия»[3], а единственным спорным вопросом была смертная казнь, точнее необходимость ее применения. В итоге наряду с лишением свободы, штрафом, поражением в правах, конфискацией имущества, применялась и смертная казнь, но лишь в двух случаях: за убийство главы государства и за убийство по заранее продуманному плану.

---

[1] Подробнее об этом: Кучма В.В. Развитие государственного строя Германии и Японии в период нового времени: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2000.

[2] Абрамова А.И., Мицкевич А.В., Пиголкин А.С., Пилипенко А.Н. и др. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

[3] Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. М., 1998. С. 43.

Среди же преступлений выделяли государственные (оскорбление высших должностных лиц государства, организация тайных собраний, фальшивомонетничество, объединение для незаконного противодействия применению законов), против религии, против собственности и личности.

В числе проступков Уложение закрепляло собственно проступки и полицейские нарушения.

Следует отметить некую либерализацию наказаний, поскольку длительное время практиковавшееся применение телесных наказаний было ликвидировано в Уголовном уложении Германии.

Наконец, ключевыми принципами уголовного процесса являлись состязательность, внедрение института защитника на предварительном следствии, независимость следственного судьи от прокурора.

Таким образом, развитие права в Германии в период Нового времени можно признать прогрессивным. Кодификация как важнейший элемент правотворческой политики получила широкое распространение в объединенном государстве, а уровень ее был настолько высок (как в области частного, так и в области публичного права), что принятые правовые акты (уложения) оказывали влияние на развитие правовой системы не только Германии, но и ряда иных европейских государств.

5. Развитие государства и права Японии

5.1. Предпосылки буржуазных государственно-правовых изменений в Японии

Своеобразие Японии, которое сохранилось по сегодняшний день, несмотря на многочисленные преобразования в государственно-правовом секторе, в культуре и мировоззрении, обусловлено длительной историей этой страны, многолетней изоляцией, консервацией социокультурных основ жизни японцев. Безусловно, указанные особенности уходят своими корнями в специфику феодального и последующего буржуазного государственно-правового развития. Рассмотрим основные предпосылки указанных изменений.

Исторически сложившийся в Японии институт императорской власти имел свою специфику, поскольку отсутствие достаточного уровня военной мощи императорского рода привело к активному обращению к помощи более сильных родов. В силу того, что основным занятием в государстве было ведение войн, для организации войска во главе армии находился *сёгун*, который из-за крайнего ослабления императорской власти к XII столетию фактически неограниченно правил всей страной (юридически, естественно, не являясь правителем Японии). Длительное сохранение таких условий послужило тому, что император был вынужден юридически «оформить» должность сёгуна из временной военной номенклатуры в наследственный титул *военного правителя страны*.

Таким образом, примерно с XII–XIII вв. в Японии реальная власть сосредоточилась в руках полководца (сёгуна) – высшего должностного лица, осуществлявшего свои функции практически бесконтрольно. К основным его полномочиям относились фискальные, исполнительно-распорядительные и законодательные.

С XVII в. пост сёгуна принадлежал представителям дома *Токугава* – это был самый богатый феодальный клан страны, члены которого были против любых буржуазных (прогрессивных, либеральных) реформ.

Указанная политика уже к середине XIX в. привела к недовольству властью практически всех низших сословий.

Основным фактором развития социально-политического кризиса в Японии в это время была нерешенность проблем низших слоев, поскольку сёгунат в первую очередь уделял внимание восстановлению политического и экономического положения дворянства, которое нередко страдало по причине крестьянских бунтов и восстаний. Крупные феодалы – даймё (князья) – налагали на крестьян огромные налоги, вследствие чего крестьянство страдало и от неурожая и иных природных катаклизмов, и от тяжких финансовых повинностей.

К XIX в. феодальные отношения в Японии переживают этап своего разложения, происходит первоначальное накопление капитала, товарно-денежные отношения проникают и в городское хозяйство, и в деревню, активно развиваются мануфактуры (стремительно разрабатывается добыча железа, золота, горных пород меди). К 1854 г. японская промышленность насчитывала более 300 предприятий, где было задействовано более 10 000 рабочих.

Капиталистическая мануфактура в Японии развивалась по традиционным направлениям, а к представителям торговой буржуазии добавлялось развивающееся сословие промышленной буржуазии. При этом общее обнищание крестьян, голод, высокие и невыполнимые налоги, тяжелый гнет толкали их к перемещению в город, а это, в свою очередь, привело к разорению ремесленников. Такова закономерность появления многочисленной прослойки рабочих, которые вынуждены были продавать за бесценок свою рабочую силу и навыки.

Понятно, что в таких условиях сохранение феодальных порядков мешало в первую очередь растущей японской буржуазии, определенную поддержку которой оказывали представители самурайского сословия (ряд выходцев из самураев поддерживали распространение среди интеллигенции буржуазно-освободительных идей, пришедших из «передовой» Европы).

В ряду экономических факторов особое значение имела гиперинфляция, первые признаки которой в Японии наблюдаются уже в 1860-е гг. Рост цен сопровождался стремительным падением уровня жизни. Помимо негативного влияния на оплату труда

рабочих, инфляция больно ударила по всем мелким самураям, которые получали свои доходы из казны правительства. Разорение мелких самураев вызвало их политическую радикализацию и неприятие любых действий сёгунского правительства во внешней политике[1].

Важную роль в создании к середине XX столетия революционной ситуации в Японии сыграла и политика жесткой изоляции страны от всего внешнего мира, проводимая сёгунами с начала XVII в. Наиболее тяжелыми последствиями отличались запреты торговли с иностранцами (с середины XVII в.), а также запрет на въезд иностранцев (послабления из этого запрета для китайских и голландских торговцев коренным образом не могли изменить ситуацию). Среди ключевых причин такого поведения сёгунов историки называют страх перед начавшимся распространением христианской религии в Японии, а также опасения потери политического суверенитета.

Более двух веков (с 1639 по 1853 г.) Япония находилась в жесткой изоляции: смертной казнью наказывался как въезд иностранцев в страну, так и выезд коренных японцев из нее. Страна была полностью «закрыта», за исключением крохотной территории близ острова Дэсима, где раз в год швартовался один европейский корабль и располагалось поселение голландских купцов, занимавшихся торговыми операциями под строгим контролем японского правительства.[2] Безусловно, политика изоляции привела Японию к культурному и экономическому упадку, требовала будущей модернизации основных сфер жизнедеятельности.

Политика изоляции не только не оправдывала себя в экономическом плане, но к началу XIX в. обратила на себя внимание иных государств, в первую очередь США, Франции и Англии, которым Япония нужна была как геополитический союзник по причине своей близости с Китаем.

Активные действия в этом направлении начались уже в середине XIX в., когда 8 июля 1853 г. американская военная эскадра появилась у берегов Японии. Мэтью Перри, командовавший

[1] Толстогузов С.А. Финансовый кризис и Мэйдзи исин // Японские исследования. 2018. № 2. С. 61.

[2] Скворцова Е.Л. «Христианский век» в Японии. К проблеме взаимодействия национальных культур // Человек и мир в японской культуре. М., 1985. С. 118–134.

эскадрой, передал послание 13-го президента США Милларда Филмора императору Комэю – открытому сторонникy изоляционизма. Суть послания заключалась в требовании установления дипломатических отношений с США. После заключения сёгунатом японско-американского договора о мире и дружбе в японском обществе преобладали сильные антиправительственные и антииностранные настроения. Недовольство заключенным от имени правительства договором одновременно повысило престиж императора Комэя и его двора (последние были, по мнению японцев, хранителями традиций).

Очередной неравноправный договор был подписан в 1858 г. В соответствии с ним Япония признавала экстерриториальность американских граждан в Японии (они были неподсудны японскому суду), но главное – не имела права устанавливать пошлины на товары, ввозимые из США, выше определенного процента. В ближайшее время такие же договоры были заключены с Англией, Голландией, Францией.

Разногласия между императором и сёгунатом использовались в первую очередь американцами для захватнической финансовой политики в отношении Японии, но главной целью было превратить государство в колонию США. После мощной артиллерийской атаки в 1863 г. английским флотом города Кагосима за убийство английского гражданина уже флот союзников (Англия, США, Голландия и Франция) в 1864 г. подверг обстрелу город-крепость Симоносеки. В результате японские власти были вынуждены допустить беспрепятственное прохождение судов через пролив Симоносеки (морской пролив, разделяющий острова Хонсю и Кюсю).

Колониальное завоевание для Японии превратилось в реальную опасность, что вызвало объединение усилий всех сил японского общества в антифеодальной борьбе в рамках национально-освободительного движения. После карательного похода 1866 г. и смерти сёгуна Иэмоти все самурайские войска стали подчиняться императору. А после смерти императора Комэя (в возрасте 36 лет) власть перешла к императору Муцухито, с именем которого для Японии связывается наступление новой эпохи.

5.2. Буржуазная революция Мэйдзи. Буржуазные реформы

Японская революция получила известность как революция «*просвещенного правительства*» (Мэйдзи). Революционная ситуация складывалась таким образом, что против продолжения жизни по старым порядкам были все сословия, от низших (крестьяне, ремесленники, рабочие), до высших (самураи, олицетворявшие дворянство и бывших феодалов, и буржуазия). В основе недовольства всех были экономические причины: о крестьянах и рабочих было уже сказано выше, самураи же и дворянство не получали прошлого объема земли и довольствия соответственно. Лидирующую роль в сопротивлении прежнему строю играло японское дворянство, на стороне которого были оппозиционно настроенные князья и существенная часть армии. Признавая необходимость реформ, они допускали перенесение зарубежного опыта в японские реалии, однако проведение самих реформ связывали с активным участием самого государства. Именно поэтому главной целью будущей революции было восстановление императорской власти (с одновременным свержением института сёгуната, который доказал невозможность проведения преобразований) и проведение ряда реформ.

Наивысшего накала крестьянские восстания достигли к концу 1866 г., решения власти не одобрялись даже представителями крупных торговых корпораций, а сёгуна поддерживали лишь в столице, в городе Эдо. В 1867 г. на престол взошел император Муцухито в возрасте 15 лет и после непродолжительного вооруженного противостояния сторонников сёгуна и его противников в январе 1868 г. сёгун признал свою капитуляцию. Главной политической силой в Японии стали объединения князей и самураев, которые поддерживали императора.

В историко-правовой науке события 60-х гг. XIX в. именуются революцией Мэйдзи, поскольку все последующее правление императора Муцухито определяется как Мэйдзи, что в переводе с японского означает «просвещенное правление».

Исследователи в целом отмечают объективный характер буржуазной революции в Японии, поскольку она «не была ни

случайностью, ни историческим парадоксом. Страна подошла к ней вполне подготовленной: она имела развитую экономику, национальный рынок в отношении многих видов товаров, хорошие пути сообщения, развитую банковскую систему; в ней была многочисленная высокообразованная и весьма активная интеллигенция; в ней действовали различные течения общественной мысли, образовавшие идеологическую почву для революционных преобразований»[1].

Изменения в политической структуре и характере политической жизни Японии после 1868 г. были обусловлены особенностями перехода власти в руки бывших феодалов, которые были вынуждены осуществлять буржуазные преобразования и в ключевых фазах поддерживать политику правительства молодого императора.

Стремительная капитализация промышленности в определенной степени опережала общественное сознание японцев, в результате чего та часть общества, которая поддерживала интересы самураев и высшего дворянства, выступала в целом за сохранение феодально-абсолютистских порядков. Соответственно, основной чертой политической системы Японии этого периода можно назвать острую борьбу внутри политической элиты.

Недовольство самураев и князей, которые активно поддерживали сторонников императора в его противостоянии с сёгуном, было вызвано неоправдавшимися надеждами на восстановление феодальных порядков при новом императоре. Большинство самураев оставались без работы и должностей, поэтому наиболее активные из них образовали так называемую феодальную оппозицию. Основным требованием последней было сворачивание всех преобразований (даже умеренных) и реформ, проводимых правительством. Одним из лидером реакционной группы чиновников был Сайго Такамори (Таканага), который входил в число «трех великих героев» эпохи реставрации Мэйдзи.

Окончательно против императора самураев и князей настроила отмена в 1876 г. их государственных пенсий – огромных выплат от государства (стоит отметить, что внутри самурай-

[1] Конрад Н.И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. С. 195.

ского сословия наблюдался огромный разрыв между богатейшими представителями и низшим самурайством).

Разгоравшийся конфликт и противостояние самураев под руководством Сайго Такамори вылился в антиправительственный мятеж после запрета со стороны правительства самураям, не находящимся на службе, носить военные мечи. В 1877 г. возглавляемые мятежным министром самурайские отряды в результате ряда кровопролитных боев были разбиты, а вместе с этим потерял силу и оппозиционный блок.

Буржуазные реформы. Несмотря на то, что в исторической науке все преобразования «Мэйдзи» принято обозначать ограниченными, половинчатыми и незавершенными, все же следует признать их безусловный вклад в развитие промышленности и капиталистических отношений в Японии. Рассмотрим наиболее важные из них.

Централизация органов власти. Рассматривая все преобразования, так или иначе повлиявшие на структуру и функционирование японской государственной власти, следует в первую очередь отметить, что симбиоз традиционных подходов к ее осуществлению и заимствование западных (прежде всего прусских) институтов обусловило тот неповторимый колорит системы разделения властей, который имел место в ходе революции Мэйдзи. Достаточно сказать, что форма правления Японии с трудом может быть отнесена к классическим вариантам, она являлась смешанной монархией, сочетая в себе элементы теократической монархии и конституционной (являясь гарантом легитимации всех политических решений, японский монарх одновременно был и духовным лидером).

Германские консервативные эксперты, к советам которых прибегали разработчики японских реформ, настойчиво рекомендовали дружественному правительству Мэйдзи «не поддаваться на громкие призывы видных представителей европейского социал-демократического движения провозгласить Японию социально ориентированной “мягкой монархией”, но, напротив, опереться при создании новой государственности на небольшие элитные группы военного сословия (самураев), представителей кланов

Сацума и Тесю»[1]. В результате именно к германской идее создания в Японии авторитарной системы правления, жесткой по своей сути, склонились представители правящей японской элиты. При этом формально-юридически все преобразования и реформы имели статус и характер демократических и либеральных.

Выбранное демократическое направление преобразований, а также легитимность как основа функционирования власти (в своей клятве император Муцухито говорил, что все государственные дела должны решаться на основе справедливых законов и соотносясь с общественным мнением), закреплялись и в Указе о государственном устройстве 1868 г., определявшем новую структуру правительства. Оно называлось теперь *Палатой большого государственного совета*. Сам же принцип разделения властей был заимствован напрямую из Конституции США (традиционное деление ветвей на три ветви дополнено обязанностью чиновников переизбираться на должности каждые четыре года).

Еще одним принципом построения власти была идея централизации, в рамках реализации которой власть крупных феодалов (даймё) была существенно ограничена. Теперь для привлечения на службу иностранцев, эмиссии валюты и других важных государственных решений следовало получать согласие центрального правительства. Бюрократическая система Японии характеризовалась принципами ротации чиновников и избрания при замещении должностей.

Централизация власти потребовала ликвидации остатков феодальных отношений, поэтому основные единицы феодализма – даймё (автономные княжества) подлежали упразднению. Одним из результатов *гражданской войны 1868–1869 гг.* явилась конфискация владений *сёгуната* и разделение их на особые административно-территориальные единицы – префектуры. При этом важно понимать, что падение сёгуната было сложным и многофакторным явлением, имевшим не только экономические, но и политические и социальные последствия для Японии[2].

---

[1] Балакин В.И. Прусское влияние на формирование японской государственности периода Реставрации Мэйдзи 1868–1888 гг. // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 114.

[2] Толстогузов С.А. Финансовый кризис и Мэйдзи исин // Японские исследования. 2018. № 2. С. 56.

Половинчатость этой реформы, однако, проявлялась в том, что *даймё* по-прежнему сохраняли право сбора налогов и создания войск на вверенных им землях, т. е. фактически они остались полуавтономными. Окончательно вопрос о статусе префектур и их прямом подчинению правительству был решен к августу 1871 г., когда должности губернаторов префектур стали назначаемыми из центра. При этом активно шел процесс укрупнения территорий префектур (из трехсот бывших префектур было создано немногим менее пятидесяти), ряд крупных городов (Осака, Киото и Токио) также получили статус префектур.

Реформа суда. Судебная система буржуазной Японии была преобразована с учетом принципов организации судебной власти в европейских государствах. Система единых судов была закреплена в Законе 1890 г., когда была выстроена следующая иерархия: возглавлял систему Высокий имперский суд (ему подсудны были наиболее резонансные и важные дела, он занимался также толкованием норм и апелляционным судопроизводством, нижестоящими инстанциями являлись губернские суды и апелляционные суды). Территория Японии была разделена на судебные округа, в которых учреждался местный суд.

Нормы Уголовно-процессуального кодекса в 1890 г. были дополнены новыми буржуазными принципами, например было реформировано судебное следствие на основе состязательности и гласности.

Так, в частности, уже с 1872 г. рассмотрение дел в судах могло сопровождаться присутствием представителей прессы, с 1874 г. происходит постепенное запрещение пыток в процессе рассмотрения уголовных дел; наконец, сословные различия также были ликвидированы.

Активно развиваются гарантии судьям, которые нашли формальное выражение в нормах Закона 1890 г.: реализация принципа независимости и несменяемости судей гарантировалась возможностью понижения либо смещения с должности судьи исключительно при условии привлечения его к дисциплинарной или уголовной ответственности.

Что касается требований для замещения судейских должностей, то в общем виде для занятия таковых необходим был профессиональный опыт и надлежащие знания: после сдачи экзаме-

нов и окончания испытательного срока японские судьи приступали к работе на постоянной основе. Подобные требования относились и к должностям прокуратуры.

Завершением демократических преобразований и знаковым событием стало введение в Японии института суда присяжных в начале XX в. – в основе своей совершенно чуждого европейского элемента правосудия.

Важную роль в системе судопроизводства Японии играл институт адвокатуры. По нормам Закона об адвокатуре 1893 г. участвующие в работе судов адвокаты пристально контролировались и прокуратурой (именно прокуроры имели право привлекать адвокатов к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее выполнение ими своих полномочий), и по ведомству министерства юстиции. При этом несмотря на указанные нововведения судебная система Японии длительное время сохраняла свои репрессивные пережитки, что во многом объясняется длительным периодом феодализма в государстве, а также восточным менталитетом самих японцев.

Аграрная реформа. Япония на протяжении многих веков была в первую очередь аграрным государством, поэтому проблема крестьянства являлась наиболее актуальной из всех социально-политических вызовов обновленной страны. При этом после формирования нового правительства оно было вынуждено предпринять ряд «непопулярных» шагов, связанных с введением новых налогов, что ухудшило и без того сложное положение японского крестьянства (результатом этого были постоянные крестьянские восстания).

Наиболее значимые преобразования в аграрной сфере связываются с правительственным разрешением создавать пахотные участки на тех землях, которые еще не были ранее обработаны (1871), с признанием частной собственности на землю и отменой запрета на продажу земли (1872). С этого момента была официально разрешена продажа, раздел, заклад и аренда земли для всего населения[1]. Общинная форма землевладения была преобразована в систему владения на основе сертификатов на землю.

[1] Сасаки Хироси. Тисокайсэй: земельно-налоговая реформа. Токио: Тюокоронся, 1989. С. 11.

С 1873 г. именно система сертификатов послужила основой обширных преобразований в области земельно-налоговых отношений, которые завершились к 1880 г.[1]

Так, изменение порядка взимания поземельного налога предполагало составление кадастровых книг, куда вносились цена земли, ее качественные характеристики (были установлены три категории качеств земли – низшая, средняя и высшая), имена землевладельцев. Соответственно и размеры государственных поземельных пошлин зависели от цены земли, а не от урожая, как раньше (пошлина определялась равной 3% от ее стоимости). В результате вносимый в бюджет государства налог на землю был денежным, а не натуральным и был равен примерно 30–35% стоимости урожая крестьянина. Вообще же поземельный налог составлял основу финансовой системы Японии[2].

Половинчатость реформы здесь проявилась в том, что при разделении земель на государственные и частные крестьяне перестали пользоваться бывшими княжескими лесами и лугами, поскольку основная их часть признавалась государственной собственностью или собственностью императорского дома.

Еще одной закономерностью, свидетельствующей об ухудшении положения крестьян, явился тот факт, что развитие капитализма в японской деревне сопровождалось укреплением землевладения помещиков при сохранении полуфеодальных методов эксплуатации крестьянства. Считается, что капитализм в японской деревне развивался по «прусскому пути», но при этом удельный вес феодальных пережитков в Японии являлся гораздо большим, чем в Германии. Обезземеливание крестьян постоянно сопровождало развитие японского капитализма, крестьяне уходили со своих земель: в 1883 г. обезземеливанию подверглись более 30 000 крестьян, в 1884 г. уже 70 000, в 1885 г. – 108 000. В этом, как уже было отмечено выше, заключалось еще одно проявление половинчатости буржуазных (в данном случае аграрных) реформ.

---

[1] Еремин В.Н. и др. История Японии: учеб. пособие / отв. ред. А.Е. Жуков. 2 изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН, 1999. Т. 2. С. 155.

[2] Щербаков Д.А., Емельянова О.Н. Земельно-налоговая реформа в Японии в эпоху Мэйдзи и ее значение // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 157.

Результатом земельно-налоговой реформы 1873 г. и других мероприятий в этой сфере стало то, что правительству Мэйдзи удалось обеспечить создание централизованной системы налоговых поступлений в бюджет, что привело к появлению условий для накопления капитала и интенсификации сельскохозяйственного производства[1]. Все эти факторы в дальнейшем стали основой развития японской промышленности. Выделим наиболее важные результаты этой земельно-налоговой реформы:

– новая система благодаря налогообложению в денежной форме стала эффективным инструментом, упростившим процесс сбора налога и формирования бюджета, а фиксированная налоговая ставка позволила создать более стабильный источник государственного дохода;

– унификация уровня налогообложения по всем регионам страны привела к определенному снижению налоговой ставки на сельскохозяйственный сектор японской экономики; в результате этого высвобождались некоторые ресурсы для обновления технической базы аграрного хозяйства;

– с получением единовременных выплат даймё и самураи лишились земель и других прежних источников дохода, что привело их к необходимости вкладывать финансовые ресурсы в зарождавшуюся японскую промышленность[2].

Промышленное развитие конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. в Японии примечательно тем, что активную роль в этом процессе играет государство, используя директивные (прямые) методы регулирования экономических отношений. Те финансовые ресурсы, которые были получены с помощью налогообложения крестьянства, направлялись на поддержку крупных промышленных предприятий, которые по задумке японских властей должны были внести весомый вклад в модернизацию армии, флота и позволить осуществиться масштабным военным планам. Основные усилия были направлены на строительство судостроительных верфей, арсеналов оружия, заводов по производству военной техники, производство стали и комплектующих для оборонного комплекса. Иные отрасли промышленности, напрямую не связанные с

[1] Щербаков Д.А., Емельянова О.Н. Указ. соч. С. 163.
[2] Там же. С. 163–164.

производством оружия и военной техники, также должны были служить основой для реализации главной цели.

Параллельно этому происходит смена собственников и переход основных предприятий в руки крупных корпораций. На протяжении 80-х гг. почти все предприятия по цене ниже рыночной продаются в руки частного бизнеса. Фактически весь рынок был поделен между представителями таких компаний, как «Фурукава», «Ясуда», «Мицубиси» и некоторых других. Поддержка со стороны государства выражалась в предоставлении особых привилегий бывшим самураям и даймё, в выплатах крупных сумм правительственных субсидий.

Наконец, тот факт, что нередко фабрики и мануфактуры, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, строились на деньги помещиков, а сами помещики сращивались с представителями капиталистических слоев, говорит о том, что промышленность Японии развивалась путем слияния крупной японской промышленной буржуазии и полуфеодального абсолютистского государства, что основывалось на необходимости для указанных процессов укрепления и длительного сохранения института императорской власти. Союз помещиков и представителей крупного капитала укреплял реакционность японской буржуазии, особенно ее высших слоев.

Методы организации производства, принципы промышленного капитализма, эффективно применявшиеся в то время в США и странах Западной Европы, активно внедрялись и в процесс индустриализации Японии. При этом они сочетались с японской социокультурной основой, что также оказывало влияние на своеобразие социально-экономических отношений в этой стране.

В результате объемы промышленного производства Японии к концу XIX в., несмотря на высокие темпы прироста, были ниже, чем в классических моделях капиталистической экономики (США и Западной Европы). В Японии существовала острая нехватка чугуна и стали из-за отсутствия собственного его производства, таможенные ограничения (последствия заключения неравноправных торговых договоров с зарубежными государствами) затрудняли наращивание внешнеторгового оборота, пережитки феодализма также замедляли развитие промышленных отношений.

Однако, несмотря на это, японская экономика уверенно развивалась на капиталистических принципах, а промышленность выходила на новый уровень.

Если же в целом подводить итоги периода реставрации императорской власти в Японии, то следует отметить, что революцию Мэйдзи можно считать незавершенной или не до конца завершенной. Причинами послужила совокупность факторов, важнейшие из которых – недостаточная организация крестьянского труда, сложное материальное положение крестьянства, длительный процесс становления японской буржуазии. При этом очевидно, что буржуазные отношения укрепились в японском обществе и экономической системе, свидетельством чему служат преобразования в соответствующих сферах жизни. Реформы японского правительства, хотя и были незавершенными, проводились с учетом особой исторической ситуации, тем не менее модернизировали большинство социальных и экономических сфер, вывели японское общество, политическую и экономическую систему на более высокий технический и политико-правовой уровень.

Не последнюю роль в этом процессе сыграло сословие самураев, занявших ключевые позиции в силовых структурах (полиция, армия, флот), научной и образовательной сферах. Именно туда они привнесли дисциплину, верность, воинственность и порядочность в качестве важнейших самурайских ценностей[1]. Результатом введения всеобщего начального образования и всеобщей воинской повинности было распространение указанных ценностей на все общество в целом[2].

Справедливо отмечается в науке, что в Японии, несмотря на уникальное сосуществование двух религий (буддизма и синтоизма), в эпоху мэйдзийских реформ синтоизм стал государственной религией и тем самым помогал воспринимать и соглашаться с преобразованиями как с исходящими от «верховного жреца» – императора[3].

---

[1] Скворцова Е.Л. О парадоксе эпохи Мэйдзи (1868–1911): культурологические проблемы перевода западной терминологии на японский язык в условиях восстановления традиционного общества // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 3. С. 37.

[2] Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Рипол классик, 2006. С. 702.

[3] Панов А.Н. Эпоха реформ в России и Японии (середина XIX века – начало XX века) // Ежегодник Япония. 2015. № 44. С. 321.

Считается, что реставрация императорской власти позволила Японии «прыгнуть» в эпоху Нового времени. Реформа системы государственного управления, государственного аппарата, модернизация армии и флота, совершенствование социальных отношений, оживление экономического сектора, наряду с общим положительным эффектом от отказа от режима изоляции, в совокупности привели к тому, что со второй половины XIX в. Япония может считаться конкурентоспособным буржуазным государством с динамично развивающейся экономикой при сохранении исторических и социокультурных основ.

5.3. Социально-политическая обстановка и развитие партийной системы

Социально-политическая ситуация в Японии с развитием капитализма характеризовалась усложнением отношений между социальными группами и обострением имевшихся и до революции Мэйдзи классовых противоречий. Ведущую роль в экономической сфере играла буржуазия, а также помещики, активно участвовавшие в предпринимательской деятельности. Сильное влияние имело сословие самураев, представители которых занимали большинство ключевых постов в структуре государственного аппарата (при этом характерно географическое влияние выходцев из княжеств Тесю и Сацума, располагавшихся в юго-западной части государства).

Проводимые правительством мероприятия и реформы встречали сопротивление среди большинства имевшихся в Японии социальных групп. Так, городская буржуазия мелкого и среднего уровня протестовала против наделения правительственными субсидиями лишь небольшого числа из крупных капиталистов, что лишало их существенной поддержки, так необходимой в переходный период.

Высокие земельные налоги, а также несправедливое их распределение (они направлялись на дополнительную поддержку и субсидирование крупной буржуазии) были причиной недовольства многочисленных помещиков, которые владели мелкими

предприятиями, специализировавшимися на переработке сельскохозяйственного сырья: такая правительственная политика тормозила прогресс развивающейся местной промышленности и сельского хозяйства.

Одновременно с этим представители либерально настроенной группы помещиков, наряду со средней и мелкой городской буржуазией, выступали за введение парламентского строя, стремились получить доступ к государственному управлению.

Наконец, самое угнетенное сословие – японское крестьянство находилось под серьезным налоговым давлением, терпело серьезные убытки из-за крайне невыгодных арендных поземельных отношений, что также добавляло элемент нестабильности в процесс модернизации японского общества.

В результате действия указанных факторов, важнейшими из которых следует считать повышение политической активности помещиков, усиление либеральных взглядов в их кругах, а также среди представителей крупной буржуазии (которая не была допущена к занятию правительственных должностей), вовлечение в политическую борьбу широких слоев мелкой и средней городской буржуазии, в Японии зарождается либерально-конституционное движение, известное как «*Движение за свободу и народные права*». Важно понимать, что это движение встретило широкое одобрение со стороны простых граждан, которые считали его возможностью «выразить свой протест против действий правительства и принять посильное участие в политической жизни страны»[1].

Движение, возникшее вначале 70-х гг. XIX в., имело в своей основе требование ряда чиновников императорского правительства, связанных с либеральными помещиками, создать систему представительных учреждений. С 1874 г. движение возглавлял Тайсукэ Итагаки – японский политический, военный и государственный деятель, вышедший из состава правительства, критиковавший его деятельность и предлагавший учредить избранный народом парламент.

[1] Ларионова А.Н. «Движение за свободу и народные права» и первые проекты конституции Японии // Вестн. РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 11 (20). С. 101.

С развитием «Движения за свободу и народные права» в Японии связывается появление групп и политических кружков, выступавших за равенство, свободу, закрепление и реализацию прав обычного народа, развитие оппозиционной печати в Токио и других городах.

В ответ на утверждения центрального правительства о том, что японский народ в основной своей массе неграмотен и поэтому не сможет эффективно осуществлять часть делегированных политических полномочий в случае введения института парламентаризма, на всей территории страны начинают образовываться местные ячейки «Движения», активными участниками которых были работники системы местного управления, крестьяне, учителя и иные активные слои населения. В регионе Сантама функционировало «Общество обсуждения науки и искусства», по сути представлявшее собой характерное для того времени сообщество, члены которого объединялись вокруг общих политических интересов и приверженности демократическим изменениям.

Наивысшего расцвета «Движение за свободу и народные права» достигает к концу 70-х – началу 80-х гг. XIX в., вовлекая в свои ряды значительную часть крестьянства и большинство городского населения. Из политических требований самым важным можно считать призыв к созданию парламента и парламентской политической системы (к этому призывало «Общество патриотов», созданное в 1878 г. – весьма влиятельная организация, объединявшая многочисленные организации, политические клубы и кружки и насчитывавшая порядка 100 000 членов к 1880 г.).

Широкий размах приобретает такая форма политической активности, как подача петиций, поскольку среди многочисленных местных политических организаций выбирались свои представители для делегирования в Токио и представления в столице разработанных ими петиций. Требованием большинства петиций были как политические изменения (демократические преобразования, создание и развитие парламентской системы), так и чисто экономические преобразования (ликвидация несправедливых поборов, снижение финансового гнета на крестьянство, повышение уровня жизни и многие другие).

Нарастающее петиционное движение вызвало обратную реакционную политику японского правительства, которое в октябре 1880 г. решилось на издание специального закона, нормы которого прямо запрещали подачу петиций, адресованных столичным властям. Проводя репрессивную политику, правительство Японии искало политического союза с умеренно настроенными либеральными группами и организациями, а в ноябре 1881 г. императорским указом было закреплено обещание созвать в 1890 г. японский парламент.

Разгон полицией собраний, политических митингов, цензура и закрытие газет как наиболее яркое проявление усилившихся репрессий тем не менее не только не смогли погасить петиционное движение, но и спровоцировали дальнейшее укрепление радикально настроенной части сторонников «Движения за свободу и народные права», которые привлекали на свою сторону уже гораздо более широкие слои населения.

Прямым результатом активизации политической деятельности в японском обществе явилось создание первых политических партий. Так, на основе «Лиги учреждения парламента» осенью 1881 г. либеральные помещики в союзе с интеллигенцией и сельской буржуазией, а также представителями крупной городской буржуазии создают Конституционную либеральную партию – *дзиюто* (известна также как *Либеральная партия*). Основной ее целью была реализация идеи конституционной монархии в Японии.

Весной 1882 г. создается еще одна политическая партия – «Партия конституционных реформ» (*кайсинто*) под руководством С. Окума. Основывавшаяся на поддержке крупных помещиков, связанных с крупной и средней городской буржуазией, а также включавшая представителей умеренно-либеральной интеллигенции, кайсинто основной своей целью считала создание двухпалатного парламента, кабинета министров британского образца, развитие и расширение полномочий и предметов местного самоуправления, а в результате – создание в Японии конституционной монархии.

В качестве политического противовеса указанным выше партиям правительство создает «Конституционно-императорскую партию» (*тэйсэйто*) 18 марта 1882 г. силами журналистов и общественных деятелей. Эта партия включала в первую очередь

чиновников, однако по причине малочисленности и отсутствия серьезной поддержки была распущена в сентябре 1883 г.

К середине 80-х гг. XIX в. в Японии активизируется деятельность радикально настроенных политических группировок, а также демократического крыла «Движения за свободу и народные права». Представителями радикальной интеллигенции были созданы несколько нелегальных организаций, участники которых подробно анализировали опыт и причины крушения Парижской коммуны, этапы и результаты деятельности российского революционного народничества. Принципы борьбы русских нигилистов, революционеров легли в основу идеологической подготовки соответствующих японских организаций радикального толка, призывавших к вооруженному сопротивлению правительственной власти.

Партия *дзиюто* в целом высказывалась за подготовку общего вооруженного выступления и намеревалась свергнуть правительство, опираясь на поддержку крестьян в центральных префектурах. Однако японские революционные группы в основной своей массе не обладали высоким уровнем организации, в результате чего действия их носили разобщенный характер, а подавляющее большинство нелегальных организаций в гарнизоне Нагоя и иных частях государства были раскрыты и ликвидированы полицией. Незначительные и немногочисленные вооруженные восстания, имевшие место в 1884 г., не играли особой роли и были успешно подавлены правительственными силами.

В частности, крупнейшим вооруженным восстанием можно считать выступление в префектуре Сайтама в районе г. Титибу. Лидеры и члены «Движения за свободу и народные права», возглавляемые Эйсукэ Тасиро, подняли на открытое вооруженное сопротивление порядка 10 000 крестьян, однако отсутствие согласованности с территориальными подразделениями революционеров вылилось в фактическую изоляцию восставших, которые потерпели поражение. Лидеры восстания были казнены.

Организованными усилиями правительства и полиции все восстания были подавлены.

Среди требований, выдвигавшихся в ходе революционного вооруженного противостояния, можно особо выделить призывы к отмене неравноправных торговых договоров Японии и возобновлению независимой и агрессивной внешней политики. При этом в 1889 г. Япония подписала новые торговые договоры с США, Россией и Германией, в результате которых некоторые ограничения таможенной автономии были отменены, хотя полной отмены кабальных условий удалось добиться лишь на рубеже XIX–XX столетий.

Таким образом, «Движение за свободу и народные права» имело существенное значение в процессе формирования политической системы общества Японии, закрепив достижения революции Мэйдзи на пути формирования капиталистических отношений.

5.4. Конституция Японии 1889 года

Рассмотрение японской Конституции, принятой в 1889 г., следует начинать с тех внутриполитических и внешнеполитических факторов, которые послужили основанием для создания условий принятия основного закона страны. Создание централизованного государства, являвшееся основной целью реформ 70–80-х гг. XIX в. в Японии, было успешно реализовано, а за десятилетие, предшествовавшее принятию Конституции Мэйдзи, были проведены коренные преобразования в области общественного и государственного устройства. В первую очередь, это создание кабинета министров, тайного совета, реформа судебной системы и местного управления, образование основанной на выслуге лет бюрократии, в результате чего происходит переход политических институтов Японии от традиционных к современным западным моделям[1].

[1] Жучкова С.М. Внутриполитическое развитие Японии в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2000. С. 14.

Таким образом, в Японии была создана так называемая императорская система, или тэнносэй – своеобразная структура государственной власти, при которой юридически закрепленная абсолютная власть императора осуществлялась назначаемыми чиновниками, но не вассалами-феодалами или наследственной знатью. Развитие государственного аппарата сопровождалось, естественно, повышением степени независимости государства от японского общества, при этом в науке справедливо подчеркивается, что разработка и принятие писаной Конституции должны пониматься как стремление олигархии с помощью правовых средств контролировать достигнутые буржуазные преобразования[1].

Особую роль играли и внешние факторы (внешнеполитические в первую очередь), главным из которых было стремление политической элиты Японии добиться соответствия государственно-правовых институтов этой страны известным европейским стандартам управления и бюрократии. Лидеры революции Мэйдзи ассоциировали возможность принятия Конституции и установление конституционализма с укреплением государства, с возможностью установления равноправных отношений Японии и западного мира.

Непосредственно для разработки проекта будущей Конституции создаются такие институты, как верховная судебная палата (*тасиньин*) и палата старейшин (*гэнроин*). С 1879 г. по поручению правительства начинается сбор письменных проектов будущего конституционного строя от всех советников, в результате чего обсуждению подлежало весьма большое количество позиций по поводу будущего государственного устройства. Обсуждения будущего развития зачастую переходили определенные рамки, нередко вели к политическим санкциям. Так, маркиз Окума Сигэнобу – японский государственный и политический деятель, финансист и дипломат, бывший сторонник взглядов, близких идеологии «Движения за свободу и народные права», в октябре 1881 г. был уволен с должности правительственного советника, а вслед за ним последовали и его сторонники.

Важнейшую роль в подготовке проекта Конституции сыграл японский государственный деятель Ито Хиробуми, который

[1] Жучкова С.М. Указ. соч. С. 15.

ознакомился с текстами конституций 15 стран и считал, что, в отличие от европейского принципа «объединяющей религии», центром и основой конституционного правления в Японии должна стать императорская династия, олицетворяющая государство и нацию. В качестве образца Ито Хиробуми выбрал самый реакционный текст – Конституцию Пруссии.

В июле 1884 г. в Японии вводятся аристократические титулы. По образцу Германии периода правления канцлера Бисмарка были введены пять титулов: маркиз, князь, виконт, граф, барон. Представителями новых аристократических фамилий становились выходцы из прежней придворной знати «кугэ», «даймё», высшие чины флота и армии, а также чиновники, безупречно показавшие себя в период реставрации Мэйдзи.

В 1885 г. японское правительство было реформировано на европейский манер – в структуре кабинета министров выделялось десять министерств: иностранных дел, императорского двора, внутренних дел, военное министерство, финансов, юстиции, морское, министерство просвещения, сельского хозяйства, путей сообщения и торговли.

Сама же церемония провозглашения Конституции прошла в императорском дворце 11 февраля 1889 г. – в день восшествия на престол в 660 г. до н. э. легендарного императора Дзимму. Текст Конституции был передан императором Муцухито в руки премьер-министра Курода Киётака, что означало своеобразное октроирование Основного закона японскому народу.

По справедливому высказыванию С.М. Жучковой, принятие японской Конституции позволило решить внутриполитические и внешнеполитические проблемы, а именно: послужило реальным доказательством достигнутого высокого уровня развития Японии, дало основания к пересмотру неравноправных договоров, а также способствовало снятию напряженности в обществе за счет формального допуска представителей оппозиционных политических сил к решению государственных дел[1].

Конституция Японии 1889 г. действовала до 1946 г. и считается одной из самых реакционных. Образцом для ее составления послужила прусская Конституция 1850 г. Императору, объявлен-

[1] Жучкова С.М. Указ. соч. С. 15.

ному неприкосновенной и священной особой, принадлежало право объявлять войну, заключать мирный договор, вступать в международные соглашения, созывать и распускать японский парламент, назначать на ключевые должности высших военных, гражданских и должностных лиц.

По Конституции в Японии учреждался двухпалатный парламент, включавший *палату пэров* (в нее входили назначаемые императором представители знати, члены императорской фамилии, а также лица, частично избираемые состоятельными налогоплательщиками на семь лет) и *палату представителей* (для выборов в эту палату использовался возрастной ценз в 25 лет, ценз оседлости, а также имущественный ценз, выражавшийся в необходимости уплачивать высокий налог). Палата представителей формировалась таким образом, что многочисленный слой трудящегося населения был фактически отстранен от участия в выборах.

Система разделения властей была построена таким образом, что парламент, который, помимо законодательных функций, имел право утверждения бюджета, не контролировал правительство: кабинет министров был ответственен перед императором.

В выборах японского парламента первого созыва участвовало не более 1% населения (приблизительно 460 000 человек из всей 50-миллионной страны), при этом депутатами стали исключительно представители от помещиков и буржуазии. Позже, в 1900 г., законодательно имущественный ценз был снижен и от обладающих активным избирательным правом подданных Японии требовалась уплата прямого налога в сумме 10 иен. В результате выросло и число избирателей, участвовавших в выборах, примерно до 1 миллиона человек.

По закону палаты японского парламента были равноправными, при этом у нижней палаты было даже некоторое преимущество в вопросе принятия бюджета: именно с нижней палаты начинал свое движение проект бюджета. Остальными привилегиями пользовалась верхняя палата, поскольку положение *палаты пэров* регламентировалось императорским рескриптом, в разработке которого нижняя палата никакого участия и влияния не имела. Что касается правового статуса нижней платы, то он опре-

делялся специальным законом, полноценное участие в разработке которого принимала палата пэров.

Японский парламент созывался ежегодно, процедура принятия решений была весьма усложненной: решения принимались абсолютным большинством голосов. Институт парламентской неприкосновенности депутатов защищал их от возможности быть привлеченными к ответственности за выступления в парламенте. При этом за пределами парламента депутаты подпадали под действие общих законов, никаких исключений в их правовом статусе не было предусмотрено.

Конституция наделяла парламент весьма ограниченной компетенцией. Так, в соответствии со ст. 5 император формально делил законодательную власть с парламентом. Но неофициально предполагалось, что парламентские полномочия являются результатом уступки императора, и в соотношении парламента и императора приоритет был на стороне последнего: деятельность парламента воспринималась отчасти как служение императору. Непосредственным следствием такого понимания сущности парламентских функций было отсутствие возможности у парламентариев выступить с инициативой изменения норм дарованной императором Конституции. Обсуждению подлежали лишь поправки, предлагаемые непосредственно императором.

Само собой разумеется, что парламенту запрещалось вмешиваться в решение вопросов относительно изменения статуса императорского дома. По ст. 74 изменения в статусе императорского дома не могли быть предметом обсуждения со стороны парламента.

Можно сказать, что император существенно влиял на работу парламента: в его полномочиях был созыв сессии парламента, открытие и закрытие ее работы; император имел право отсрочить заседания парламента, потребовать проведения закрытого заседания, мог прервать работу на 15 дней, наделялся правом роспуска палаты представителей. Кроме того, к компетенции императора относилось назначение председателя и заместителя председателя нижней палаты из числа предложенных кандидатов. Наконец, члены обеих палат парламента могли быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям, вплоть до исключения из состава палат.

Принадлежащее палатам парламента право законодательной инициативы полностью определялось императором, так как именно он утверждал законы и давал указания об их обнародовании и исполнении. Императору принадлежало безусловное и неограниченное право отклонения любого законопроекта, принятого парламентом. Ограниченность полномочий парламента ярко проявлялась в порядке принятия бюджета. Так, две трети бюджета находились вне парламентского контроля (речь идет о расходах на содержание государственного аппарата и вооруженных сил).

По нормам Конституции не требовалось и обязательного согласия парламента на принятие бюджета (здесь заметно ограничение парламентского контроля за исполнительной властью), характерное для конституционных актов европейских аналогов. В том случае, если бюджет не был утвержден парламентом, кабинет министров имел возможность принять его в объеме ассигнований предыдущего года (в соответствии со ст. 71 Конституции Японии).

Конституция Японии практически не содержала норм о правовом статусе правительства (лишь две статьи посвящались исполнительной власти кабинета министров), что потребовало закрепления соответствующих положений в специальном императорском распоряжении, опубликованном также в год октроирования Конституции. По составу японское правительство (кабинет министров) было немногочисленным и целиком зависело от императора. Так, император при формировании правительства не был связан соотношением политических сил в парламенте. Основной обязанностью министров являлась «дача советов императору», а также несение ответственности перед императором за эффективность реализации и успешность подобных советов. Буржуазный принцип контрасигнатуры (обязанность скрепления всех императорских указов, законов и иных государственных актов подписями соответствующих министров) совмещался в Японии с фактическим отсутствием парламентского контроля над правительством. Формальным закреплением элементов парламентского контроля можно считать право депутатского запроса (в этом случае требовалось собрать подписи не менее чем 30 депутатов), хотя и в случае успешного запроса любой министр не

обязан был давать ответ на запрос: достаточно было сослаться на тот факт, что запрашиваемая информация является секретной.

Очевидно, что конституционно-правовой практике разделения властей в Японии был чужд такой институт, как вотум недоверия правительству со стороны парламента или коллегиальная ответственность министров.

Еще одним характерным признаком японской системы власти можно считать милитаристские проявления бюрократического аппарата. Все вопросы, так или иначе связанные с формированием вооруженных сил, поддержанием боевой готовности армии и флота, не были подведомственными ни парламенту, ни кабинету министров. Лишь военный и военно-морской министры, являвшиеся одновременно командующими армией и флотом, имели право непосредственного доклада императору.

Милитаризм был идеологией господствующих классов японского общества, куда входила и буржуазия, стремившаяся развить свое могущество за счет освоения внешних рынков путем военного захвата соответствующих территорий и сфер влияния.

Императору принадлежали законодательные функции, ограниченные, однако, изданием указов, необходимых для исполнения законов, поддержания общественного спокойствия и порядка либо для развития благосостояния подданных. Подзаконный характер нормотворчества императора обеспечивался требованием параграфа 9 Конституции о том, что ни один императорский указ не должен ни в каком отношении изменять ни одного из существующих законов.

Что касается прав и свобод японских подданных, то следует отметить, что в Конституции нашли отражение такие из них, как право свободно избирать и менять место жительство (с некоторыми ограничениями, установленными законом), гарантии против произвольного ареста, задержания или наказания, тайна переписки, неприкосновенность права собственности, свобода вероисповедания, свобода устного, письменного, печатного слова, свобода общественных собраний и союзов. Указанные конституционные гарантии, однако, отчасти нивелировались с изданием норм закона об охране порядка, утверждавшего в определенных случаях возможность злоупотребления функциями полиции.

Раздел Конституции, посвященный правовому статусу японских подданных (ст. 18–32), составлен таким образом, что основное внимание уделяется именно конституционным обязанностям, ключевыми из которых были обязанность несения военной службы (начиная с 20-летнего возраста), а также уплата налогов.

Не провозглашался в Конституции принцип общегражданского равенства, так как фактически в Японии сохранялся сословный строй. Буржуазным достижением следует считать норму о равенстве подданных в отношении доступа к государственным должностям. При этом перечисленные в Конституции права и свободы не предоставлялись японцам безусловно: они снабжались многочисленными оговорками о «сообразности с законами», об «установленных законом пределах», «определенных законом случаях», «пределах, совместимых с общественным спокойствием» и т. д. Указанные условия и ограничения распространялись и на право собственности, которое не могло считаться абсолютным, поскольку был риск подвергнуться государственному регулированию (идеологически базу под такое ограничение подвел один из авторов текста Конституции граф Ито: по его словам, право собственности подвластно государству и потому оно подчиняется ограничивающим законам; оно ненарушимо действительно, но должно быть ограничено).

Судебная власть и судебная система были закреплены в Конституции в самых общих положениях, которые при этом имели принципиальное значение. Судебное разбирательство осуществлялось от имени императора и согласно законам (ст. 57). Структура судов была представлена местными, районными и окружными судами, которые назначались министром юстиции.

Учреждалась и система высших судов: верховный суд и семь апелляционных судов, председатели которых назначались императором, а члены – министром юстиции. Для замещения должностей судей устанавливались четкие требования: юридическое образование и опыт практической работы; запрет на участие в политической жизни (судьям категорически запрещалось занимать общественные должности, связанные с получением финансовых выгод, быть членами политических партий).

Судьи были несменяемы: сместить судью с должности можно было исключительно при наличии вынесенного в отношении их судебного приговора или дисциплинарного взыскания. Из особенностей норм относительно судебной власти можно выделить положение о возможности создания специальных судов, изъятие из подсудности обычных судов исков, относящихся к нарушению прав действиями исполнительной власти (подобные дела были в компетенции специального административного суда, который функционировал с 1890 г. и состоял из председателя и нескольких советников, назначаемых императором пожизненно).

Система местного управления была создана императорскими указами до принятия Конституции. Она предусматривала создание 46 губерний (или префектур), во главе которых находились назначенные императором губернаторы. Губернатору принадлежала вся полнота власти в пределах префектуры, в его функции входил надзор за выполнением императорских указов и правительственных распоряжений.

Помимо губернатора, в структуру местной власти входило выборное собрание префектуры, имевшее исполнительный орган в лице совета. Председательствовал в совете сам губернатор. Тот факт, что губернатор обладал правом отмены любого решения собрания префектуры и совета, говорит о номинальных и совещательных полномочиях указанных органов. Более того, губернатор с помощью поддержки министра внутренних дел мог добиться роспуска собрания и совета. Управление городами и селами также имело формальный характер и передавалось местным собраниям, их советам и мэрам. Характерно, что губернатор имел право отменять любое решение указанных местных городских и сельских органов.

Считается, что японская система органов местного управления была подвержена чрезвычайной бюрократизации и централизации (в первую очередь они подчинялись Министерству внутренних дел).

Что касается конституционно-правового регулирования системы местного самоуправления, то в самом тексте Конституции 1889 г. не было норм относительно местного самоуправ-

ления[1]. Хотя странно было бы ожидать появления этого демократического института в Японии, длительное время не имевшей никаких отношений с иными странами. Следует согласиться с тем утверждением, что, несмотря на отдельные права, которые получили местные органы власти, контроль над их деятельностью со стороны центрального правительства во все годы эпохи Мэйдзи оставался очень сильным[2].

Характерно, что Конституция 1889 г. была сравнительно краткой по объему (7 глав, содержащих 76 статей), в силу чего наряду с ней принимаются законы о порядке выборов в палату представителей, о палате пэров, о самом императорском парламенте, о финансовом контроле. Еще одной чертой текста японской Конституции было отсутствие в ней норм относительно престолонаследия (последние регулировались отдельным законом об императорском доме, нормы которого могли быть изменены только самим императором без участия парламента).

Японская Конституция 1889 г. была фактически слепком с европейских аналогов, и в первую очередь с Конституции Пруссии 1850 г. Лишь только три статьи Основного закона можно считать оригинальными, а именно нормы об императорских правах. Формой правления Конституция закрепила конституционную монархию, и это также явилось следствием рецепции европейских теоретико-правовых и конституционно-правовых идей: немецкие конституции XIX столетия также закрепляли эту форму властвования, а также теорию божественного права. Японское преломление этой теории – ее синтоистская формула: «единство политического управления и отправления религиозного культа (*сайсэй итти*). Император по Конституции 1889 г. был наделен статусом верховного жреца синтоистского культа»[3].

Вообще же надо отметить, что в ходе революции Мэйдзи перед политической элитой стояла весьма трудная задача возвращения императору положения одновременно и публичного, и сакрального правителя, которая была успешно решена с помо-

---

[1] Тадагава Сэйдзо. Конституция Японии 1889 г. и «модернизация страны» // Правоведение. 2009. № 4. С. 193.

[2] Сапрыкин Д.А. Формирование системы местного самоуправления Японии в эпоху Мэйдзи (1868–1911) // Восток (oriens). 2011. № 2. С. 31.

[3] Жучкова С.М. Указ. соч. С. 16.

щью соединения его религиозного и политического авторитета[1]. Следует отдать должное мудрости официальных идеологов реставрации Мэйдзи, поскольку они смогли трансформировать традиционные мифы в учение, способствовавшее объединению японской нации для выполнения задач модернизации[2].

Справедливо суждение о том, что вера в «божественность» императорского рода, в отеческое отношение императора ко всем подданным стала основой для ощущения японцами своего единства и появления в последующем теории японского превосходства[3].

Официальная японская политическая доктрина основывалась на идее, в соответствии с которой император не предпринимает никаких действий без согласования с советниками. Следствием реализации этой идеи было усиление в разработке и решении важных государственных вопросов роли совещательных органов, важнейшим из которых был *Тайный совет*. Сразу после принятия Конституции Мэйдзи законодательно роль Тайного совета расширяется, поскольку выводится из-под прямого влияния парламента и правительства. В Тайный совет входили представители высших военно-бюрократических должностей, а общая численность этого органа насчитывала 27 человек старше 40 лет, пожизненно назначенных императором.

Помимо обсуждения по запросу императора важнейших государственных дел, участия в формировании правительства, при назначении и смещении других высших должностных лиц Тайный совет занимался толкованием норм Конституции, что можно считать его важнейшей функцией. В совокупности же его компетенция и полномочия дают основания считать его самым влиятельным элементом во всей японской бюрократической системе (Тайный совет иногда называли «третьей палатой парламента»).

---

[1] Чистотина О. Культ императора как основа новой японской идентичности (первые годы эпохи Мэйдзи) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2012. Вып. 15. С. 99.

[2] Подробнее об этом: Сила-Новицкая Т. Г. Идеология «императорского пути» и массовое сознание // «Дух Ямато» в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1989. С. 46.

[3] Чистотина О. Указ. соч. С. 103–104.

Вскоре после принятия конституции определенное значение имел внеконституционный неформальный орган *гэнро* (совет старейшин) – традиционное обозначение ряда японских государственных деятелей, служивших в качестве неофициальных советников императора. Гэнро многие считают «отцами-основателями» современной Японии. Титул гэнро пожизненно имели приближенные к императору государственные деятели. Значимость их определялась тем, что они могли рекомендовать императору кандидатов для назначения на пост премьер-министра, получали доступ к решению важных проблем государственного управления. В эпоху Мэйдзи такой статус имели семь человек: князь Ито Хиробуми (1841–1909); граф Курода Киётака (1840–1900); князь Ямагата Аритомо (1838–1922); князь Мацуката Масаёси (1835–1924); граф Иноуэ Каору (1836–1915); маркиз Сайго Цугумити (1843–1902); князь Ояма Ивао (1842–1916)[1].

Статус гэнро нигде и никогда не был формально закреплен. Справедливо отмечается, что в тексте Конституции 1889 г. были некоторые правовые лакуны, которые несли на себе некоторый специфический культурный отпечаток. Так, в Основном законе практически не закреплялся юридический статус таких институтов, как реципированный из политико-правовой практики Британской империи *Тайный совет*, осуществлявший координирующие функции и дававший императору рекомендации по ключевым государственным вопросам; то же самое можно говорить и о совете гэнро, который, по своей сути, имел надправовую природу[2]. Решения в совете гэнро принимались коллегиально, чему предшествовали длительные и подробнейшие обсуждения. Гэнро тщательно анализировали будущие последствия своих решений.

Несмотря на неформальный характер этого органа, он был очень влиятельным. Об этом свидетельствует следующее высказывание: «Именно эти люди, стоявшие позади трона, обладали реальной властью в стране. Интересоваться их мнением по всем важнейшим вопросам и, что более важно, следовать ему, стало уже привычным делом. Никто не мог быть назначен на пост премьер-министра, не получив на то рекомендацию гэнро. До 1922 г. их одобрения не миновал ни один законопроект и ни одно сколь-

[1] Кантур Р.А. Институт гэнро в системе органов государственно-политической власти Японии эпохи Мэйдзи // Ежегодник Япония. 2015. № 44. С. 253.

[2] Кантур Р.А. Указ. соч. С. 254.

ко-нибудь важное международное соглашение, прежде чем на нем появлялась императорская подпись. В те времена именно эти люди были истинными властителями Японии»[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что Конституция 1889 г. имела в своей основе определенный компромисс между представителями крупной японской буржуазии и полуфеодальными помещиками, была важным и неизбежным этапом в процессе трансформации японской монархии из полуфеодальной в буржуазную и одновременно укрепляла монархический строй (пусть и в форме конституционной монархии).

Иными словами, Конституция Мэйдзи являлась результатом политического соглашения между приверженцами традиционной теократической монархии (их целью было сохранение власти императора как абсолютного главы государства, участвующего в управлении государством) и сторонниками авторитарного государства, предпочитавшими реальной власти императора власть бюрократии (которая действовала в основном от имени императора) и отводивших важную роль институту народного представительства.

Сравнительно небольшой отрезок времени понадобился Японии, чтобы превратиться из отсталой феодальной страны в одно из самых могущественных государств мира. Для сравнительно-исторического исследования нам в первую очередь интересен феномен прогресса правового регулирования. Примечательно это тем, что в ходе стремительного приобщения страны к новым формам правовой регламентации японцы не допустили радикальной ломки устоявшихся традиций, смогли обойтись без отказа от привычного образа жизни, но гармонично усвоили и логически трансформировали ценности и базовые принципы прошлого в передовые идеи настоящего[2].

В этом заключается уникальный феномен японского пути государственно-правового развития, сохраняющийся и в настоящее время[3].

---

[1] Цит. по: Quigley C. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. San Diego: CA, 2014. P. 200.

[2] Романовская В.Б., Пужаев В.В. Обычай и разум как источники японского права в эпоху Мэйдзи // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4 (52). С. 20.

[3] Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. М.: Высшая школа, 1994. Т. 2. С. 217.

5.5. Внешняя политика Японии в конце XIX века

Развитие японского капитализма с присущим ему усилением налогового бремени для крестьянства и ухудшением условий труда рабочих сопровождалось изменениями во внешнеполитическом курсе. Представители влиятельных самурайских слоев, не потерявшие связь с феодальным прошлым, стремились укрепить свои позиции внутри страны за счет успехов во внешней политике, которые связывались с победоносными войнами и захватом новых территорий. Японская буржуазия нуждалась в захвате территорий с целью формирования источников сырья и освоения колониальных рынков.

Буржуазия в Японии, как и во многих зарубежных буржуазных государствах (в том числе и в России рубежа XIX – начала XX в.), вступила в союз с помещиками и военной элитой, надеясь с помощью успешного осуществления колониальной агрессии в отношении других народов Азии добиться политической стабильности. Однако история показывает, что для реализации подобных планов необходимо удачное стечение многих обстоятельств, но самое главное – требуются быстрые победы на фронте с желательно минимальным количеством потраченных экономических и человеческих ресурсов. Последнее достигается далеко не всегда и не всеми государствами.

Используя имевшиеся противоречия между основными капиталистическими державами мира, японское правительство осуществляло указанную выше политику, пользуясь поддержкой со стороны США в своих первых агрессивных актах. Американская политическая и военная элита при этом ставила свои цели, связанные с созданием условий для экспансии американского капитала в Корею и на Тайвань, укреплением позиций американского бизнеса в самой Японии, ослаблением позиций России и Англии в дальневосточном регионе.

Первые попытки проведения агрессивной военной политики имели место в 70-е гг. XIX в., когда японцы, пользуясь поддержкой американских военных консультантов, высадили войска на китайском острове Тайвань. Успеха эта кампания не достигла по причине низкой готовности вооруженных сил Японии к участию в большой войне, а также благодаря упорному сопротивлению населения Тайваня.

Важным направлением в международной политике Японии была экспансия Курильских островов и острова Сахалин. С целью выработки соответствующей стратегии создается специальное бюро, занимавшееся отправкой колонистов на указанные территории. Противостояние японской и русской дипломатии, предметом которого выступало присоединение к Японии Южного Сахалина, завершилось заключением в 1875 г. русско-японского договора об обмене территориями (Санкт-Петербургский договор).

Согласно этому соглашению Российская империя получала в собственность весь остров Сахалин, но отдавала в обмен 18 Курильских островов (Шумшу, Алаид, Парамушир, Маканруши, Онекотан, Харимкотан, Экарма, Шиашкотан, Муссир, Райкоке, Матуа, Растуа, островки Среднева и Ушисир, Кетой, Симусир, Бротон, островки Черпой и Брат Черпоев, Уруп).

Этим договором были изменены положения Симодского трактата 1855 г., в соответствии с которым Сахалин находился в совместном владении двух стран. Жители территорий, подлежащих обмену, имели право вернуться в свое отечество или остаться на месте. Всем жителям гарантировались собственность, право занятия промыслами и свобода вероисповедания. Россия допускала в порт Корсаков на Южном Сахалине японские суда без уплаты торговых и таможенных пошлин в течение 10 лет (там учреждалось японское консульство). Кроме того, в отношении японских купцов и рыбопромышленников устанавливался режим наибольшего благоприятствования в портах и водах Камчатки и Охотского моря[1].

[1] Подробнее об этом: Елизарьев В.Н. История Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях. Южно-Сахалинск, 2002; Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. – 1917 г. Хабаровск, 2001; Кузнецов А.П. Вклад И.А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX в. СПб., 2007; Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А. Русские Курилы: история и современность: сб. док. по истории формирования рус.-яп. и совет.-яп. границы. М., 1995; Русско-японские договоры и соглашения // Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т. 22.; Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов: к проблеме русско-японских отношений в XVII–XX вв. М., 2005; Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855–1875 гг.: от Симодского трактата до Петербургского договора: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2004; Строева М.В. Петербургский договор 1875 г. и его роль в истории русско-японских отношений XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010; Шишов А.В. Россия и Япония: История военных конфликтов. М., 2000.

Соглашение 1875 г. вызвало неодобрение в обществе обоих государств, однако договор 1875 г. не был окончательным актом территориального размежевания между Россией и Японией, в дальнейшем последовали и иные конфликты между двумя странами. Санкт-Петербургский договор сохранял силу до 1905 г., когда по итогам Русско-японской войны был подписан Портсмутский мирный договор, в соответствии с которым Россия передавала Японии, как победившей стороне, весь Южный Сахалин и Курилы.

В 1876 г. Япония, используя военные угрозы, навязала Корее неравноправный договор, после чего можно говорить о начале политики проникновения японских колонизаторов в Корею.

К началу 90-х гг. XIX столетия у Японии уже имелась весьма современная, хорошо вооруженная армия и боеспособный военно-морской флот. Основной целью Японии было завоевание Кореи и война с Китаем. Японию в этом направлении активно поддерживали США и Англия, стремившиеся ослабить позиции России в тихоокеанском регионе.

В конце июля 1894 г. Япония начала военные действия против Китая, известные как Японо-китайская война: война Японии против маньчжурской империи Цин с целью установления господства в Корее и проникновения в Маньчжурию и Китай. Победа в этой войне и заключение в апреле 1895 г. унизительного для Китая Симоносекского договора привело к тому, что в мае 1895 г. японцы получили островов Пэнху и Тайвань, а также Ляодунский полуостров.

Военные действия на Тайване между японцами и местными партизанскими формированиями продолжались вплоть до 1902 г.

В результате рассмотренных событий, а также учитывая огромную контрибуцию, выплаченную Китаем Японии, можно говорить о том, что Япония стала одной из ведущих колониальных держав своего времени.

Таким образом, к рубежу XIX–XX вв. Япония становится сильным капиталистическим государством, проводящим агрессивную внешнюю политику, что во многом явилось результатом проведенных буржуазных преобразований в экономической и социальной сферах в эпоху реставрации Мэйдзи.

6. Государство и право Китая в Новое время

6.1. Общественная структура и государственное управление в период империи Цин

В типичном феодальном китайском обществе, сохранявшем свои устои в течение нескольких веков, приблизительно с XV столетия, становятся заметными кризисные явления и экономический упадок.

В начале XVII в. недовольство династией Мин послужило причиной начала масштабного народного восстания (1628–1644), которое возглавил *Ли Цзычэн*. Непосредственным поводом к восстанию послужил голод, разразившийся в провинции Шэньси. Ли Цзычэн, обладая талантами военачальника и организатора, к концу 30-х гг. XVII в. придал войскам масштабность, поддерживал в них жесткую дисциплину (им запрещалось осуществлять грабежи, а бедняков поддерживали раздачей пищи).

В 1644 г. Ли провозгласил себя первым императором империи Шунь, занялся формированием аппарата и раздачей должностей, а также чеканкой собственной монеты.

Пришедшая к власти с помощью китайской аристократии маньчжурская династия *Цин* к 1683 г. подчинила себе всю территорию Китая, создав огромную империю. Агрессивная и завоевательная политика этой династии на протяжении XVII–XVIII позволила присоединить Монголию, Джунгарское ханство, Тибет.

Китайская империя династии Цин, как и любая империя, столкнулась с необходимостью охраны огромной территории и поддержания границ в безопасности, что требовало около трети всего бюджета. К концу XVIII столетия такая политика привела к ухудшению экономической ситуации, усилению налогового давления на земледельцев, ремесленников и крестьян (последние испытывали обнищание и обезземеливались) и в целом к социальной напряженности. Ситуация ухудшалась высоким уровнем коррумпированности чиновников, а также антиправительственными настроениями.

Вообще же сами маньчжурские территории в составе Цинской империи представляли собой особое политико-географическое образование, специфический хозяйственный район, где можно было наблюдать этнические и демографические процессы, уникальную приграничную территорию, имеющую важное военно-политическое значение[1].

В системе государственного управления империи Цин Маньчжурия также была особым территориальным районом, что обусловлено было следующими факторами: а) Маньчжурия была отдалена от экономически развитых и густонаселенных внутренних районов Китая; б) на этой территории проживало население, различавшееся как по своему этническому составу, так и по экономическому, политическому и культурному уровню развития; в) Маньчжурия имела определенное сакральное значение, как священная прародина династии Цин; г) это была территория, посредством которой происходило взаимодействие с Россией[2].

К началу XIX в. основная часть населения открыто призывала к свержению чуждой китайцам маньчжурской династии и восстановлению исконной династии Мин.

Общественный строй Китая в XIX в. был традиционным, основной экономической единицей оставалась община, а главным средством производства была земля, делившаяся на коллективные и индивидуальные наделы.

Своеобразие *общественного строя* Китая заключалось в том, что четкой градации слоев не наблюдалось. Представители маньчжурской династии Цин занимали основные должности в армейской иерархии и гражданских властных структурах. Как справедливо отмечается в науке, власть верхушки немногочисленных маньчжурских племен над многомиллионным китайским народом основывалась на союзе китайских феодалов и завоевателей. Помимо прослойки маньчжурских завоевателей, можно выделить ученых (*шэньши*), которые служили базой для формирования штата чиновников (им мог стать китаец, получивший ученую степень). Крестьян и помещиков условно можно объединить

[1] Пасмурцев В.А. Маньчжурские территории как фактор политики империи Цин (середина XVII – начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 108–109.

[2] Там же. С. 109.

в одну группу, поскольку они несли на себе массу трудовых повинностей. В одну группу можно также отнести ремесленников и торговцев.

В соответствии с традиционным подходом в Китае сословное деление складывалось исходя из рода основных занятий. Так, можно выделить *ученых* (*ши*), *ремесленников* (*гун*), *земледельцев* (*нун*), *торговцев* (*шан*). Выше этих четырех основных сословий (*сыминъ*), как это всегда было в Китае после иноземного завоевания, стояло сословие победителей. Как указывает С.Л. Тихвинский, таковым со второй половины XVII по начало XX в. было верховное сословие «*знаменных*» (*цижэнь*), состоявшее из маньчжуров, «знаменных» монголов и китайцев (*ханьцзюнь*). Кроме того, в традиционном Китае существовало еще одно сословное образование – «внесословные» низы общества, «подлый люд» (*цзянъминъ*)[1].

Несмотря на такую классификацию в реальности общественная структура могла складываться иначе. Например, «ученым» в Китае считался и крупный сановник, и полуграмотный человек, если он купил у властей звание студента казенного провинциального училища; земледельцем мог быть и фактически безземельный арендатор, и крупный землевладелец, который никогда в жизни не прикасался к орудиям земледельческого труда; ремесленником мог являться владелец крупной мануфактуры, которой он лишь руководил, и кустарь-одиночка; а торговцем – уличный коробейник и купец-миллионер.

Члены каждой из указанных социальных групп обладали различным правовым статусом, т. е. могли принадлежать к разным сословным группам внутри одного и того же сословия. Поэтому реальная структура китайского общества была гораздо сложнее официального провозглашенного сословного деления (для официальной дифференциации, как указано выше, применялся критерий рода профессиональной деятельности). Следовательно, общество Китая имело не только классовое деление по экономическому признаку и дифференциацию по признаку правового регулирования, но также предполагало сложное деление внутри самих сословий.

[1] История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. VI: Династия Цин (1644–1911) / гл. ред. С.Л. Тихвинский; отв. ред. О.Е. Непомнин. М.: Наука, 2014. С. 377.

Императорская фамилия владела примерно 10% всех пахотных земель в Китае, наряду с представителями маньчжурской аристократии, офицерами маньчжурской армии и солдатами. Система городского производства при маньчжурах в XVIII в. особо не изменилась: ее основу составляли корпоративные организации (*хан*), куда входило городское торговое и ремесленное население; важную роль в процессе формирования корпораций играли экономические, территориальные и иные связи.

Отчасти корпорации хан выполняли некоторые функции внутреннего самоуправления, координации усилий местного сообщества в хозяйственной сфере, однако в основе своей были организациями, созданными для упорядочения сбора налогов в казну. По этой причине городские корпорации несли весьма серьезное бремя уплаты большого количества налогов, выполняли многочисленные трудовые повинности.

Правовой статус частных ремесленников характеризовался их абсолютной незащищенностью перед представителями власти, поскольку в любой момент ремесленник мог быть отправлен на выполнение работ в противоположный конец страны, а путь туда мог занимать до нескольких месяцев. По мнению известного советского китаиста А.В. Меликсетова, практически с самого начала господствующего положения в Китае маньчжуры использовали традиционные взгляды на решение вопроса о соотношении земледелия и торговли: первое объявлялось главным и считалось почетным занятием, а ремесло и торговля воспринимались как второстепенные виды хозяйственной деятельности. Предприниматель, купец для маньчжурских правителей был в первую очередь носителем опасного мировоззрения, нежелательным общественным элементом, поэтому не воспринимался как опора существовавшего режима. Возможно, именно в этом кроется причина того факта, что в отличие от европейских городов (центров торговли, культуры, экономического и политического развития) китайские города особого статуса никогда не имели, а особой разницы в правовом статусе китайского города и деревни практически не существовало[1].

[1] История Китая: учеб. / под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ: Высшая школа, 2002. С. 289.

В области относительно крупного производства можно выделить казенное ремесло, которое имело преобладающий характер, поскольку обеспечивало аристократию, армию и весь маньчжурский двор основными необходимыми видами продукции. Развитию капиталистических отношений в Китае в этот период препятствовала незащищенность прав личности, отсутствие механизма правовой защиты имущества, собственности, связанных с этим правовых отношений.

Крестьяне в Китае периода цинской династии подразделялись на несколько категорий. Критерием такого деления служил фактор монопольного права государства на землю. Исходя из основных форм землевладения и в зависимости от категории земли, на которых работали крестьяне (земли казны, свои участки, сопряженные с податными тяготами – налогами и трудовой повинностью в пользу государства, или арендованные у «богачей» поля), они были либо *казеннозависимыми*, либо *податными*, либо *частнозависимыми*[1]. В составе казеннозависимых выделялись государственные крепостные (*чжуандин*) и потомки тех свободных китайских земледельцев, которые в период маньчжурского нашествия второй половины XVII в. добровольно перешли в крепостную зависимость от завоевателей. Данная разновидность казенных крепостных именовалась *тоучунжэнь*. Чжуандин и тоучунжэнь обрабатывали земли императорских поместий (*хуанчжуан*), поместий маньчжурской знати (*цзуншичжуан*), поместий, приписанных к «восьмизнаменным» войскам (*бацичжуан*), а также поместий различных ведомств центрального правительства (*гуанъчжуан*). Тоучунжэнь работали на «знаменных» землях, а также вне поместий – на семьи офицеров и солдат[2].

Государственный строй можно охарактеризовать как абсолютную (неограниченную) монархию. Все ветви власти были сосредоточены в руках императора (*богдыхана*), считавшегося божественной особой. Он мог завещать трон по принципу первородства, но не был жестко связан никакими правилами и мог избрать любого из своих сыновей в качестве преемника.

---

[1] История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. VI: Династия Цин (1644–1911). С. 399.

[2] Там же. С. 400.

Важнейшими элементами государственного аппарата в период правления империи Цин можно считать *Военный совет* и *Императорский секретариат*. Последний был создан довольно давно (в 1671 г.), занимался организацией и решением гражданских и военных вопросов, состоял из входивших в него на равной основе китайских и маньчжурских сановников. Военный же совет создается после 1732 г. по причине возникшей необходимости совершенствования порядка оперативного руководства военными действиями в увеличившихся завоевательных походах богдыханов. Все ключевые и важнейшие государственные дела были подведомственны именно этому органу.

Система высшей исполнительной власти возглавлялась императором (этот принцип был неизменный, как и при династии Мин), который опирался на деятельность шести центральных приказов (*министерств)*: ведомство налогов, чинов, военных дел, церемоний, общественных работ и уголовных наказаний. Среди иных центральных ведомств можно выделить *Палату цензоров*, которая являлась неизменной (со II до н. э.) инстанцией по контролю за деятельностью столичных и местных чиновников.

Система местного управления основывалась на делении государства на провинции, внутри которых выделялись округа, области и уезды. Общее управление провинцией осуществлял наместник, у которого в подчинении было два губернатора (военный и гражданский).

Местная администрация была полностью подконтрольна центру. Внимания заслуживает система *баоцзя*, которая использовалась при сборе различных налогов и в городе, и в деревне. Она представляла собой систему организации крестьянских дворов в феодальном Китае, которые подлежали объединению в *бао* – особые единицы, где использовалась практика круговой поруки. Все население объединялось в так называемые *десятидворки*, члены которых отвечали друг за друга в случае каких-либо нарушений закона, а также по вопросу выплаты налогов. Подобная система доказала свою эффективность в Китае и применялась весьма длительное время для управления территорией огромной империи из единого центра. В результате к концу XVIII столетия население Китая составляло около 300 млн человек, над которыми

был сформирован штат в 27 000 чиновников (около 20 000 гражданских и 7 000 военных управляющих)[1].

Несмотря на общую тенденцию соединения власти в руках одного управителя, судебные функции были выделены в отдельную сферу управления, поскольку есть свидетельства относительно выделения специальных чиновников для осуществления правосудия.

Что касается политической организации общества, которая существовала и до правления цинской династии, она не претерпела существенных изменений со сменой правящей династии, Китай оставался обычной «восточной деспотией» с присущими этой форме правления признаками. Император обладал, по сути, ничем не ограниченной властью, а жители считались подданными государя. Указанный тип властвования сохранялся вплоть до начала XX в. с сохранением основных характеристик императорской власти, берущих свое начало еще с древнего периода китайской истории. Император носил статус Сына Неба, что непосредственно связывалось с его божественным происхождением.

6.2. «Опиумные войны»

Китайская политика изоляции от внешнего мира, так же как и в Японии, настораживала западные державы, которые в конце XVIII – начале XIX в. перешли к прямому давлению на Китай с целью открытия новых рынков сбыта и общего контроля этой территории. Наибольшую активность проявляла Великобритания, которая в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. начинает военные действия против Китая, получившие известность как «*опиумные войны*».

Войны 1840–1842 гг., а также последующие события 1856–1860 гг. были, по утверждению С.Л. Тихвинского, настоящей вооруженной интервенцией со стороны Великобритании (а также Франции и США), цель которой заключалась в насильственном открытии портовых городов Китая для осуществления

[1] История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. VI: Династия Цин (1644–1911). С. 391–392.

торговли, в первую очередь опиумом – наркотиком, выращиваемым на плантациях Британской Ост-Индской компании в Бенгалии и контрабандно ввозимым в Китай в обмен на серебро и китайские товары: сельскохозяйственную продукцию, произведения искусства и высококачественные ремесленные изделия[1]. При этом о справедливой взаимовыгодной торговле США и Франции с Китаем в эти годы говорить не приходится. В то время как официальный Китай запрещал торговлю опиумом, английские торговцы активно использовали подкуп чиновников. Довольно частым было явление, когда англичане обменивали опиум на чай[2].

Собственно опиум как предмет торговли с Китаем возник не случайно. Дело в том, что в качестве платы за продаваемые на Запад шелк, чай и фарфор китайцы требовали серебро, что не устраивало ни английских коммерсантов, ни английское правительство, опасавшееся утечки из страны драгоценных металлов[3]. Товаром, способным вызвать массовый спрос в Китае, англичане посчитали опиум (он производился в Бенгалии под патронажем Ост-Индской компании), поскольку рассчитывали по мере увеличения числа наркозависимых китайцев изменить торговый баланс в пользу Великобритании. Расчет оказался верным.

Все попытки китайских властей прекратить торговлю опиумом привели, с одной стороны, к росту контрабандного оборота в ужасающих (даже по китайским меркам) масштабах, а с другой – привели к началу настоящей войны с целью защиты наркоторговли.

Ослабленная коррупцией и взяточничеством устаревшая (по сути феодальная) армия династии Цин была не способна противостоять современной и прекрасно оснащенной британской армии и флоту. Итог войны – поражение Китая и заключение в 1842 г. неравноправного договора с Англией (Нанкинский дого-

[1] Тихвинский С.Л. Некоторые соображения по освещению маньчжурского правления в Китае (в связи с книгой О.Е. Непомнина) // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 101.

[2] Петров Г.Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. 2008. № 2. С. 141.

[3] Поликарпова Е.В. Трансформация китайской государственности в новое и новейшее время // Lex Russica. 2016. № 2 (111). С. 148.

вор), а в 1844 г. – подобных договоров с Францией и Соединенными Штатами Америки.

Условия договоров:

– открытие пяти портов для иностранной торговли;

– контрибуция в больших размерах в пользу Англии (за уничтоженный китайцами опиум);

– льготные таможенные тарифы;

– экстерриториальность и право на концессии для иностранных торговцев.

В семи специально очерченных территориях (сеттльментах) иностранцы имели право пользоваться принципом экстерриториальности: там создавалась система управления, выведенная из-под юрисдикции китайских властей; в этих территориях находились иностранная полиция и части вооруженной армии. Что касается китайских портов, то там китайцы были обязаны способствовать формированию системы иностранных поселений, а также выделять участки земли и недвижимость для поселенцев (за «справедливую» арендную плату).

В 1856–1860 гг. англичане, вступив в союз с Францией, начали Вторую и Третью опиумные войны. В октябре 1860 г. армия союзников вступила в Пекин, где были подписаны Пекинские договоры с Англией, Францией, а также с Россией. Все последующие десятилетия XIX в. страна фактически превращалась в полуколонию великих держав, которые захватывали ранее независимые приграничные области[1].

Поражение Китая в Первой опиумной войне, повлекшее превращение его в полуколониальную страну, а также подрыв внутренней экономики за счет экспансии иностранных товаров, привело к *Тайпинскому восстанию* 1850–1864 гг.

Фактически это была крестьянская война против иностранных колонизаторов и самой маньчжурской империи Цин. В качестве лидера этого движения выдвинулся религиозный вождь Хун Сюцюань, который в итоге создал независимое государство – *Небесное царство великого благоденствия* (*Тайпин тянь го*), функционировавшее на завоеванных им территориях.

[1] Поликарпова Е.В. Указ. соч. С. 149.

Завоеванная территория, объявленная Тайпинским государством, представляла собой значительную часть Южного Китая с проживавшими там 30 миллионами жителей. Из наиболее известных (часто радикальных) преобразований тайпинов можно выделить социальные реформы, смену традиционной китайской религии на нечто похожее на видоизмененное христианство. Тайпинов часто именовали «длинноволосыми» (*чан мао*) и «волосатыми бандитами», поскольку они принципиально не признавали прически с бритой головой, которые должны были носить все подданные государства Цин.

Тайпинское восстание вылилось в большое количество местных вооруженных столкновений в различных частях империи Цин, целью которых была борьба против маньчжурских властей. Некоторые из таких восстаний сопровождались провозглашением собственного государства (например, восстание *няньцзюнь* на Севере Китая, восстание *Общества малых ножей* в Шанхае, восстание *красноголовых* в области Гуандун). После того, как положение в стране было критическим, предпринимались походы на Пекин и в другие части страны, а тайпины заняли крупные города (например, Ухань, Нанкин), в войну вступили иностранные государства.

После того как тайпинское руководство обосновалось в Нанкине и объявило его своей столицей, была обнародована политическая программа, известная как «Земельная система небесной династии». Планировалось, что эта утопическая программа преобразования китайского феодального общества в военизированное патриархальное общество, основанное на идеях «крестьянского коммунизма» и на началах уравнительности всех его, станет своеобразной конституцией тайпинского государства.

По принципам утопического «крестьянского коммунизма» программа провозглашала полное уравнение всех китайцев в сфере потребления и производства. Первоначально тайпинами задумывалась отмена всех товарно-денежных отношений, но на первое время от этого было решено отказаться (лидеры понимали, что торговлю следует сохранить в минимальных объемах либо, в крайнем случае, с иностранными державами) и было предложено учредить специальную должность уполномоченного по торговым

делам (именуемого «небесный компрадор»). Все жители должны были нести обязательную трудовую повинность.

Типичное утопическое учение, как и ранее в европейской истории, было воплощено в жутких формах. Так, нетерпимо относясь к традиционным китайским религиям, тайпины уничтожали буддистские и даосские книги, физически истребляли представителей господствующих слоев. Армия подлежала ликвидации, равно как и рабское состояние и вся сословная система. Общественное управление строилось на основе военной организационной структуры: базовой военной и одновременно административной единицей становилась община-взвод, включавшая в себя 25 семей.

Каждая семья выделяла одного человека в армию, которая представляла собой высшую институциональную организацию нового тайпинского общества. Указанная военная организация сочетала в себе, однако, и некоторые демократические основы, например должности командиров взводов были избираемыми народом. Новшеством было также уравнение женщин в правах с мужчинами. Многие из имевшихся традиций и обычаев (например, древний обычай бинтования ног у девочек) были упразднены. Также на территории, подконтрольной тайпинами, было запрещено курение табака, опиума, занятие азартными играми, употребление спиртных напитков.

В качестве крайне радикальной меры борьбы с прежним режимом захватчиков маньяжуров можно выделить ликвидацию казенных предприятий в захваченных городах. Так, к примеру, в Нанкине были уничтожены шелковые мануфактуры, считавшиеся крупнейшими в Китае; императорские печи для обжига «дворцового» фарфора, располагавшиеся в Цзиндэчжэне, также были полностью разрушены.

Таким образом, с момента муньчжурского завоевания Китая 1644 г. восстание тайпинов считается самым масштабным, имевшим характер тотальной войны, сопровождавшейся уничтожением всех объектов гражданской инфраструктуры. К тому времени это была самая кровавая гражданская война в истории человечества и наиболее крупный вооруженный конфликт в XIX в. С учетом всех прямых и косвенных жертв потери по разным данным колеблются от 20–30 до 70–100 миллионов человек. Количе-

ство беженцев сейчас и вовсе трудно посчитать, но точно ясно, что счет измеряется многими миллионами человек.

Масштаб восстания был огромным: целые города были разорены, мастерские, мануфактуры и многочисленные торговые заведения были уничтожены, деревни стояли пустыми и заброшенными, бесхозные поля зарастали кустарником, дамбы и плотины, равно как и вся оросительная система, были ликвидированы. Указанные бедствия усиливали последствия войны, порождая все новые жертвы массового голода. Те мероприятия тайпинского руководства, о которых шла речь выше и которые были направлены на поддержку населения на завоеванных территориях, с учетом жутких человеческих жертв и спада производственных отношений, не имели результата.

Военные расходы и бремя войны обусловили ряд противоречивых, непоследовательных и крайне непопулярных мер тайпинского руководства, особенно сказавшегося на китайской деревне. Все те привилегии и преимущества, которые на первых этапах войны имела тайпинская налоговая система, со временем становились незаметными, а само государство тайпинов, образовавшееся на внушительной территории, стало похоже на цинскую империю.

Крестьянство, которое более других сословий испытало на себе все тяжести войны, было утомлено военными действиями, искало мира и порядка, а потому постепенно переставало оказывать поддержку повстанцам. Массовый исход и бегство крестьян из деревень на оккупированной тайпинами территории, сказывались на ходе военных действий повстанцев, ухудшая их положение. Указанные факторы послужили причиной для коренного перелома в ходе военного противостояния, в результате чего тайпины были подавлены цинской армией при поддержке англичан и французов.

«*Опиумные войны*» и *тайпинское восстание* показали очевидность реформ, которые были проведены.

1. Вместо двух губернаторов вся власть в провинциях сосредотачивается исключительно в руках наместников. Вместе с тем наместники получают гораздо больше привилегий и полномочий, например они имели право осуществлять казни без получения предварительного разрешения сверху тех преступников,

которые обвинялись в принадлежности к тайным обществам. Казням подлежали и те, кто намеревался подорвать или ликвидировать существующий строй, был обвинен в произведении открытых мятежей и разбое. Тем не менее, учитывая последствия войны и несмотря на ее положительный исход, маньчжуры после победы над тайпинами, были вынуждены предоставить китайским феодалам, по сути спасшим вместе с иностранцами династию Цин, места в государственном аппарате. При этом формирование самой бюрократической системы сопровождалось усилением произвола чиновников, распространением практики открытой продажи должностей за деньги, растущей коррупцией.

2. Проводится политика «самоусиления», в соответствии с которой провозглашается курс на более тесное внешнеэкономическое и внешнеполитическое сотрудничество с иностранными державами, на построение эффективной военной промышленности и модернизацию армии по современным стандартам.

Лозунги «самоусиления» стали идейной основой всего реформаторского движения, начавшегося в 1869 г. Политика так называемого самоусиления активно поддерживалась крупными военачальниками, которые укрепили свои позиции после победы над тайпинами.

Реформы, проводимые в рамках политики «самоусиления», часто замедлялись непрекращающейся борьбой придворных группировок, повсеместной коррупцией и некомпетентностью государственного аппарата. Кроме того, нередко средства, выделяемые на модернизацию, использовались не по назначению, а направлялись на строительство и украшение императорских дворцов[1]. Английские и немецкие мастера и инструкторы зачастую способствовали не реальной модернизации армии Китая, а сбыту некачественного либо устаревшего оружия. При этом политика «самоусиления» имела определенно прогрессивное значение, поскольку служила основой для попыток реформирования общества империи Цин в будущем.

[1] Поликарпова Е.В. Указ. соч. С. 150.

6.3. Реформаторское движение в Китае

Военные поражения Китая в «опиумных войнах» подтолкнули правящую военную и гражданскую элиту к переходу к политике заимствования наиболее эффективных приемов «инородцев» для их подавления и ликвидации их влияния. Первое, на что обращали свое внимание китайские правители, было заимствование материальной составляющей западной культуры, а именно вооружения и передовых методов его применения. Кроме того, китайцы стремились понять и внедрить в свою систему управления принципы назначения должностных лиц.

Так возникает знаменитое *реформаторское движение*, начавшееся с 60-х гг. XIX в. Его главным лозунгом было практическое воплощение тезиса «китайские знания – сущность, западные знания – инструмент» («*чжунсюэ вэй ти, сисюэ вэй юн*»). Этот принцип приписывают известному сановнику-реформатору конца XIX в. *Чжан Чжидуну*, однако этот подход упоминался в китайских источниках ранее, на рубеже Минской и Цинской эпох. Основу указанного тезиса составляла практика внедрения традиционных норм в китайскую политику и мораль, а в качестве иного компонента – идея о возможности прикладного применения западной науки и техники в Китае на благо национальной экономики и безопасности (здесь напрашивается аналогия с другим восточным подходом – японским, в соответствии с которым при проведении буржуазных преобразований в эпоху Мэйдзи японцы также активно искали наиболее подходящую к своим традициям и условиям европейскую модель, остановившись в итоге на Пруссии, с ее тяготением к порядку и четким нормативным предписаниям, особенно в сфере конституционно-правового регулирования).

Вообще же надо отметить, что идеи вестернизации в Китае, как обращение к западному опыту и цивилизационным достижениям, владели умами многих выдающихся китайских интеллектуалов в течение нескольких столетий. Часто именно ориентация на Европу выступала средством и орудием в борьбе с отсталостью и закоренелым консерватизмом китайского общества. Китайская самобытность и закрытость как причина отсталости

страны в сфере науки, культуры, политики, техники трактовалась как объективная причина необходимости привлечения западных достижений в указанных областях. Первые попытки обратить внимание на важность проблемы ориентации на Европу появляются на рубеже Минской и Цинской эпох, когда китайцы могли получить доступ к западной культуре, науке и иным достижениям цивилизации. Много для распространения вестернизаторских идей и соответствующих теорий сделали многочисленные миссионеры.

На противоположной стороне идейно-теоретического дискурса были приверженцы превосходства национальной китайской культуры, которые стремились обнажить известные недостатки западной цивилизации: материальное начало, индивидуализм, разделение права и морали в процессе регулирования общественных отношений, специфический менталитет европейцев.

Идеи вестернизации получили дополнительный импульс во второй половине XIX в., когда отставание Китая от ведущих западных держав становится наиболее заметным и при этом не ограничивается одной сферой культурного развития, а затрагивает элементы культурной структуры общества. Некоторые известные китайские политические деятели, ученые предлагали свои проекты заимствования Китаем образцов западной демократии. Одним из первых среди них был Вэй Юань (1794–1856) – конфуцианский ученый, политический деятель Китая эпохи Цин, известный своими страноведческими и географическими сочинениями, дающими представление о государствах Европы и Америки. Вэй Юань в период после «опиумных войн» был активным и ярким сторонником идеи умеренной модернизации Китая с помощью восприятия достижений науки и техники запада (так называемое самоусиление).

Реформистское движение основывалось на определенной теоретической базе. Так, начиная с 80-х гг. XIX в. отдельные китайские писатели, такие как Чжэн Гуаньин, формулируют новые идеи и основы экономического развития, предлагают свои пути реформирования государственного сектора и системы государственного управления. При этом уже к началу 90-х гг. XIX столетия прогрессивные идеи получают в Китае неожиданно большую популярность и все движение достигает широкого размаха.

Не последнюю роль в распространении указанных идей сыграло активное развитие телеграфной связи, прессы на китайском языке, пароходного сообщения, что позволило получать информацию даже тем района Китая, куда она ранее не доходила.

Побывавшие в Европе и США китайцы активно делились своими наблюдениями, миссионерские общины издавали в большом количестве книги. Поражение же Китая в войне с Японией в 1894–1895 гг. было причиной еще большего размаха реформаторского движения, поскольку после унизительных итогов войны начинают функционировать многочисленные «аналитические ассоциации» под руководством реформистски настроенных китайских интеллигентов.

Поражение в войне показало несостоятельность политики «самоусиления»: построенных в большом количестве текстильных фабрик, железнодорожного полотна, корабельных верфей и военных арсеналов было недостаточно, поскольку недоставало главного для их успешной работы – финансовых ресурсов. В Китае все более очевидной становится необходимость проведения более продуманных и практико-ориентированных реформ.

В частности, можно отметить предложение лидера движения за реформы китайского философа и реформатора Кан Ювэя, который настаивал на политике не только западного заимствования технологий, использующихся в военной и гражданской сфере, но и внедрения в Китае эффективно работающих в Европе и США политических институтов. Еще более радикально высказывались такие философы и реформаторы, как Тань Сытун и Янь Фу, призывая к тотальной реорганизации китайского законодательства по западному образцу. Янь Фу, к примеру, утверждал, что в конечном счете все культурные различия сосредоточены вокруг ответа на главный вопрос: есть проявления свободы в обществе или же они отсутствуют?

Янь Фу, таким образом, был первым из китайских реформаторов, который предлагал перенимать западные демократические институты, гарантирующие личные свободы, высказывался за преобразование китайского национального характера (это стремление находило поддержку у многих выдающихся общественных деятелей того времени, пытавшихся найти эффективный способ

обновить национальную психологию китайцев, видоизменить основы их поведения).

Китайский консерватизм, отсутствие риска, замкнутость обличал и Лян Цичао, который в своих статьях критиковал глупость, трусливость, рабскую покорность (сюда относились традиционное для китайской психологии следование обычаям предков без критического их переосмысления, отсутствие идеи прав и свобод как лозунга народной борьбы, близкая к мистической вера в предрешенность, покорность воле Провидения и т. д.), эгоизм, пассивность и неискренность китайцев, обсуждал иные отрицательные свойства национального характера, предлагал схемы и алгоритмы взращивания нового народа.

Рабскую психологию, или «рабский дух», наиболее агрессивно критиковали представители революционных демократических политических движений. Так, историю двадцати четырех династий Китая Цзоу Жун именовал «великой историей рабства», обосновывая тот факт, что китайцы буквально наслаждаются рабством. Для китайских демократов и мыслителей важнейшей предпосылкой освобождения от указанной многовековой рабской покорности объявлялось упразднение диктатуры. Соответственно, Цзоу Жун концептуально обосновывал важность и неизбежность для Китая прохождения через революционный этап, сформулировал свою революционную программу по свержению маньчжурского господства. По его программе предполагалось после свержения в Китае монархии образовать китайскую республику, в которой будет функционировать избранный народом парламент и ответственное перед парламентом правительство.

Таким образом, именно развитие чувства гражданственности и свободы, воспитание психологии независимости, чувства долга, стремления китайцев к прогрессу, готовность к риску, самоуправлению, развитие уважения к собственному достоинству было основой, с точки зрения реформистов и революционных демократов, преобразования национального духа. Средствами достижения указанных целей были пропаганда и воспитание. При этом пропаганде как главному средству преобразования национального китайского духа уделяли внимание, в первую очередь, революционные демократы, а реформисты были убеждены в важности воспитания нового китайского гражданина, где само-

воспитание и рефлексия могут помочь более, нежели простая пропаганда обновленческих идей.

В последней четверти XIX в. проводятся буржуазные экономические реформы, результатом которых становится создание первых капиталистических предприятий, развитие частного предпринимательства. Но эти процессы сопровождаются ожесточенным сопротивлением влиянию иностранного капитала, активизацией сил, стремившихся сохранить прежние феодальные порядки.

6.4. «Сто дней реформ»

Поражение Китая в войне с Японией (1895) повлекло активизацию социально-политической жизни Китая и положило начало очередной попытке модернизации и преобразования Китая, которая известна в истории как «*Сто дней реформ*». Идеологами и вдохновителями этого движения были молодые интеллектуалы, объединившиеся вокруг философа Кан Ювэя (известен тем, что собирался очистить «святое учение Конфуция» от привнесенных новшеств и всевозможных искажений и использовать его в качестве идеологии китайского преображения). Они брали за образец японский опыт модернизации, а всю энергию направили на молодого императора Айсин Гёро Цзайтяня, тронное имя которого было Гуансюй («*Блестящее продолжение*»).

Император Гуансюй желал воплотить опыт и осуществить историческую миссию японского императора Мацухито в Китае. Такой шанс действительно существовал, поскольку от Гуансюя требовалось, по сути, лишь обеспечить свободу действий реформаторам, определенным образом «легитимировать реформы сверху».

В 1898 г. император Цзай Тянь издает указ «Об установлении основной линии государственной политики», проводятся преобразования, получившие дальнейшее формально-юридическое закрепление в виде императорских указов.

Позиция императора *Гуансюя* в плане перспектив заявленных реформ была определяющей, равно как и настрой представи-

телей придворных кругов. И, несмотря на то что сам император, будучи достаточно образованным и относительно молодым человеком, поддерживающим необходимость проведения масштабных преобразований, в которых отчаянно нуждался Китай, его политические возможности были весьма ограничены. Вдовствующая императрица *Цыси* (тетка императора) пользовалась значительным влиянием при дворе и была ярой противницей всевозможных изменений. Однако император Гуансюй решил начать преобразования и стал сближаться с реформаторами[1].

Период «Ста дней реформ», как было отмечено выше, органически связан с деятельностью китайского философа и реформатора эпохи Цин, каллиграфа Кан Ювэя, который, получив в Пекине небольшую чиновничью должность, широко пропагандировал свои идеи. В наиболее крупных китайских городах и в столице государства основываются отделения «Общества усиления государства», активизируется печатная газетная деятельность.

К началу 1898 г. Кан Ювэй возглавил патриотическое движение, сторонники которого требовали от императора проведения решительных реформ. Император выбрал предложения Кана Ювэя как основу для осуществления преобразований и 11 июня 1898 г. был опубликован императорский указ «Об установлении основной линии государственной политики». Этим документом было положено начало реформаторского курса, продлившегося более трех месяцев – с 11 июня по 21 сентября 1898 г.

16 июня Кан Ювэй был принят императором, состоялась необычно длительная для того времени аудиенция (более двух часов), в результате которой реформатор предложил императору сформировать новые административные органы с сохранением уже действовавших структур и их персонала. После разговора с императором Кан Ювэй, однако, не был назначен на серьезную должность, получив лишь пост секретаря второго класса верховного императорского совета с прикомандированием к канцелярии иностранных дел.

Формально-юридически итогом политики «Сто дней реформ» было издание императором свыше 60 указов, многие из

[1] Ефимов Г.В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен. (1911–1913 гг.): Факты и проблемы. М.: Наука, 1974. С. 189.

которых были направлены на попытку изменения облика Китая (наиболее значимыми были такие императорские указы: об основном политическом курсе государства; о проведении преобразований; об открытии столичного университета; о срочном рассмотрении предложения относительно поощрения ремесел, наук и сельского хозяйства; об открытии в различных районах страны горных школ; о столичном университете; о поощрении научных методов ведения сельского хозяйства; о поощрении изобретательства и научных открытий в целях содействия развитию китайской промышленности, торговли и сельского хозяйства; о реорганизации армии по иностранному образцу; о поощрении земледелия, заимствовании иностранных агротехнических методов и машин и о содействии развитию торговли; об учреждении школ для детей китайских эмигрантов в портовых городах Великобритании, США и Японии; о формировании территориальной армии наподобие армий европейских стран; о разработке и публикации государственного бюджета и его исполнения).

Основной целью всех императорских указов официально являлось создание с их помощью независимого и сильного государства, что требовало изменения структуры центральных правительственных ведомств. Поэтому существовавшие ранее шесть приказов впервые в китайской истории были дополнены ведомствами торговли, промышленности, сельского хозяйства, горных разработок, железных дорог.

Среди важнейших предложений реформаторов, помимо этого, была коренная модернизация армии и оптимизация всех звеньев системы административных органов власти. В области образования предлагалось открыть современный столичный университет, упразднить написание сочинений в традиционном их понимании при сдаче государственных экзаменов, а в образовательные программы планировалось внедрить элементы западных наук, принципы познания, применявшиеся в западной науке. Глобальной целью реформ в системе образования являлось создание условий для развития Китая до уровня развитого западного государства. Это представлялось возможным реформаторам в числе прочего с помощью создания новых школ, перевода и публикации западных

книг, обращения к научному опыту европейских стран, а также пропаганды научных обществ[1].

Однако этим планам не суждено было быть реализованными, поскольку подобные изменения встретили ожесточенное сопротивление со стороны приверженцев традиционного китайского пути развития, без каких-либо кардинальных изменений. Инициатором такого противодействия был сам императорский двор во главе с вдовствующей императрицей Цыси, поддерживаемый представителями столичной китайской аристократии.

Не желая государственного переворота против себя со стороны консервативно настроенных сил, император Гуансюй искал поддержки у генерала Юань Шикая, который имел в своем подчинении передовые и самые боеспособные армейские формирования. Однако генерал Шикай встал на сторону Цысии, 21 сентября в Пекине был совершен государственный переворот, в результате которого многие из реформаторов и сторонников преобразований в китайском обществе были арестованы и казнены. Кан Ювэй смог избежать казни.

Таким образом, поражение реформаторского движения наглядно свидетельствовало о слабости движения за политические и социальные преобразования, несформированной идеи о модернизации китайского общества: реформаторское движение имело очень мало сторонников и не овладело достаточно большими слоями китайского общества[2].

[1] Самойлова М.П., Митцева М.В. «Китайские знания – сущность, западные знания – инструмент» или реформаторское движение в системе образования во второй половине XIX века // Juvenis scientia. 2017. № 9. С. 27.

[2] Самойлов Н.А. Борьба тенденций в общественно-политической мысли Китая периода политики «самоусиления» // Всемирная история и Восток: сб. ст. / под ред. Б.Б. Пиотровского. М., 1989. С. 119.

6.5. Ихэтуаньское (боксерское) восстание

Рубеж XIX – начала XX в. выдался крайне неблагоприятным для государственности Китая, поскольку к этому времени он окончательно превращался в фактически полуколониальное государство в восприятии ведущих западных держав. Стремительно терявшая власть и управление страной цинская монархия переживала внутренние проблемы, сопряженные с выступлениями *дуцзюнов* – представителей региональных военно-политических элит. Положение городских слоев низшего и среднего уровней, а также деревенских жителей ухудшалось.

На этом фоне Север Китая охватил процесс стихийного формирования многочисленных отрядов, выступавших с лозунгами против иностранного засилья и колонизаторства. Указанные отряды имели различные наименования, наиболее известными были «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»), «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»), «Иминьхуэй» («Союз справедливых»), «Дадаохуэй» («Союз больших мечей») и т. д. Выступления отрядов фактически принимали форму народной антииностранной войны, переросшей в итоге в восстание против правящей династии.

Самыми распространенными отрядами повстанцев становятся «Ихэтуань» («Ихэцюань»), при этом от реформаторов во главе с Канн Ювэем и революционных демократов во главе с Сунь Ятсеном их отличало то, что первые стремились интегрировать китайский патриотизм с идеями совершенствования общества, тогда как *ихэтуани* исповедовали ксенофобские настроения, считали неприемлемыми все, что было привнесено в Китай с Запада. Целью движения ихэтуаней был возврат к традиционным китайским устоям, жизненным восточным основам, важнейшим принципом являлась идея уничтожения и изгнания иностранцев из Китая[1].

Приверженность большинства членов повстанческого движения религиозно-мистическим ритуалам, заимствованным от традиционных подпольных сект, также отличала их мировоз-

[1] Восстание ихэтуаней. 1898–1901: Документы и материалы / сост., авт. предисл. и прим. Н.М. Калюжная; пер. с кит. М.: Наука, 1968. С. 54.

зренческие предпочтения, а регулярные занятия физическими упражнениями (*цюань*), очень напоминавшими кулачные бои, послужили их неформальному прозвищу – *боксеры*[1].

Географически движение ихэтуаней, в отличие от южнокитайского тайпинского движения, развивалось в основном на Севере страны, начавшись осенью 1898 г. в провинции Шаньдун. Такая географическая привязка была вызвана тем, что в этом регионе наблюдался наиболее активный процесс внедрения иностранцев в китайскую экономику и общественную жизнь. Север страны к тому же изобиловал разветвленной сетью железных дорог, здесь было множество концессий, размещалось большое количество миссионерских центров, активно шло строительство церквей, размещались штабы и гарнизоны иностранных военных формирований. Очевидно, что для большинства китайцев обрушившиеся на них беды и ухудшение материального положения напрямую связывалось с иностранным влиянием, с «мягкой интервенцией». Низшие слои населения видели в нараставшем религиозном и культурном наступлении Запада прямую угрозу китайской цивилизации[2].

Деятельность восставших обществ являлась радикальной и была направлена против всего иностранного и всего нового (в Китае это часто соединялось в одном). Повстанцы разрушали железнодорожное полотно, уничтожали христианские монастыри и храмы, жестоко преследовали тех китайцев, которые принимали христианскую веру. Известны массовые случаи уничтожения христианских школ и учебных заведений, нападений на христианских миссионеров.

Посланный для подавления восстания китайский военный лидер и политический деятель Юань Шикай, имевший близкие отношения с представителями иностранных держав, действовал весьма эффективно и за счет использования хорошо обученных и вооруженных частей из состава «новой армии» нанес несколько стремительных и ощутимых поражений армии повстанцев. Последние переместили свои силы в центральные районы столич-

[1] Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М.: Наука, 1978. С. 57.

[2] Непомнин О.Е. Податное и частно-зависимое крестьянство Китая на рубеже X1X–XX вв. // Социальные организации в Китае: сб. ст. М.: Наука, 1981. С. 110–111.

ной провинции Чжили, что создавало угрозу столице и другим крупным городам Северного Китая[1].

Ответом на подобное развитие событий было фактическое начало военных действий европейских держав против Китая. Учитывая сложившиеся условия (отсутствие боеспособных подразделений китайской регулярной армии, отсутствие финансовых средств для ведения успешной войны с западными державами), императрица Цыси решила вступить в союз с народным движением *ихэтуаней*.

20 июня 1900 г. Китай официально объявил войну иностранным державам, а отряды ихэтуаней по договоренности с властями заняли столицу, соседние крупные города и предприняли осаду иностранных миссий и концессий. Однако отсутствие современного вооружения не позволило на равных вести войну с европейцами и силами сорокатысячной союзной армии Франция, США, Англия, Германия, Россия, Италия и Япония в августе 1900 г. заняли Пекин.

Определенной реакцией на действия ихэтуаней стала интервенция в маньчжурские территории Китая. После подавления боксерского восстания в 1901 г. маньчжурские территории вдоль Китайско-Восточной железной дороги стали контролироваться русскими вооруженными формированиями, а в период русско-японской войны здесь развернулись боевые действия между двумя иностранными для Китая державами. В дальнейшем Маньчжурия сохраняла статус территории, где наряду с войсками китайских милитаристов были размещены белогвардейские вооруженные отряды, сотрудничавшие с маньчжурскими властями, и воинские формирования японских интервентов[2].

Необходимо отметить, что представители китайской политической оппозиции в целом враждебно отнеслись к ихэтуаням и их повстанческому движению. Либералы в эмиграции во главе с Канн Ювэем и революционеры во главе с Сунь Ятсеном отказались

[1] Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 115.

[2] Подробнее об этом: Меньшиков В.Б., Непомнин О.Е. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М.: Восточная литература, 1999; Clyde P.H. International rivalries in Manchuria. 1689–1922. Columbus: The Ohio State University Press, 1926; Enatsu Y. Banner Legacy. The Rise of a Fengtian Local Elite at the End of the Qing. Ann Arbor: Center of the Chinese Studies The University of Michigan, 2004.

поддержать это выступление[1], что также способствовало снижению шансов на победу в противостоянии с интервентами.

Интервенция привела к очередному сокрушительному поражению китайской армии и в соответствии с Заключительным протоколом китайское правительство в течение 39 лет обязывалось выплачивать огромную сумму в 450 млн юаней. Условиями заключенного соглашения являлось также выведение Китаем своих войск из центрального столичного округа, а также невозможность закупки современных видов вооружений. Ряд требований были направлены на ликвидацию препятствий со стороны китайских властей в отношении европейской торговли и торговцев.

6.6. «Новая политика» и кризис империи

Одним из ключевых итогов подавления вооруженных выступлений ихэтуаней было фактическое закрепление статуса Китая как полуколониальной страны, сохранявшей юридический суверенитет, но в реальности бывшей полностью зависимой от других держав.

К началу XX столетия Китай был поделен на сферы влияния основных западных держав. Юг Китая и регион среднего течения Янцзы был под экономическим контролем Англии, Япония оказывала существенное влияние на провинции нижнего течения Янцзы, Франция проводила свою политику в районе южных провинций, прилегавших к французским же владениям в Индокитае, Германия контролировала Шаньдун – провинцию на Востоке Китая. Что касается российских геополитических интересов и влияния, то они в основном сосредотачивались в районе Маньчжурии, и именно там российские интересы пересекались с интересами набиравшей силу в военном и политическом отношении Японии.

Указанное состояние китайской государственности привело к очередной попытке проведения реформ, которые были объявлены с принятием в 1900 г. императорского указа о необходимости проведения преобразований. «Новая политика», как стали именовать в Китае серию преобразований, предполагала создание

[1] История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ: Высшая школа, 2002. С. 218.

специального правительственного комитета, главной задачей которого была организация проведения реформ. Планировалось, что очередные шаги китайского правительства позволят укрепить династию, окажут действенное воздействие на все сферы государственной и общественной жизни Китая.

Преобразования в сфере государственного управления заключались в упразднении устаревшего Управления по делам различных иностранных государств и создании на его месте Министерства иностранных дел. Образовано также Министерство внутренних дел. В области судопроизводства были реформированы феодальные и жестокие формы следствия, отменялись пытки. Таким образом, китайские власти в очередной раз предприняли попытки приблизить свои государственные структуры и учреждения к западным образцам[1].

Оживление экономического сектора сопровождалось снятием ограничений при осуществлении разных видов предпринимательства; в провинциях разрешалась деятельность акционерных обществ, организовывались торгово-промышленные палаты, торговые союзы, проведена реформа финансовой системы. В результате Китай все больше погружался в процесс развития капиталистических отношений, при этом, хотя капиталистический уклад не был господствующим, он, безусловно, являлся ведущим[2].

В 1905 г. в Китае упраздняется просуществовавшая более тысячи лет система государственных экзаменов на получение ученых степеней (*кэцзюй*). В соответствии с обновленной системой замещения должностей государственного аппарата предполагалось обеспечить приток прогрессивно настроенных людей, способных работать в интересах модернизации Цинской империи с учетом передового иностранного опыта и современных научных знаний[3]. Что касается результатов указанного упразднения экзаменов, то, с одной стороны, это позволило преобразовать

---

[1] История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. С. 357.

[2] Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая 1894–1914 гг. М.: Наука, 1980. С. 217.

[3] Подробнее об этом: Лапин П.А. Упразднение системы государственных экзаменов (кэцзюй) в Китае в поздние годы династии Цин: социально-политическое и культурно-образовательное значение // Общество и государство в Китае. 2016. № 1. С. 70–82; Цзин Шэнь. Кэцзюй – система государственных экзаменов в императорском Китае как фактор формирования национального характера и менталитета // Мы говорим на одном языке: материалы докладов и сообщений VI Междунар. студ. конф. СПб., 2018. С. 72–80.

китайскую систему образования и подготовки служащих, повлекло некоторое обновление идейных основ китайского общества, а с другой – обнаружило и ряд социально-политических проблем, порожденных прежней аттестационной практикой.

Важной составляющей «новой политики» были попытки конституционных преобразований, когда примерно с 1906 г. правящая династия начала задумываться об изменении конституционных основ и принципов государственного строительства. В это время с целью изучить западный опыт государственного устройства в Европу отправляется специальная делегация, а в августе 1908 г. объявляется о введении конституции в ближайшем будущем. Указанные декларационные заявления сопровождались образованием многочисленных обществ и кружков на местах, основной задачей которых была пропаганда и дальнейшее изучение западного опыта политического устройства и государственного строительства.

В ходе *Синьхайской революции 1911 г.* цинская монархия была свергнута и провозглашена республика. В феврале 1912 г. династия Цин отреклась от престола.

Таким образом, обозревая период развития государства и права Китая в Новое время, следует отметить, что если до середины XVIII в. китайская цивилизация с большей или меньшей степенью успеха преодолевала многочисленные испытания (чужеземные нашествия, гражданские войны, стихийные бедствия), то постепенно накапливавшееся отставание от ряда других стран, вставших на путь промышленной революции, а затем вооруженное вторжение Великобритании и Франции в середине XIX в. («опиумные войны»), милитаристской Японии с конца XIX в., как и интервенция восьми держав при подавлении восстания ихэтуаней, резко затормозили развитие Китая, превратив его в зависимую от иностранных государств полуколониальную, полуфеодальную страну[1].

Особенностью развития государственности Китая в Новое время (в частности, во второй половине XIX в.) можно считать медленную и длительную трансформацию всех общественных сфер, а также государственного аппарата и армии. Такая модель

[1] Тихвинский С.Л. К выходу в свет десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 157.

эволюции явилась причиной серьезных геополитических проблем Китая, который, однако, не потерял своих цивилизационных основ, но к рубежу XIX-XX вв. продолжил планомерное развитие в русле постепенного совершенствования и модернизации. Вместе с тем из всех цивилизаций, возникавших в прошлом в разных частях мира, только китайская отличается непрерывностью своего многотысячелетнего развития. Последующая эпоха (период Новейшего времени) станет временем коренного преобразования Китая, что явилось следствием событий, в том числе описанных в настоящей главе. Очевидно, что китайская цивилизация внесла заметный вклад в развитие всего человеческого общества, а ее изучение должно быть продолжено.

6.7. Развитие китайского права

В Китае правовые нормы не играли той роли, которую имели на западе. Китайцы традиционно стремились решать споры не в суде, а с помощью традиций и обычаев. Такая тенденция сохранялась вплоть до XIX столетия, когда с усилением внешнего влияния начинает формироваться и законодательство, определенным образом напоминавшее западные образцы. Развитие права в современном понимании приходится уже на следующий этап развития, эпоху Новейшего времени.

Что же касается источников права в цинский период, то к ним традиционно относят принятый еще в середине XVII в. *Дацин хуэйдянь* – свод законов, регулировавший сферу государственного управления и административных отношений, а также *Дацин люйли*, датировавшийся серединой XVIII столетия (1746), включавший в себя гражданско-правовые, уголовно-правовые, земельно-правовые и семейно-правовые положения.

Правители династии Цин успешно использовали правовые нормы, оставшиеся от предыдущей, минской династии. Само же право было инертным и второстепенным в системе социальных регуляторов и уступало место обычаям, ценностям, ритуалам.

Основу правовых норм периода Нового времени составляли предписания относительно системы административных должностей и порядка осуществления своих полномочий чиновниками.

Китайцы всегда были склонны детализировать поведение чиновников, пытались минимизировать налаживание неформальных контактов представителей бюрократического аппарата с иными влиятельными социальными группами.

Уголовное право продолжало оставаться максимально жестоким с большим количеством составов, предусматривавших в качестве меры наказания смертную казнь. Это же можно сказать и о нормах, регламентировавших уголовный процесс, осуществлявшийся в Китае в инквизиционной форме.

Гражданское и семейное право также вплоть до начала XX в. не получили широкого развития в силу распространенности и высокого авторитета норм обычного права и традиций и местных правил осуществления торговли. Длительное сохранение натурального хозяйства, тяжелое положение крестьян не способствовали развитию гражданского оборота и появлению правовых регуляторов.

В семьях сохранялась патриархальная традиция с сильной властью мужа. Браки заключались, как правило, в форме договора между родителями вступающих в брак молодых людей (согласия самих брачующихся не требовалось).

7. Государство и право Османской империи

7.1. Государственный и общественный строй Османской империи в Новое время

Османская империя (известная как Оттоманская империя, Оттоманская Порта или Блистательная Порта) имеет длительную и весьма насыщенную историю развития своего государства и права, а именно с конца XIII в. по первую четверть XX столетия. За это время была сформирована своеобразная имперская система, наблюдались периоды длительного расцвета и подъема, сменявшиеся периодами регрессии и упадка, а в самих этих этапах можно найти совершенно конкретные и понятные закономерности, свойственные эволюции любой империи. Своеобразие Османской империи заключалось в том, что ее история является переплетением традиций древних конгломератных империй Востока, Византийской державы и принципов исламского халифата.

В конце XIII в. одно из турецких племен (княжеств), во главе которого стал султан Осман, сумело укрепиться и стать самостоятельным государством. В дальнейшем это государство стало расширяться за счет владений ослабевшей Византии и Малой Азии, сумело выйти к морям. Во второй половине XIV в. под власть турок попали феодальные государства Балканского полуострова, было установлено покровительство Венгрии. После непродолжительного периода раздробленности Османского государства на несколько султанатов оно вновь становится единым и очень мощным.

За весь период своего существования Османская империя доминировала более чем над шестьюдесятью народами и крупными племенными объединениями, которые различались между собой и по уровню социально-политического развития, и по такому критерию, как этно-конфессиональная принадлежность (территорию империи населяли турки, арабы, персы, татары, евреи, курды, копты, цыгане, армяне, греки, албанцы, славяне, венгры[1]). Власть и могущество Оттоманской Порты распростра-

[1] Сквозников А.Н. Правовое положение немусульманских подданных в Османской империи в XVI–XIX вв. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2015. № 1-2 (17). С. 4.

нялись в моменте на все Средиземноморье, а правители этой империи стремились подчинить как можно больше близлежащих государств и территорий, шли к созданию империи, равной которой не было бы со времен Рима[1].

Политическая османская элита успешно и эффективно воспринимала древние образцы имперского правления, соответствующие традиции древности, которые потом применялись для формирования самобытной системы властвования, основанной на применении современных военных и технологических достижений. Средневековый этап развития Османской империи логически завершился взятием Константинополя в 1453 г., что сделало Султана Мехмеда II наследником великих византийских императоров (сам он принял титул «римский император» (кейсар и-Рум), а государство восприняло в определенной степени византийскую символику), а его государство – pax ottomanica («могущественной империей»)[2].

Времена возвышения империи османов характеризуются определенной социальной структурой, когда все население страны можно было условно разделить на три основные категории: 1) *райя* – обычные подданные, причем в их составе выделялись как мусульмане, так и немусульмане; 2) *аскери* («люди меча») – придворные и военные; 3) *улемы* («люди пера») – чиновники, представляющие власть султана[3]. К представителям правящего слоя относились те лица, кто служил интересам империи, причем независимо от религиозной и этнической принадлежности (такие служители (*османы*) освобождались от уплаты налогов и всевозможных пошлин).

В соответствии с основными источниками исламского права, и в первую очередь Кораном и положениями мусульманской правовой доктрины, занимавшими особое место в правовой системе Османской империи, подданные признавались равными независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Более того, подданным из числа немусульман в империи гарантирова-

[1] Шишков В.В. Османская империя: от завоевания и интеграции периферий к попыткам модернизации // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 111.

[2] Там же.

[3] Inalcik H. The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914. / ed. By D. Quataert. New York: Cambridge University Press, 1997. P. 17.

лись право на жизнь, свобода вероисповедания, неприкосновенность личности, имущества, право на судебную защиту, свобода хозяйственной деятельности и другие права и свободы. При этом важно понимать, что реальный объем прав и обязанностей подданных напрямую зависел от их конфессиональной принадлежности. Поскольку Османская империя фактически представляла из себя теократическое государство с присущим ему особым статусом ислама как государственной религии, ограничение немусульманских поданных в правах наблюдалось в области государственной и военной службы (традиционно они не могли занимать соответствующие должности[1]).

Что касается классификации самих немусульманских народов Оттоманской империи, то в их числе выделяли постоянно проживающих в государстве *зимми* (в пер. с араб. – «люди договора») и временно находящихся на территории империи подданных – *мюстеменов*[2]. Зимми освобождались от несения военной службы, причиной чему были скорее политические, чем чисто религиозные факторы (власть больше опасалась возможной агрессии вооруженных людей, чем придерживалась религиозного объяснения, в соответствии с которым защита государства с оружием в руках – джихад – являлась обязанностью исключительно мусульман)[3], а также не имели права поступать на государственную службу, что основывалось на некоторых аятах Корана[4].

Отличия немусульман от мусульман проявлялись и в бытовом плане: первым было запрещено использовать мусульманские имена, заглядывать в жилища мусульман, публично употреблять вино или продавать его; немусульмане должны были уступать дорогу мусульманам, предоставлять им жилье и пищу в течение трех дней.

Экономические отношения в Османской империи в целом были подчинены социальным и политическим устоям, модель экономики больше напоминала командно-административную

[1] Сквозников А.Н. Правовой статус немусульманских религиозных общин в Османской империи в XVI–XIX вв. // Advances in Law Studies. 2016. Т. 4. № 2. С. 102–110.

[2] Там же. С. 5.

[3] Подробнее об этом: Хапчаев С.Т. Правовой статус немусульман в исламском государстве // Право и образование. 2010. № 2. С. 115.

[4] Муртузалиев С.И. Положение зимми и Константинопольской Патриархии в Османской империи XV–XVI вв. // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 29–36.

экономическую систему[1], где в качестве главной обязанности правящей элиты был непрерывный поиск различных способов, вариантов и средств к умножению богатства столичного населения, многочисленных придворных чинов, а также стремление к удовлетворению запросов войска, которое постоянно увеличивалось в своей численности (эта закономерность была обусловлена направленностью на постоянную внешнюю экспансию и завоевательные походы).

Очевидно, что общество, которое развивалось в стремительно укреплявшейся империи, поддерживало войну, а военные походы становились, по большому счету, потребностью, жизненной необходимостью, основным средством обеспечения имперской жажды завоеваний. Справедливо отмечается в науке, что в период своего подъема имперские вооруженные силы не знали себе равных, что обеспечивалось не только количеством алчущих добычи воинов, но и использованием военных технических достижений[2].

Важным и определяющим событием в плане военно-технического развития было внедрение в войска огнестрельного оружия, что позволило османам достичь в конце XV – начале XVI в. военно-технического преобладания над войсками кызылбашей, мамелюков и Сафавидского Ирана, которые были разгромлены[3].

Б. Даунинг именует политический строй Османской империи «военно-бюрократическим абсолютизмом»[4], что также можно признать вполне справедливой оценкой и динамической характеристикой имперской государственности османов. Что касается завершения формирования процесса становления османской имперской политической системы, то приблизительно в начале XVI в. она приобретает свои классические очертания.

Политическая система Османской империи, которая сформировалась ко времени ее расцвета, имела в основе религиозные догмы ислама, хотя в определенной сфере эти догмы и принципы

---

[1] Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. М.: АСТ, 2010. С. 109–110.

[2] Шишков В.В. Указ. соч. С. 111.

[3] Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 221–223.

[4] Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3.

сопровождались многочисленными моральными, политическими и юридическими нормативными регуляторами. Государство носило характер патерналистского, религиозно-политическая же форма имперской власти подчеркивала божественный характер полномочий правителя по отношению к своим подданным. Система распределения земельных наделов, которые предоставлялись воинам, доказывала патриархальный характер организации подобного рода отношений.

Воля султанов считалась законодательным повелением, верховная власть имела сакральные основы, хотя правитель был существенно ограничен в своей деятельности нормами шариата. При этом, по словам И.Л. Фадеевой, сосредоточение публичной власти в руках султана не привело к полной централизации управления, которое перепоручалось высшим чиновникам и правителям автономий[1].

В Новое время в Османской империи во многом сохранялись прежние способы централизации власти и, главное, объединения территории, подавления проявлений сепаратизма. Так, именно установление имперского доминирования наряду с подобием отношений «сюзеренвассал» было определяющим в указанном направлении. С другой стороны, особенности провинций, составлявших территорию империи, требовали постоянного их учета со стороны центральной власти, что, в свою очередь, неизбежно влекло установление индивидуального подхода к управлению в рамках каждой периферийной территории.

Политическим центром империи являлся Стамбул с находившимися там представителями правящего военно-бюрократического слоя и самим султаном, а геополитическим центром, который определялся экономическими интересами империи, были Балканы[2]. По утверждению С.А. Сомеля, территориальное ядро Османской империи состояло из тех регионов (Болгария, Греция, Фракия, западная и центральная части Анатолии), в которых со-

[1] Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М.: Восточная литература, 2001. С. 85.

[2] Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Изд-во Европа, 2007. С. 228.

хранявшаяся система военных феодов была доминирующей административной структурой[1].

Султан распространял свою власть и юрисдикцию на наследственные семейно-родовые владения, которые обладали судебным, административным и налоговым иммунитетом с обязанностью несения военной службы (*юрдлуки* и *оджак-лыки*); на ряд вассальных государств (Молдавия, Валахия, Рагузинская республика, Крымское ханство, шерифство Мекка); на *санджаки,* где использовалась система наследственного управления, а также на те санджаки, которые передавались в прямое управление наследникам престола – *шехзаде* (так обозначался титул сыновей султанов в Османской империи в XV–XVIII вв., именовались представители мужского потомства султанов).

В состав территории Османской империи входили территории с особым административно-государственным устройством, зачастую имевшие даже свои регулярные войска, административные институты; некоторым из таких территорий разрешалось даже организовывать свои дипломатические отношения, т. е. традиционный подход к распределению полномочий и предметов ведения, а также элементов суверенитета в империи дополнялся и модернизировался исходя из текущей политической, социальной и конфессиональной обстановки.

Административно-территориальное устройство Оттоманской империи было достаточно разнообразным, султан одновременно использовал разные подходы к делению территории, поскольку существовала необходимость учета конфессионального элемента в процессе управления[2].

Хиджазами (историческими территориями, на которых возник ислам) управляли шерифы Мекки, которые были потомками пророка Мухаммеда и представляли интересы местной олигархии и конкурирующих между собой кланов. Военная олигархия контролировала управление в Алжире и Тунисе – самых западных территориях Османской империи. При этом номинально с начала

---

[1] Сомель С.А. Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции, 1699–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 180.

[2] Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991. С. 156–157.

XVI в. в этих территориях управляли *бейлербеи* (известные еще как беглярбеки, беглербеги или беклербеки – чиновники высокого ранга, наместники в мусульманских государствах), назначаемые из Стамбула, однако с началом периода децентрализации (XVII в.) и в последующем власть в этих провинциях захватили военные командиры местных янычарских отрядов[1].

Разнообразие территорий, входящих в империю, заметно также на примере Валахии, Молдавии и Крымского ханства, которые были полунезависимыми монархиями, и хотя признавали Османский сюзеренитет, оставались фактически независимыми в осуществлении внутренней политики. Их суверенитет позволял правителям формировать свой аппарат власти, определять его структуру, управлять своей армией, чеканить свою монету. Из-за такого неравномерного распределения суверенитета, предметов ведения и полномочий внутри империи нередки были ситуации, когда внешнеполитические шаги Молдавии или Крымского ханства могли противоречить интересам Блистательной Порты и приводили к конфликтам со Стамбулом[2].

Еще одной закономерностью развития, присущей любой, в том числе и Османской империи, являлось формирование и постоянное усложнение громоздкой структуры указанной выше модели административного и политического подчинения зависимых территорий. Это, в свою очередь, отнимало значительную часть имперских ресурсов, способствовало ухудшению внутриполитической и социальной ситуации в масштабах всей огромной империи.

В итоге в ситуации, когда к XVI в. в Османскую империю входили территории Албании, Боснии, Курдистана, Египта, Сирии, Ирака и т. д., их фактическая экономическая автономия (сопровождавшаяся нередко и определенной политической независимостью) превращала в формальность всю имперскую систему управления. Во многом поэтому с конца XVII в. империя вступила в длительную полосу кризиса, внутренних смут и военных неудач. Расцвет империи остался в прошлом.

[1] Шишков В.В. Указ. соч. С. 112.
[2] Сомель С.А. Указ. соч. С. 184–185.

7.2. Кризис XVIII века и реформы XIX века

Многие историки и тюркологи, в частности М.С. Мейер, связывают кризис Османской империи с уменьшением в XVI столетии роста площади обрабатываемых земель империи, в то время как рост населения, напротив, продолжался. Эти процессы, отличавшиеся достаточно быстрыми темпами, вели к дроблению тимаров (условных земельных держаний воинского сословия), снижению доходов, получаемых с пользования этими землями. Кроме того, во второй половине XVI в. территории империи становятся частью формирующегося мирового рынка, главную роль в котором играли наиболее развитые страны Западной Европы[1]. Ситуацию усугубляла «революция цен», дошедшая и до Оттоманской империи: наплыв в Европу дешевого серебра привел к существенному сокращению бюджетных доходов и упадку военного могущества империи.

Именно в этот период те особенности, которые были свойственны каждой из периферийных имперских территорий, начинают появляться с умноженной силой, а сама империя перестает успешно управлять разными по уровню культурного, экономического и политического развития территориями, составляющими ее основу. Очевидно, что политическая османская элита не желала мириться с подобными изменениями, стремилась сохранить за собой ранее достигнутые военно-политические вершины, хотя и вынуждена была прибегать к определенного рода преобразованиям.

Ярким примером может служить период в истории Османской империи, когда к власти пришли великие визири из семейства Кёпрюлю (1656–1710). Их правление известно как эпоха (или эра) Кёпрюлю, в течение которой османское государство смогло обеспечить стабильность во внешней и внутренней политике, повысить престиж власти, ослабленный в предыдущий период. В частности, Мехмед Кёпрюлю, занимавший должность великого визиря с 15 сентября 1656 г., предпринял в целом успешную попытку преодолеть тенденцию к ослаблению экономиче-

[1] Мейер М.С. Особенности становления и развития Османской империи // Basileus: сб. ст., посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М.: Восточная литература, 2007. С. 234–235.

ской и военной мощи, усиливавшуюся децентрализацию, военный упадок и отсутствие удачных военных кампаний.

Мехмед со своими потомками практически ликвидировал внутригосударственные восстания, оздоровил финансовую систему, несколько усовершенствовал модель государственного аппарата.

Важным компонентом эпохи Кёпрюлю были морские и сухопутные военные победы в вооруженных противостояниях с Испанией, Австрией, Речью Посполитой, Венецией, приращение территории за счет включения земель Хорватии и Венгрии, установление контроля над Правобережной Украиной и т. д. При этом назвать преобразования эпохи Кёпрюлю действительно прорывом, модернизацией общества нельзя, они носили частичный характер.

К XVIII столетию ситуация существенно ухудшается, поскольку в результате русско-турецкой и франко-турецкой войн империей были потеряны территории на Балканах и Кавказе, произошло отделение Египта. В начале XIX в. после успешной национально-освободительной борьбы, поддержанной европейскими государствами, независимость провозгласила Греция (1829). В 1830 г. империи пришлось признать автономность Сербии, а годом раньше – протекторат Франции над Алжиром.

Вообще военный фактор и фактически непрерывные военные кампании серьезно истощали казну Османской империи, а поскольку поражения следовали одно за другим, турецкая армия оказалась небоеспособной в условиях применения новой техники. Достаточно многочисленную и современную армию, организованную с учетом новейших достижений военной науки, не позволяла создать устаревшая средневековая военно-ленная система (по сути, это была система сюзеренитета – вассалитета).

Другим фактором, влиявшим на торможение социально-экономического развития Османской империи, была административная децентрализация государства, имевшая в своей основе клановые и полуфеодальные привилегии местных правителей. Все перечисленные обстоятельства вкупе со значительным юридическим неравенством мусульман и «иноверцев» к концу XIX в. привели к экономическому и социально-политическому кризису в Оттоманской империи.

Внешнеполитические условия также не способствовали преодолению указанного кризиса, поскольку европейские государства постоянно преследовали свои интересы, ждали удобного случая, чтобы добиться выхода на Восток в целях развития экономики, что осуществлялось в рамках продолжающегося тогда процесса передела мира.

В частности, после преодоления структурного кризиса наметившаяся имперская экспансия Османов была, по сути, последним всплеском средневекового величия, поскольку уже в течение XVIII в. османы сами активно сопротивлялись нарастающему военному давлению со стороны империи Габсбургов и России (войны 1710–1711, 1716–1718, 1736–1739, 1768–1774, 1787–1792), одновременно удерживая границу с Персией. При этом, как справедливо отмечает С.Ф. Орешкова, поощряя льготами торговлю с западными державами, в первую очередь с Францией и Великобританией, Блистательная Порта закладывает основы так называемого вечного «восточного вопроса» – специфической (и во многом искусственной) ситуации, когда внутриосманские проблемы рассматриваются как вопросы, требующие международного вмешательства[1].

Благодаря такому подходу, основанному на связывании воедино внутренних и внешних проблем, придания им взаимной зависимости, Османская империя длительное время будет оставаться целью финансовых, торговых и колониальных притязаний ведущих западных держав, а также России, преследующей собственные геополитические цели.

Приблизительно с XVIII в. дальнейшее расширение сферы влияния ислама становится практически невозможным, в силу чего османскими правителями признается необходимость сохранения имеющегося наследия. Эта приоритетная задача могла быть успешно решена путем предоставления определенных уступок там, где ранее не было и речи о возможном компромиссе с местными правящими элитами и европейскими геополитическими игроками (последние также нуждались в рынках для пополнения своих собственных сырьевых материалов, а также расширения

[1] Орешкова С.Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 39–40.

рынков сбыта для своих экономик). Соответственно, вынужденные политические уступки в отношении местных правителей, повлекшие за собой неизбежную политическую децентрализацию (наблюдалась на протяжении XVIII в.), а также более активное внешнеторговое сотрудничество с европейскими державами привели к экономическому проникновению западных бизнесменов в османские провинции[1].

Приток иностранного капитала в Османскую империю был поддержан властями, поскольку главной их целью в краткосрочной перспективе (на протяжении XVIII в.) было развитие внутреннего снабжения, накопление материальных ресурсов для внутренней экономики. При этом возможные негативные последствия обозначенной выше внешнеэкономической экспансии для экономики страны не учитывались, но проявились ярко со второй половины XIX в., когда вся инфраструктура османской финансовой системы перешла фактически под контроль западных предпринимателей[2].

Таким образом, и политически, и экономически Османская империя в XIX в. переживала острый кризис, а политическому руководству следовало найти путь для сохранения имперской системы. Единственным способом для этого, учитывая невозможность военного решения вопросов в силу упадка и отсталости армии, было проведение реформ, которые направлены были бы на предотвращение ее распада, позволили бы сформировать европейские управленческие модели в системе внутреннего управления, способствовали бы налаживанию взаимоотношений с европейскими государствами.

Для решения этих задач в первой половине XIX в. (чему предшествовал острый внутрисоциальный конфликт между сторонниками преобразований и приверженцами прежней системы управления) был осуществлен ряд важных реформ, а именно:

– ликвидирована устаревшая военно-ленная система;

– правителям на местах оставлены были лишь гражданские (невоенные) полномочия;

---

[1] Шишков В.В. Указ. соч. С. 113.

[2] Чичек К. Экономика Османской империи в период ее превращения в периферию Запада, 1700-1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 228.

– создана постоянная армия (с последующей отменой пожизненной службы рекрутов);

– преобразована система центрального управления по европейскому типу (с образованием должности премьер-министра);

– ликвидированы мусульманские организации крайнего толка.

Этот период общественно-политического обновления в Османской империи XIX в. в историко-правовой литературе получил название «*танзимат*» (в переводе – реформы, преобразования). *Танзимат* связывается прежде всего с именем бывшего посла империи во Франции, министра иностранных дел *Мустафы Решид-Паши* (от тур. – *Koca Mustafa Reşid Paşa,* 1800–1858 гг.), который был идейным вдохновителем реформ (весьма успешен был в структуре власти: дважды исполнял обязанности посла в Париже и Лондоне, приложил много усилий к успешному разрешению «египетского вопроса», служил губернатором в Адрианополе, являлся министром иностранных дел и великим визирем).

Основные принципы дальнейшего политико-правового устройства империи были изложены в Манифесте от 3 ноября 1839 г. (название манифеста – «*Гюльханейский хатт-и-шериф*»), где впервые в мусульманско-восточной истории выражалась идея гражданского равенства и обеспечения естественных прав человека. В частности, провозглашались права на безопасность жизни, охрану чести и достоинства, неприкосновенность и охрану имущества, причем «без различия вероисповедания и национальной принадлежности». Гарантировался справедливый суд (с постепенным вытеснением шариатских судов), предусматривалось предварительное расследование с соответствующими правами участников процесса. Особо подчеркивалась свобода собственности: «Каждый будет владеть своим имуществом и распоряжаться им с полной свободой, не встречая ни с чьей стороны препятствий».

Объявление манифеста превратилось в Стамбуле в народный праздник, который, однако, был не выражением народной воли, а инициирован властями. Сами же преобразования в целом отвечали настроениям большей части населения Османской империи.

В результате острого политического и финансового кризиса османское правительство было вынуждено начать сотрудничество с европейскими державами[1], что выразилось в заключении Портой ряда торговых соглашений с Францией, Англией, Россией, Италией.

Реформы серьезным образом повлияли на турецкое общество, которое приветствовало появление частной турецкой прессы, а последняя, в свою очередь, положительно влияла на процессы просвещения турецкого общества, развитие публицистики в целом[2]. Впервые в эпоху танзимата закрепляются основы светского образования и появляются первые школы европейского типа (последнее сопровождалось выражением недовольства со стороны консервативных сил и духовенства)[3].

Система городского управления XIX в. также существенно модернизируется в ходе реформ танзимата, и прежние институциональные структуры уступают место новым, при этом одной из основных задач центральной власти было увеличение своего влияния на провинцию и повышение эффективности контроля города и его окрестностей[4].

Созданный в 1868 г. Государственный совет выполнял в основном законопроектные, консультативные и судебные (в качестве высшей инстанции) функции и был подотчетен премьер-министру. Не являясь представительным органом в классическом понимании такого института, Государственный совет состоял из представителей мусульманских и немусульманских общин (последних было в два раза меньше).

Вообще же в 60-х гг. XIX в. правящие феодально-бюрократические круги Турции основное внимание уделяли построению новой концепции сохранения целостности многонациональной Османской империи. Политическая программа этой

---

[1] Мцхвариашвили А.Д. Положение Османской империи в 60-е гг. XIX в. (по материалам опубликованных записок графа Н. П. Игнатьева) // ИСОМ. 2013. № 3. С. 18–20.

[2] Байбатырова Н.М. Турецкая литература и публицистика в эпоху Танзимата (реформ) // Гуманитарные исследования. 2009. № 3. С. 114.

[3] Манахов И.А. Особенности становления светского образования в Турции в середине XIX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 10. Т. 74. С. 138.

[4] Авджи Я. Танзимат в городе: к вопросу о муниципальном управлении в османской провинции // Восточный архив. 2007. № 16. С. 82.

концепции предусматривала «слияние» всех жителей империи в новую общность, в «новый народ», состоящий из «однородных элементов». Объединяющим началом этого «нового народа» должна была стать преданность османской родине вне зависимости от их национальной или конфессиональной принадлежности (концепция «османизма»)[1].

Концептуально османизм зародился на фоне ослабления империи, когда для политической элиты и высоких интеллектуальных кругов стал очевиден запрос на поиск новой идеологии, способной обеспечить единство имперской системы, и особенно ее мусульманской части. В XIX в. в период правления Махмуда II правящие круги начинают формировать новый образ османской державы как некоего общего отечества людей различных народностей и вероисповеданий. При этом следует отметить, что это новое мировоззрение требовало обоснования широких полномочий верховной власти для защиты немусульманского населения, что невозможно было реализовать на практике вследствие сопротивления исламских элит, правящих на периферии. Стержнем массового сознания было неравенство между правоверными и немусульманами[2].

С другой стороны, в науке обоснованно отмечается, что указанная концепция была направлена против национально-освободительного движения христианских народов. Программа «слияния» охватывала административные, судебные дела, систему образования через создание смешанных учебных заведений, которые, кроме «идейного» воспитания в христианских подданных чувства преданности султану, преследовали цель нанести удар по развитой сети учреждений народного образования христианских народов[3].

При этом был учтен неудачный опыт создания смешанных начальных школ в Дунайском вилайете в 1867 г. Ожесточенное сопротивление, оказанное болгарским населением попыткам в

---

[1] Вартаньян Э.Г. Идейно-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX-XX вв. в Османской империи: доктрины паносманизма, панисламизма, пантюркизма // ИСОМ. 2015. № 3. С. 26.

[2] Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М.: Восточная литература. 2001. С. 156.

[3] Сафрастян Р.А. Отражение доктрины османизма в законодательных актах Порты (50–60-е гг. XIX в.) // Турция. История и современность. М., 1988. С. 198.

этом направлении, заставило власть отказаться от такого проекта[1]. «Османизация» в образовательной сфере преследовала еще цель подготовки из числа немусульман верных «османской родине» чиновников. В отношении немусульманских религиозных общин (миллетов) централизация означала ограничение самоуправления и их интеграцию с османской политической системой. Создание самой системы миллетов, как считают историки, было направлено на достижение определенной устойчивости и социального благополучия в условиях сосуществования в социуме представителей разных конфессий и народностей[2].

Очевидно, что оценка политики османизации будет различаться в зависимости от политических взглядов исследователей, однако можно признать, что заявленные «на бумаге» цели и реальные шаги несколько расходились. Так, историки признают, что одним из проявлений политики османизма является стремление «новых османов», впоследствии и младотурков, к объединению всех сил, заинтересованных в поддержке со стороны нетурецких народов империи, и пропаганда доктрины османизма как символа братства и единства в борьбе против султанского абсолютизма. Иной формой реализации указанной политики было «отуречивание» населявших Османскую империю народов, блокирование их национального развития любым способом[3].

Одной из причин активной внутренней политики османизма, возможно, было опасение турецкого правительства, что превосходившие мусульман по численности христиане могут «абсорбировать» традиционную турецкую культуру и веру. Соответственно, с целью противодействия такой угрозе османы начинают активно распространять турецкий язык в стране. Наиболее эффективной была признана правовая форма реализации этого вектора внутренней политики, что выразилось в принятии серии нормативных правовых актов. Во-первых, по нормам Закона о приеме на службу чиновников-инспекторов 1867 г. одним из ключевых

[1] Плетнов Г. Съпротива на българския народ против османизирането народните училища в Дунавския вилает // Трудове на ВтУ. Т. 12. Кн. 3. Велико Търново, 1975. С. 104–105.

[2] Орешкова С.Ф. Османская империя: проблемы межконфессиональных отношений // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. № 6. С. 42.

[3] Колесников А.А. Народные дома в общественно-политической и культурной жизни Турецкой Республики. М., 1984. С. 56.

требований для занятия соответствующих должностей было знание турецкого языка[1].

Что касается статуса и положения мусульман, то великие визиры Али-паша и Фуад-паша, которые считаются инициаторами политики «османизации», выступали за сохранение господствующего положения мусульман и турок в империи. Ими провозглашался принцип четырех столпов османской цивилизации, четырех условий сохранения всей империи: турецкое государство, мусульманский миллет, османские султаны и столица империи Стамбул. Эти основы должны были оставаться неизменными при любых изменениях политической, экономической и геополитической ситуации.

Еще один закон, принятый благодаря усилиям Али-паши и Фуада-паши по «османизации» общества (Закон об османском гражданстве 1869 г.), объявлял всех жителей страны «османскими подданными», независимо от их национальности или конфессиональной принадлежности. Это был очередной шаг к реализации давней цели правительства, а именно идее об унификации всего населения страны. Принятые в 1850–1860-х гг. законы оставались неизменными до самого краха империи, позволяя оставаться сформулированным Фуад-пашой и Али-пашой принципам неизменными до начала XX в.: в этот момент правительство переходит к иным мерам, в основном радикальным, по насильственной «османизации» нетурецкого населения империи[2].

Альтернативным направлением так называемого «слияния» народов было создание смешанной мусульманско-христианской армии. Историки полагают, однако, что истинные причины привлечения немусульман в армию Османской империи было желание использовать их в качестве «пушечного мяса» для защиты имперских интересов. В свое время активный сторонник этой идеи – османский государственный деятель Мидхат-паша, к примеру, сумел вовлечь в турецкое войско некоторое число болгар[3], хотя указанные меры имели временный и весьма локальный характер.

---

[1] Вартаньян Э.Г. История Турции. Краснодар: КубГУ, 2014. С. 338.

[2] Вартаньян Э.Г. Идейно-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX–XX вв. в Османской империи: доктрины паносманизма, панисламизма, пантюркизма // ИСОМ. 2015. № 3. С. 30.

[3] Фадеева И.Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1979. С. 36.

Знаковым событием в государственно-правовой истории Османской империи был приход к власти после дворцового переворота в 1876 г. нового султана Абдул-Хамида II и принятие Конституции, которая провозгласила Османскую империю конституционной монархией. В первые дни своего царствования Абдул-Хамид сумел добиться большой популярности в народе (участвовал в товарищеских обедах офицеров, часто посещал казармы, был доступен для общения и прост в обхождении), хотя и был против конституционных преобразований. Лишь угроза очередного дворцового переворота и ухудшения внутриполитической ситуации заставили его закрепить обещанные ранее конституционные права и свободы.

В соответствии с нормами Конституции предполагалось создание двухпалатного парламента, где верхняя палата (сенат) назначалась бы султаном пожизненно, а нижняя (как это сложилось в конституционной практике европейских стран) избиралась бы народом. Избирательное право предполагалось ограничить имущественным цензом и рядом иных ограничений. Основные законодательные функции должны были быть сосредоточены у парламента.

Однако принятая Конституция европейского типа оказалась слишком радикальной для государства с менталитетом почтения султану и вообще властям, а также с серьезным влиянием религии, отнюдь не желавшей сдавать свои позиции демократическим институтам. В результате через два года парламент был распущен, а Конституция прекратила свое существование. В Османской империи вновь установился режим неограниченной власти и политической диктатуры.

В период правления Абдул-Хамида II был установлен и фактически осуществлялся авторитарный политический режим (сам правитель был прозван «кровавым султаном» за организацию армянских погромов, резню греков на Крите в 90-е гг. XIX в.) и все дальнейшее его царствование характеризовалось сильнейшей реакцией, известной в Турции как эпоха «зулюма» (разбоя). Около тридцати лет империя переживала внутренний террор, доходы государства тратились на развлечения султана и на подарки его фаворитам, лучшие казенные земли были присвоены султаном, а многочисленные солдаты и чиновники практически не получали жалованье.

Султан Абдул-Хамид II активно проводил политику панисламизма (религиозно-политическая концепция, основу которой составляет идея о духовном единстве мусульман всего мира вне зависимости от социальной, национальной или государственной принадлежности, а также утверждение о необходимости политического объединения всех мусульман под властью высшего духовного главы).

Собственно панисламизм можно считать определенным ответом на набирающий силу в балканских провинциях панславизм, реакцией на реформы танзимата, на распространение идей либерального (западнического) османизма. Идея исламского единства, понятная для всех мусульман и воплощенная через пропагандистские кампании, оказалась действенным оружием в руках султана для противостояния европейским государствам[1].

Однако, несмотря на активное продвижение идей панисламизма, эта концепция не превратилась в надежную идеологическую основу и гарантию единства Османской империи: поскольку указанные идеи отталкивали немусульман и не могли противодействовать развитию национализма на периферии империи, развитие получила идеология тюркизма (пантюркизма).

Пантюркизм можно считать идеологией, созданной как компромисс между развивавшимися националистическими взглядами на местах и подобными проявлениями (национализма) в центре империи. Эта система взглядов применялась в первую очередь для сохранения самой османской державы. Со временем пантюркизм трансформировался в тюркизм, что, по мнению исследователей, способствовало утверждению представления о независимой турецкой нации, которой суждено занять свое место в ряду современных наций[2].

---

[1] Абидулин А.М. Официальная идеология и пропагандистские кампании в Османской империи в эпоху правления султана Абдул Хамида II (1876–1909 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2009. С. 14.

[2] Ташансу Т. Процесс модернизации в Османской Империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – начало XX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2007. С. 17.

7.3. Эволюция османской государственности на рубеже XIX–XX веков

Рубеж XIX–XX вв. – период продолжающейся внутренней перестройки административной, политической и хозяйственной систем Османской империи, определенной модернизации культурной области и образовательной сферы. Указанные изменения, носившие, безусловно, прогрессивный характер, удалось осуществить благодаря усилиям имперского правительства и воздействию со стороны западных держав. Характерно, что, как и в других исторических примерах с империями, иностранное вмешательство в проведение реформ имело своим негативным последствием усугубление процессов децентрализации и, как следствие, потерю ряда периферийных территорий в будущем.

К началу XX столетия Османская империя представляла собой весьма ослабленное государство, поскольку ее экономическая модель всецело базировалась на аграрном производстве, а финансовый сектор в той или иной степени контролировался европейскими державами. Демографическая ситуация также была далека от стабильности, так как все население империи (а его численность была огромна – порядка 25 млн человек), разделенное на этнические и религиозные группы, находилось в постоянном конфликте друг с другом, противоположные интересы не давали возможности развиваться социальной структуре[1]. Вообще, можно говорить, что несовершенство и отсталость институциональной основы власти Османской империи во второй половине XIX – начале XX в. от высокого (в сравнении с прошлым) уровня социально-экономических отношений порождали серьезный кризис, тормозили общественное производство, что в конечном итоге и привело к гибели империи[2].

Кроме того, можно увидеть и общую закономерность развития империй на примере империи османов, которая заключалась в прямой зависимости центра от масштаба разрастания ее территорий. Так и в Османской империи огромная территория, созданная

[1] Quataert D. The Ottoman Empire, 1700-1922. New York: Cambridge University Press. 2005. P. 212.

[2] Киласов А.Р. Системный кризис Османской Империи во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 2005. С. 3.

успешной военной экспансией, привела к внутреннему напряжению отношений центра и периферий (дополнительным негативным внешним фактором было здесь влияние западных держав), остановив тем самым прогрессивное развитие всей государственной системы.

Правильно замечает в этом плане С.Ф. Орешкова: имперская государственная структура восточного типа и ислам, выступающие главными социально образующими факторами, способствовали на первых порах прогрессу османского общества, но впоследствии именно они привели к замедлению темпов общественного развития[1].

По большому счету, примерно начиная с XVIII в., несмотря на многочисленные реформы, не сумевшие коренным образом полноценно модернизировать общество, Османская империя пребывала в состоянии определенной стагнации (в экономической и политической сферах). К концу XVIII столетия эта стагнация переходит в деградацию, ярким выражением которой некоторые исследователи называют зависимость султана от придворных, духовенства, янычар.

Грозивший империи в начале XIX в. распад удалось предотвратить реформами танзимата и распространением идеологии османизма, хотя модернизационная политика не была до конца завершена. Выделяют три основных фактора, препятствовавших успешному проведению реформ в империи: 1) угроза утраты сакрального характера центральной власти, выступающей наследницей пророка Мухаммеда; 2) нарастающий сепаратизм периферий; 3) возрастающая экономическая и политическая зависимость от ведущих западных держав[2].

В итоге политика Османской империи к концу XIX в. выражала смесь диктатуры, попыток модернизации общества, проявлений исламизма, этнических чисток и лавирования между интересами ведущих держав. Консервативная политика султанов была не способна подавить националистические и модернизационные

[1] Орешкова С.Ф. Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. 2-е изд. СПб., 2001. С. 493–494.

[2] Шишков В.В. Указ. соч. С. 115.

настроения, что в конечном итоге привело к революции младотурков в 1908 г., после которой в Османской империи негативные тенденции только нарастали: усиливался режим диктатуры, периферийные территории были склонны к сепаратизму (наиболее заметны эти настроения были в Албании и Аравии, где правительство младотурков вело политику по созданию управляемой местной администрации, насильственно вводило турецкий язык в органах власти и правосудия)[1], нарастала внешняя военная угроза.

Младотурки (от тур. *Jön Türkler*) как политическое движение в Османской империи пытались проводить либеральные реформы и стремились сформировать конституционное государственное устройство. После свержения султана Абдул-Хамида II (в ходе революции 1908 г.) все реформы, проведенные младотурками, носили половинчатый и прозападный характер. С 1914 г. власть в Турции сосредоточилась в руках триумвирата младотурецких лидеров (от тур. *Üç Paşalar* – «три паши»): Энвера-пашы, Талаата-пашы и Джемаля-пашы. Фактически отстранив султана и парламент от какого-либо влияния на ситуацию в стране, триумвират в 1915 г. привел Турцию к участию в Первой мировой войне на стороне Австро-Венгрии и Германии.

Внутренняя политика младотурков характеризовалась применением жестких мер террора (в 1915 г. под предлогом высылки из прифронтовой полосы были истреблены свыше 1,5 млн армян, в отношении мусульманского населения применялись авторитарные методы управления), а поражение Турции в Первой мировой войне привело к потере младотурками власти в государстве и фактическому концу Османской империи. С провозглашением 29 октября 1923 г. Турецкой Республики многовековая история Османской империи прекратила свое существование.

[1] Сомель С.А. Указ. соч. С. 197.

7.4. Развитие права в Османской империи

Развитие права Османской империи в Новое время до XIX в. можно назвать гармоничным и соответствующим социокультурным основам турецкого общества: существенных изменений по сравнению с предыдущим периодом не наблюдалось, и основу правовой системы составляли нормы исламского права и шариата. Некоторые изменения связаны с тем, что приблизительно с XVII в. все действовавшие в империи законы приводятся в строгое соответствие с нормами шариата, а с начала XVIII в. султан обязал судей выносить приговоры исключительно в соответствии с шариатом (расхождения между кодексом и шариатом отражались в судебных книгах)[1].

Кардинальные изменения наступили в период *танзимата*, а именно с принятием султанского декрета о реформах 1839 г. (знаменитый *Гюльханейский хатт-и-шериф*). Указанный период традиционно именуется «вестернизацией» османского права и имеет те же причины, что и модернизация государства по западным образцам: ослабленная Османская империя в XIX в. пыталась спасти свою целостность и государственность путем реформирования, в том числе и правовых регуляторов, используя западные институты права, правовые конструкции и принципы. Этому в немалой степени способствовала и политика западных держав (в первую очередь, крупных европейских стран) по навязыванию европейского законодательства для улучшения политики по развитию рынков для сбыта своей продукции, по созданию безопасных условий торговли с Османской империей.

Наиболее заметным изменениям подверглось уголовное право Османской империи. Так, в Уголовном кодексе 1840 г. впервые провозглашался такой буржуазный по своей сути принцип, как равенство всех перед законом, в отношении подданных запрещались произвольные расправы со стороны власти, закреплялись гарантии правильного судебного разбирательства. В нормах этого кодекса прослеживается влияние положений французского Уголовного кодекса 1810 г.

---

[1] Адыгамов Р.К. Исламское право в Османской империи // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 132. С. 10.

Новая редакция уголовного закона, предпринятая в 1858 г., уже в большей степени отражала достижения в области правового регулирования, привнесенные с реформами *танзимата*: в империи юридически закреплялись принципы формального равенства и законности.

Французская модель классификации преступлений и соответствующая система наказаний также были закреплены в уголовном праве Оттоманской империи. Так, смертная казнь, каторга, лишение прав и иные тяжкие наказания полагались за совершение преступлений, а арест, штраф и наказания по государственной службе – за совершение проступков. Выделялись также так называемые полицейские нарушения (карались сравнительно небольшими штрафами либо арестом на срок от 1 до 7 дней). Влияние исламского традиционного права заметно в иных видах наказаний, например в выплатах родственникам убитого в случае совершения убийства и др.

В целом же преступным действием в османском обществе признавалось все то, что запрещалось однозначными текстами Корана и Сунны, а также противоречило закону или приказу султана.

Необходимость создания общего государственного фонда земель и ликвидации остававшихся ленных прав, а также активное развитие частной собственности на землю в отношении светских земельных собственников послужили причиной разработки и принятия *Земельного кодекса* в 1858 г.

Вся земля подлежала разделению по категориям: государственная собственность на хозяйственно используемые земли (*мирийе*), частная собственность (*мюльк*), земли общего пользования, земельная собственность духовных объединений (*вакуфы*), заброшенные участки земли.

Кодификация османского права. Влияние европейского права и принципов правотворчества заметно на примере кодификационной работы, проводимой в 1869–1877 гг. в Османской империи в рамках общей модернизации государственно-правового сектора. Результатом стала кодификация, известная как Маджалла, Меджелле или «ал-Маджалла» (от тур. *Mecelle, Mejelle, Majalla, Medjelle, Meğelle; полное наименование: Majallah el-Ahkam-i-Adilya*).

Кодификационная работа затронула большинство арабских стран, входивших в состав Османской империи (за исключением Египта). Ключевыми аспектами регулирования в Маджалле стали вопросы правоспособности, закрепления вещных и обязательственных прав. Семейная и наследственная сфера традиционно выводилась из-под юрисдикции правовых норм и регулировалась традиционными мусульманскими правилами.

Маджалла, являясь первым примером кодификации исламского права, стала приоритетным источником для судей при принятии решений (доктринальное толкование стало иметь второстепенное значение).

Свою силу Маджалла сохраняла в Турции вплоть до 1926 г., а в Иордании, Ливане, Иране, Сирии и некоторых других государствах региона сохраняла действие и во второй половине XX в.

Особенностью судебного процесса можно считать независимость судей, которые самостоятельно принимали любые решения. Порядок рассмотрения уголовных и гражданских дел в целом был одинаковым. В качестве основных доказательств при изучении дела признавались письменные договоры, клятва (в ряде случаев), свидетельские показания (в качестве свидетелей выступали обычно мусульмане, не пойманные ранее на ложных свидетельствах, достигшие совершеннолетия, обладающие здравым рассудком). Показания двух женщин приравнивались к показанию одного мужчины[1].

Таким образом, развитие права Османской империи соответствовало развитию государства, а преобразования и реформы в правовой сфере шли параллельно модернизации государственных институтов. В этом плане следует отметить прогрессивное влияние европейских стран, которые с целью продвижения своих интересов вынудили политическое руководство империи реципировать ряд западных правовых институтов и принципов в свою правовую систему.

[1] Адыгамов Р.К. Указ. соч. С. 12.

Заключение

История государства и права зарубежных стран в Новое время предстает перед нами как весьма поучительный и важный для современного государственно-правового строительства научный материал. Те коренные изменения, которые произошли в государственно-правовой материи на протяжении XVII – начала XX в., не только изменили представление о праве и государстве современников, но продолжают оказывать воздействие на современную практику принятия управленческих и правотворческих решений сегодня.

Действительно, невозможно представить современное государство без разделения властей на три ветви, без закрепления в конституциях элементов механизма «сдержек и противовесов», без непрерывного следования идее и реализации принципа правового государства, без либеральных концепций в правотворческой политике, без гуманизации основных отраслей публичного и частного права, без сотрудничества государств в международном правовом поле. Вместе с тем указанные достижения государственно-правового развития, ставшие такими привычными сегодня, являются результатом эволюции государства и права в период Нового времени, следствие тех буржуазных революционных изменений в системе управления и правопонимания, которые нашли закрепление в выдающихся правовых памятниках Франции, Англии, Соединенных Штатов Америки и других государств.

Предельно точно и окончательно оценить важность того или иного государства и его вклад в мировую историю посредством революции, реформы, кодекса или социальных изменений невозможно. Все они должны рассматриваться в совокупности, в единстве, в диалектической противоположности.

В частности, как было указано в настоящем учебном пособии, буржуазная революция в Англии для истории государства и права зарубежных стран имеет не меньшее значение, чем Великая французская революция, хотя часто именно Французскую революцию считают самым важным событием всей эпохи Нового времени. Вместе с тем буржуазную революцию в Англии, сопро-

вождавшуюся гражданскими войнами, противостоянием оппозиционно настроенных политических сил на религиозной почве, следует понимать как первую в последующей череде коренных буржуазных преобразований государственности и права, а потому переоценить ее значимость невозможно. В современной науке справедливо отмечается, что английская революция была прежде всего массовым политическим движением, но объективное ее понимание можно достигнуть лишь с помощью связывания политической истории с экономическими, социальными и культурными подходами.

Парадокс же английского буржуазного государства в целом состоит в том, что наиболее ранние в Европе буржуазные отношения, получившие в дальнейшем весьма высокое развитие, так и не смогли вытеснить аристократически-монархические атрибуты, в результате чего Англия по-прежнему остается конституционной монархией, где номинальной главой государства является королева, хотя ее реальная власть уже давно сведена к чисто протокольным аспектам.

Ценность истории государства и права Англии еще и в том, что в XVIII в. в Англии окончательно сформировалась система взаимных сдержек исполнительной (правительство) и законодательной (парламент) ветвей власти, а это, в свою очередь, привело к формированию элементов будущей правовой государственности. Судебная власть в Англии являлась независимой фактически уже с XVII в.

Избирательное право Англии к началу XX в. представляло собой достаточно демократическое законодательство, нормы которого регулировали процесс формирования палаты общин из широких кругов населения и оказали существенное воздействие на современное регулирование в этой сфере.

Наконец, тот факт, что в Новое время посредством активной (преимущественно захватнической) колониальной политики Англия подчинила своему влиянию многие территории на всех континентах, превратилась в могущественную мировую державу, утвердившую свои государственные и правовые институты в большинстве колоний, повлияла на современные национальные правовые системы большинства государств мира.

Главным же достижением современных научных подходов к пониманию закономерностей английского государства и права является успешная «деидеологизация» историографии революции, уход от ставших привычными марксистских оценок известных государственно-правовых событий. Кроме того, справедливо отмечается, что такие направления в историографии, как новая социальная история, новая биографическая история, новая культурная история и другие, в совокупности своей формируют наиболее востребованный сегодня *концепт политической культуры*, широко используемый для изучения разных проблем истории революции[1].

Еще одним ключевым государством для понимания всей государственно-правовой истории Нового времени стали Соединенные Штаты Америки. В Конституции 1787 г. были закреплены федеративные основы государства, а также республиканская форма правления в виде президентской республики. В США впервые сложился тип государства с четким разделением власти на три ветви, сформированные на демократической основе: законодательную, исполнительную и судебную. Еще одним достижением этого этапа является создание действенного механизма разделения властей, основанного на системе «сдержек и противовесов».

Необходимо отметить и высочайшую актуальность исследования эволюции государственности и права Франции в Новое время, к которым в настоящее время все чаще обращаются современные историки. Особенности генезиса во Франции буржуазного государства связываются прежде всего с активным и непосредственным участием в революционном движении широких народных масс, установлением демократических институтов, отражающих интересы практически всех категорий населения, а также с многочисленными, бурными и противоречивыми событиями в процессе становления республиканского строя. Во Франции произошло своеобразное смешение консерватизма английского типа и американского демократического радикализма. И в целом становление стабильных буржуазных отношений произошло позже, чем в других западноевропейских странах.

[1] Соколов А.Б. Указ. соч. С. 157.

Еще одним глобальным фактором французской революционной государственности и французского общества эпохи глобальных буржуазных преобразований станет реализация идеи общества как свободного «единения равных людей, с едиными социокультурными ценностями, культурой, языком и исторической судьбой»[1].

Собственно Великая французская революция не только установила буржуазный государственный строй во Франции, но и способствовала триумфальному шествию буржуазных начал общественного устройства во всем мире. Являясь ключевым событием всего XVIII столетия, революция во Франции оказала воздействие на экономическое развитие всей Европы, на становление нового политико-правового сознания и мышления. Французская буржуазная революция стала в будущем образцом и моделью для свершения иных революций. Как известно, большевики в России во главе с В.И. Лениным тщательнейшим образом изучили французский революционный опыт и сумели эффективно его использовать при подготовке к социалистической революции в 1917 г. Все реформы якобинцев были реализованы в революционной России, при этом главных ошибок большевикам удалось избежать, что и послужило победе в революции и установлению советского государства и права.

Идеи суверенитета народа, равенства граждан перед законом, выборности органов управления, нашедшие отражение в Декларации прав человека и гражданина, в конституциях 1791 и 1793 гг. и легшие в основу государственного строя Первой республики, и сегодня являются ценнейшим наследием революционной Франции. Большинство современных международных договоров, ратифицированных практически всеми государствами мира, закрепляют ценности, достигнутые в ходе Французской буржуазной революции.

Кроме того, в ходе развития революции во Франции можно увидеть, как неблагоприятные внутренние и внешние условия приводят к неизбежной консолидации общества под властью централизованного, авторитарного политического режима. Во Франции таковым стал режим Наполеона Бонапарта, ограничивший многие

[1] Кучукова Ж.М. Указ. соч. С. 32.

демократические процедуры, но остававшийся в целом на основополагающих началах буржуазного государственного строя.

Своеобразием отличаются и восточные государства, в первую очередь Китай, Япония, а также трансконтинентальная Османская империя. По поводу Японии и Китая прежде всего следует отметить, что общая закономерность их развития в Новое время заключается во внешнем воздействии со стороны западных держав, в результате чего ими был получен импульс развития государства и права с рецепцией наиболее эффективных институтов управления. Похожие выводы можно сформулировать и в отношении Османской империи, которая на рубеже XIX–XX вв. переживала период внутренней перестройки административной, политической и хозяйственной систем, определенной модернизации культурной области и образовательной сферы. Указанные изменения, носившие, безусловно, прогрессивный характер, удалось осуществить, в том числе благодаря усилиям имперского правительства и воздействию со стороны западных держав.

Таким образом, в Новое время так же, как и в период Средневековья, можно различать западный и восточный путь эволюции государственности, при этом определяющим является, безусловно, западный путь, влияние ведущих европейских держав во всех сферах государственного управления и правового регулирования.

Литература

1. Абидулин А.М. Официальная идеология и пропагандистские кампании в Османской империи в эпоху правления султана Абдул Хамида II (1876–1909 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2009. 27 с.
2. Абрамова А.И., Мицкевич А.В., Пиголкин А.С. и др. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. Пиголкина А.С. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 382 с.
3. Авджи Я. Танзимат в городе: к вопросу о муниципальном управлении в османской провинции // Восточный архив. 2007. № 16. С. 81–90.
4. Адо А.В. Крестьянские восстания в начале Французской революции в 1789 г. // Из истории общественных движений и международных отношений: сб. ст. в память акад. Е.В. Тарле. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 148–169.
5. Адыгамов Р.К. Исламское право в Османской империи // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 132. С. 58–80.
6. Английская буржуазная революция XVII века / под ред. Е.А. Косминского и Я.А. Левицкого. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. 377 с.
7. Антропов Р.В. Кодификация права Германии: конец XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
8. Атанасов П.С. Томас Джефферсон и рабство // Вопросы всеобщей истории. 2016. № 18. С. 174–183.
9. Бабанцев Н.Ф., Прокопьев В.П. Германская империя 1871–1918 гг. Историко-правовое исследование. Красноярск, 1984.
10. Баев В.Г. Бисмарк и Конституция 1871 года // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 113–121.
11. Баев В.Г. Государственные интересы в международно-правовых взглядах Бисмарка // Современное право. 2010. № 4. С. 163–166.
12. Баев В.Г. Законодательная деятельность германского рейхстага в период Веймарской республики (1919–1933 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2002. 21 с.

13. Байбатырова Н.М. Турецкая литература и публицистика в эпоху Танзимата (реформ) // Гуманитарные исследования. 2009. № 3. С. 113–118.

14. Балакин В.И. Прусское влияние на формирование японской государственности периода Реставрации Мэйдзи 1868–1888 гг. // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 112–121.

15. Батиев Л.В. Право как необходимый минимум нравственности (моральное содержание закона в философии Нового времени) // Философия права. 2011. № 2 (45). С. 38–43.

16. Белькович Р.Ю. Две войны за независимость: Авраам Линкольн и проблема сецессии // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 218–235.

17. Беспалова Л.Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-2 (72). С. 229–233.

18. Болховитинов Н.Н. История США: в 4 т. М.: Наука, 1985. Т. 2. 600 с.

19. Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Происхождение брюмерского консульства. Конституция III-го года. СПб., 1905. Ч. I.

20. Вартаньян Э.Г. Идейно-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX–XX вв. в Османской империи: доктрины паносманизма, панисламизма, пантюркизма // ИСОМ. 2015. № 3. С. 26–30.

21. Вартаньян Э.Г. История Турции. Краснодар: КубГУ, 2014.

22. Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. М.: Высшая школа, 1994. Т. 2. 495 с.

23. Великая французская революция, 1789–1989: документы и исследования. М.: Изд-во МГУ, 1992. Т. 2. 352 с.

24. Виноградова О.П. Германское гражданское уложение 1896 г. Как образец буржуазной кодификации права // Вестн. Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 77–83.

25. Власов Н.А Великий Бисмарк. «Железом и кровью». М., 2011. 544 с.

26. Власов Н.А. Военное законодательство Бисмарка после объединения Германии: 1871–1874 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2006.

27. Восстание ихэтуаней. 1898–1901: документы и материалы / сост., авт. предисл. и прим. Н.М. Калюжная; пер. с кит. М.: Наука, 1968. 276 с.

28. Воцелка К. История Австрии. М.: Весь Мир, 2007. 497 с.

29. Галкин И.С. Создание Германской империи, 1815–1871 гг. М., 1986. 173 с.

30. Германская история в Новое и Новейшее время / под ред. С.Д. Сказкина. М., 1970. Т. 1. 510 с.

31. Градовский А.Д. Германская конституция. Ч. 2. Обзор действующей конституции. СПб., 1876. 160 с.

32. Гуляков А.Д. Процесс учреждения федеративных государств в центре Европы (опыт Швейцарии, Германии, Австрии) // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 1 (41). С. 5–18.

33. Дантон Ж.Ж. Избранные речи. Редакция и примечания Н.С. Гольдина. Харьков, 1924.

34. Документы истории Великой французской революции: в 2 т. / отв. ред. А.В. Адо. М., 1990. Т. 1. 528 с.

35. Дорофеев Д.В. Провозглашение независимости США и внешняя политика: аргументы Pro et contra (весна-лето 1776) // Манускрипт. 2016. № 7-2 (69). С. 44–48.

36. Елизарьев В.Н. История Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях. Южно-Сахалинск, 2002.

37. Ефимов Г.В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911–1913 гг.): факты и проблемы. М.: Наука, 1974. 415 с.

38. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. 767 с.

39. Жучкова С.М. Внутриполитическое развитие Японии в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2000. 23 с.

40. Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А. Русские Курилы: история и современность: сб. док. по истории формирования рус.-яп. и совет.-яп. границы. М., 1995.

41. Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней / пер. Г.П. Бляблин и др. М.: Весь Мир, 2006. 878 с.

42. Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. – 1917 г. Хабаровск, 2001.

43. История дипломатии: в 3 т. / сост.: С.В. Бахрушин, А.Ф. Ефимов, Е.А. Косминский и др.; под ред. В. П. Потемкина. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 1. 568 с.

44. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. VI: Династия Цин (1644–1911) / гл. ред. С.Л. Тихвинский; отв. ред. О.Е. Непомнин. М.: Наука, 2014. 886 с.

45. История Китая: учеб. / под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ: Высшая школа, 2002. 736 с.

46. Еремин В.Н. и др. История Японии: учеб. пособие / отв. ред. А.Е. Жуков. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН, 1999. Т. 2: 1868–1998. 1999. 703 с.

47. Казачанская Е.А., Конопий А.С. Переворот 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года) и переход к режиму единоличной власти Бонапарта // Философия права. 2019. № 4 (91). С. 167–174.

48. Какоурова Н.А. Вещное право Франции по Гражданскому кодексу Наполеона 1804 г. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 3 (66). С. 16–22.

49. Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М.: Наука, 1978. 363 с.

50. Кантур Р.А. Институт гэнро в системе органов государственно-политической власти Японии эпохи Мэйдзи // Ежегодник Япония. 2015. № 44. С. 253–262.

51. Киласов А.Р. Системный кризис Османской империи во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 2005. 28 с.

52. Клевченкова М.Н. Истоки МЧП Франции (к 200-летию Кодекса Наполеона 1804 г.) // Журнал российского права. 2005. № 2 (98). С. 144–158.

53. Ковалевский М.М. Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 2.

54. Колесников А.А. Народные дома в общественно-политической и культурной жизни Турецкой Республики. М., 1984.

55. Колосок С.В. Кодификация гражданского права Германии в XIX веке // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 22–28.

56. Комлева Ю.Е. Государственно-политическая организация Священной Римской империи германской нации в Новое время: феномен «имперского федерализма»: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.

57. Конрад Н.И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974.

58. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Госюриздат, 1957. 588 с.

59. Кузнецов А.П. Вклад И.А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX в. СПб., 2007.

60. Кучма В.В. Развитие государственного строя Германии и Японии в период Нового времени: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2000. 72 с.

61. Кучукова Ж.М. Французская нация как проект Великой французской революции // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 4 (39). С. 31–36.

62. Лапин П.А. Упразднение системы государственных экзаменов (кэцзюй) в Китае в поздние годы династии Цин: социально-политическое и культурно-образовательное значение // Общество и государство в Китае. 2016. № 1. С. 70–82.

63. Ларионова А.Н. «Движение за свободу и народные права» и первые проекты конституции Японии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 11 (20). С. 101–109.

64. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.

65. Лысенко О.Л. История кодификации торгового права Германии в XIX в.: дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. 146 с.

66. Максаков В.В. Робеспьер и церковь: заметки к теме // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2016. № 18. С. 87–97.

67. Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. М., 1998. 126 с.

68. Манахов И.А. Особенности становления светского образования в Турции в середине XIX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 10. Т. 74. С. 136–140.

69. Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983.
70. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 19.
71. Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991. 261 с.
72. Мейер М.С. Особенности становления и развития Османской империи // Basileus: сб. ст., посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М.: Восточная литература, 2007. С. 222–239.
73. Меньшиков В.Б., Непомнин О.Е. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М.: Восточная литература, 1999. 334 с.
74. Метельская В.В., Шевцов С.Г. Сервитуты в системе вещных прав. Краснодар, 2009.
75. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис: Рипол классик, 2006.
76. Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. URL: https://royallib.com/read/mine_fransua/istoriya_frantsuzskoy_revolyutsii_s_1789_po_1814_gg.html#1659593 (дата обращения: 24.02.2021).
77. Муртузалиев С.И. Положение зимми и Константинопольской Патриархии в Османской империи XV–XVI вв. // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 29–36.
78. Мцхвариашвили А.Д. Положение Османской империи в 60-е гг. XIX в. (по материалам опубликованных записок графа Н.П. Игнатьева) // ИСОМ. 2013. № 3. С. 18–20.
79. Мэдисон Дж., Гамильтон А. Федералист. М.: Прогресс, 1994.
80. Непомнин О.Е. Податное и частно-зависимое крестьянство Китая на рубеже X1X–XX вв. // Социальные организации в Китае: сб. ст. М.: Наука, 1981. С. 100–124.
81. Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая 1894–1914 гг. М.: Наука, 1980. 368 с.
82. Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938.
83. Орешкова С.Ф. Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. 2-е изд. СПб., 2001. С. 474–494.

84. Орешкова С.Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 34–46.

85. Орешкова С.Ф. Османская империя: проблемы межконфессиональных отношений // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2008. № 6. С. 33–44.

86. Остроумов С.В., Остроумов Н.В. Осмысление наследия Дж. Локка американскими федералистами как пример эффективного внедрения философской концепции в политические институты государства // Аграрное и земельное право. 2012. № 4 (88). С. 143–146.

87. Панов А.Н. Эпоха реформ в России и Японии (середина XIX века – начало XX века) // Ежегодник Япония. 2015. № 44. С. 304–337.

88. Пасмурцев В.А. Маньчжурские территории как фактор политики империи Цин (середина XVII – начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 108–117.

89. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 448 с.

90. Петров Г.Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко-экономические исследования. 2008. № 2. С. 140–150.

91. Петров К.В. Правовое государство как реальность Нового времени // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2. С. 125–129.

92. Плетнов Г. Съпротива на българския народ против османизирането народните училища в Дунавския вилает // Трудове на ВтУ. Велико Търново. 1975. Т. 12. Кн. 3. С. 104–105.

93. Поликарпова Е.В. Трансформация Китайской государственности в новое и Новейшее время // Lex Russica. 2016. № 2 (111). С. 147–174.

94. Просандеева Н.В. Кодекс Наполеона: истоки жизненной силы // Право и образование. 2008. № 8. С. 110–116.

95. Рассказов Л.П. Особенности формирования конституционного строя Германии и Франции в Новое время: сравнительно-правовой анализ // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 94. С. 917–940.

96. Рассказов Л.П. Формирование нормативного элемента правовых систем Германии и Франции и влияние этого процесса на другие страны Европы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 105. С. 964–980.

97. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1814. СПб., 1996.

98. Романовская В.Б., Пужаев В.В. Обычай и разум как источники японского права в эпоху Мэйдзи // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4 (52). С. 19–29.

99. Рубаник В.Е. История государства и права зарубежных стран: учеб. для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. 544 с.

100.Русско-японские договоры и соглашения // Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т. 22.

101. Рыжик А.В., Чурилов С.Н. Классификация вещей по Гражданскому кодексу Франции (Кодексу Наполеона 1804 г.) // Человеческий капитал. 2012. № 3 (39). С. 35–38.

102. Самойлов Н.А. Борьба тенденций в общественно-политической мысли Китая периода политики «самоусиления» // Всемирная история и Восток: сб. ст. / под ред. Б.Б. Пиотровского. М., 1989. С. 115–124.

103. Самойлова М.П., Митцева М.В. «Китайские знания – сущность, западные знания – инструмент» или реформаторское движение в системе образования во второй половине XIX века // Juvenis scientia. 2017. № 9. С. 26–27.

104. Сапрыкин Д.А. Формирование системы местного самоуправления Японии в эпоху Мэйдзи (1868–1911) // Восток (Oriens). 2011. № 2. С. 25–31.

105. Сасаки Хироси. Тисокайсэй: земельно-налоговая реформа. Токио: Тюокоронся, 1989.

106. Сафрастян Р.А. Отражение доктрины османизма в законодательных актах Порты (50–60-е гг. XIX в.) // Турция. История и современность. М., 1988.

107. Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов: к проблеме русско-японских отношений в XVII–XX вв. М., 2005.

108. Сила-Новицкая Т.Г. Идеология «императорского пути» и массовое сознание // «Дух Ямато» в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1989. С. 42–67.

109. Сквозников А.Н. Правовой статус немусульманских религиозных общин в Османской империи в XVI–XIX вв. // Advances in Law Studies. 2016. Т. 4. № 2. С. 102–110.

110. Сквозников А.Н. Правовое положение немусульманских подданных в Османской империи в XVI–XIX вв. // Вестн. Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2015. № 1-2(17). С. 3–14.

111. Скворцова Е.Л. «Христианский век» в Японии. К проблеме взаимодействия национальных культур // Человек и мир в японской культуре. М., 1985. С. 118–134.

112. Скворцова Е.Л. О парадоксе эпохи Мэйдзи (1868–1911): Культурологические проблемы перевода западной терминологии на японский язык в условиях восстановления традиционного общества // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 3. С. 34–55.

113. Соколов А.Б. Английская революция в освещении новейшей зарубежной историографии: от гражданских войн к республике и протекторату // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 1. С. 146–158.

114. Сомель С.А. Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции, 1699–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 177–205.

115. Степанова В.В. Политический кризис 60-х годов XIX века в Пруссии и его последствия для Германии. Нижневартовск, 2000.

116. Степанова В.В. Прусский политический кризис 60-х годов XIX века и объединение Германии: дис. … д-ра ист. наук. Нижневартовск, 2000. 357 с.

117. Строева М.В. Петербургский договор 1875 г. и его роль в истории русско-японских отношений XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

118. Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855–1875 гг.: от Симодского трактата до Петербургского договора: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2004.

119. Тадагава Сэйдзо. Конституция Японии 1889 г. и «модернизация страны» // Правоведение. 2009. № 4. С. 193–199.

120. Талалян Е.Д. Переворот 9 Термидора глазами члена Комитета общественного спасения // Европа. 2005. № 5. С. 65–78.

121. Ташансу Т. Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – начало XX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2007. 21 с.

122. Теплова Д.О. Идеи американских федералистов и их реализация в Конституции США 1787 года // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 38–40.

123. Тихвинский С.Л. К выходу в свет десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 156–162.

124. Тихвинский С.Л. Некоторые соображения по освещению маньчжурского правления в Китае (в связи с книгой О.Е. Непомнина) // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 99–103.

125. Толстогузов С.А. Финансовый кризис и Мэйдзи исин // Японские исследования. 2018. № 2. С. 54–71.

126. Трубин Р.О. К вопросу о понятии «право» в Новое время // Вестник КрасГАУ. 2014. № 7(94). С. 222–226.

127. Фадеева И.Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1979.

128. Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М. Восточная литература, 2001. 288 с.

129. Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М. Восточная литература, 2001. 288 с.

130. Филимонова М.А. Соединенные Штаты Америки на пути к консолидации. Политическая борьба в Континентальном Конгрессе. 1781–1788. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2007. 278 с.

131. Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. М.: АСТ, 2010. 829 с.

132. Фофанова А.Р. Проблема взаимоотношений США с индейскими племенами в период действия Статей конфедерации (1781–1787 годы) // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 16–32.

133. Фофанова А.Р. Создание Статей конфедерации и начало американской государственности // Вестник Новосибирского

государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 1. С. 45–53.

134. Французский гражданский кодекс 1804 года: С позднейшими изменениями до 1939 г. / пер. И.С. Перетерского. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 472 с.

135. Французский уголовный кодекс 1810 года: с изм. и доп. по 1 июня 1940 г. / пер. Н.С. Лапшиной; под ред. и со вступ. ст. М.М. Исаева. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 372 с.

136. Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. Л.: Наука, 1978. 414 с.

137. Хапчаев С.Т. Правовой статус немусульман в исламском государстве // Право и образование. 2010. № 2. С. 113–120.

138. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. 1.

139. Цзин Шэнь. Кэцзюй – система государственных экзаменов в императорском Китае как фактор формирования национального характера и менталитета // Мы говорим на одном языке: материалы докладов и сообщений VI Междунар. студ. конф. СПб., 2018. С. 72–80.

140. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост.: В.Н. Садиков; под ред. и с предисл. З.М. Черниловского М.: Всесоюз. юрид. заоч. ин-т., 1973. 495 с.

141. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост.: В.Н. Садиков; под ред. З.М. Черниловского. М.: Дым, 1994. 413 с.

142. Чистотина О. Культ императора как основа новой японской идентичности (первые годы эпохи Мэйдзи) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2012. Вып. 15. С. 96–105.

143. Чичек К. Экономика Османской империи в период ее превращения в периферию Запада, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 207–229.

144. Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. М., 1988. 416 с.

145. Шишков В.В. Османская империя: от завоевания и интеграции периферий к попыткам модернизации // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 111–115.

146. Шишов А.В. Россия и Япония: история военных конфликтов. М., 2000.

147. Щербаков Д.А., Емельянова О. Земельно-налоговая реформа в Японии в эпоху Мэйдзи и ее значение // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 155–166.

148. Юшкевич В.А. Наполеон Первый на поприще гражданского правоведения и законодательства // Цивилистические исследования: ежегодник гражданского права. М., 2006. Вып. 2.

149. Clyde P.H. International rivalries in Manchuria. 1689–1922. Columbus: The Ohio State University Press, 1926. 323 p.

150. Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. 308 p.

151. Enatsu Y. Banner Legacy. The Rise of a Fengtian Local Elite at the End of the Qing. Ann Arbor: Center of the Chinese Studies The University of Michigan, 2004. 166 p.

152. Furet F., Richet D. La Revolution Francaise. P., 1966.

153. Hughes A. A ‘lunatick revolter from loyalty’: The Death of Rowland Wilson and the English Revolution // History Workshop Journal. 2006. Spring. Issue. 61 p.

154. Inalcik H. The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914. / ed. by D. Quataert. New York: Cambridge University Press, 1997. P. 9–409.

155. Puhle H.-J., Wehler H.-U. Preußen: Entwicklung und Fehlentwicklung // Geschichteund Gesellschaft. Göttingen, 1980. Sonderheft 6.

156. Quataert D. The Ottoman Empire, 1700–1922. New York: Cambridge University Press, 2005. 212 p.

157. Quigley C. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. San Diego: CA, 2014.

158. Samuel Adams to John Pitts [1776. July 9] // Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: in 26 vols. / ed. by P.H. Smith. Washington: USGPO, 1979. Vol. 4.

159. Stöpel F. Die Wirtschafts – und Sozialpolitik des Fürsten Bismarck. Leipzig, 1885.

160. Thach C.C. Jr. The Creation of the Presidency 1775–1789. A Study in Constitutional History. Indianapolis: Liberty fund, 2007. 179 p.

Оглавление

Введение…….. 3
1. Государство и право Англии в Новое время..... 8
1.1. Предпосылки и этапы буржуазной революции в Англии……... 8
1.2. Государственный строй Великобритании в XVIII–XIX веках. Колонии…….. 17
1.3. Особенности развития английского права в период Нового времени……... 24
1.4. Хабеас корпус акт 1679 года. Билль о правах 1689 года……... 35
2. Становление государства и права Соединенных Штатов Америки……. 40
2.1. Образование Соединенных Штатов Америки….. 40
2.2. «Статьи Конфедерации». Конституция Соединенных Штатов Америки……. 47
2.3. Особенности формирования американского права…….. 63
2.4. Билль о правах 1789 года…… 68
3. Государство и право Франции в Новое время… 70
3.1. Предпосылки Французской буржуазной революции. Первый этап революции…… 70
3.2. Первая республика во Франции……. 74
3.3. Якобинская диктатура……. 77
3.4. Восстановление монархии…….. 89
3.5. Государственный строй Второй и Третьей республик во Франции…… 93
3.6. Развитие права. Кодификация Наполеона……. 97
4. Государство и право Германии в Новое время… 106
4.1. Развитие государственности Германии до XIX века……... 106
4.2. Генезис объединительных процессов в Германии……... 108
4.3. Конституция 1871 года. Отто фон Бисмарк и его политика…….. 115

4.4. Развитие права Германии в Новое время…….. 129
4.5 Германское гражданское уложение 1896 года
и Германское уголовное уложение 1871 года…….. 133
5. Развитие государства и права Японии..... 138
5.1. Предпосылки буржуазных государственно-
правовых изменений в Японии…….. 138
5.2. Буржуазная революция Мэйдзи.
Буржуазные реформы……. 142
5.3. Социально-политическая обстановка и развитие
партийной системы……. 152
5.4. Конституция Японии 1889 года……... 157
5.5. Внешняя политика Японии в конце XIX века….. 170
6. Государство и право Китая в Новое время..... 173
6.1. Общественная структура и государственное
управление в период империи Цин……... 173
6.2. «Опиумные войны»……. 179
6.3. Реформаторское движение в Китае……... 186
6.4. «Сто дней реформ»…….. 190
6.5. Ихэтуаньское (боксерское) восстание……... 194
6.6. «Новая политика» и кризис империи…… 197
6.7. Развитие китайского права……. 200
7. Государство и право Османской империи..... 202
7.1. Государственный и общественный строй
Османской империи в Новое время……... 202
7.2. Кризис XVIII века и реформы XIX века…… 209
7.3. Эволюция османской государственности
на рубеже XIX–XX веков…… 220
7.4. Развитие права в Османской империи……... 223
Заключение…… 226
Литература……. 231

Учебное издание

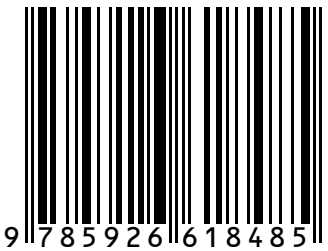
Карнаушенко Леонид Владимирович

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Учебное пособие

Редактор *Т. Г. Кривошеева*
Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1848-5

Подписано в печать 11.05.2022. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 14,3. Тираж 100 экз. Заказ 35.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.